
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1981

Трудящиеся Советского Союза! Ознаменуем одиннадцатую пятилетку ударным инициативным трудом на благо Родины!

Решения XXVI съезда КПСС — выполним!

Все для блага человека, все во имя человека!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1981 года.

Весенняя страда в Алма-Атинской области называет первых героев.

ПОСЕВНАЯ

Теплые ветры наполнили паруса весны. Пора посевной коротка, как стремительная атака. Тут счет идет даже не на дни, а на часы... Было воскресенье, но в совхозе «Каскеленский» сев шел полным ходом: посевная выходных не знает. Ехал я в пятую бригаду, на дальние совхозные поля, где предстояло засеять зерновыми пять тысяч гектаров. На ближних массивах уже отсеялись, и пашня лежала под солнцем тихая, умиротворенная, словно прислушиваясь к тайной, пробуждающейся в ее лоне жизни.

— До 1954 года, до начала великой целинной эпопеи, не знала пахаря здешняя степь, — рассказывал мой попутчик, секретарь совхозного парткома Амангельды Барманбеков.— Казахи прозвали это место кора ой — черная падь, потому что, кроме колючих степных трав, никогда и ничего тут не росло. А потом появились люди, поставили первую палатку, неплохие урожаи (даже по 19 центнеров с гектара вкруговую бывало). Ежегодно засеваем зерном почти 30 тысяч гектаров. Только сверх плана в прошлой пятилетке сдали почти 11 тысяч тонн зерна. Кроме того, держим 35 тысяч овец, 40 тысяч свиней, крупный рогатый скот, выращиваем свеклу, кукурузу... Как видите, хозяйство сложное. Но при этом не забываем, что хлеб — все-таки главное. Ударные темпы и высокое качество сева — ответ нашего коллектива на постановление о Всесоюзном социалистическом соревновании в одиннадцатой пятилетке.

...В пятой бригаде сев подходил к концу. Посевные агрегаты возникали почти у линии горизонта едва заметными точками, потом исчезали в низине и снова появлялись совсем близко. Тогда мощный рокот «Кировцев» взламывал тишину, и становилось видно, как

пустили по степи первый трактор...

Я видел этот трактор сначала на фотографии в совхозном клубе. Он был таким маленьким на фоне такой огромной степи. Он шел прямо от палатки, и за ним тянулась первая борозда вспаханной земли. А больше ничего вокруг не было — только степь. Потом я увидел этот же трактор, вознесенный на постамент. Он стал памятником.

А вокруг трактора-памятника бурлила жизнь. Привольно распахнулись улицы поселка с его прекрасными домами, магазинами, асфальтом дорог, садами, парком, стадионом и аллеей первоцелинников. Казалось, что эта жизнь существовала здесь вечно, но тут возник в памяти первый трактор, заставляя как бы переосмыслить все, сделанное руками этих людей.

— Земля у нас трудная — жесткая богара,— знакомил меня с хозяйством директор совхоза Владимир Викторович Житников, делегат XV съезда Компартии Казахстана,— но и на ней мы получаем легко и непринужденно тянут эти богатыри одновременно несколько сцепленных сеялок.

— Хорошо, — сказал стоявший рядом главный агроном совхоза Валерий Степанович Новиков. И я понял, что это «хорошо» относится и к слаженной работе агрегатов и к доброй погоде.

День клонился к вечеру. Сев в «Каскеленском» заканчивался, когда вдруг с запада надвинулись тучи и сорвался с гор ветер. Сразу потемнело, запахло дождем.

— Давай-давай, — торопил природу многоопытный бригадир Константин Кинцель, — теперь можешь лить сколько хочешь, семена уже в земле...

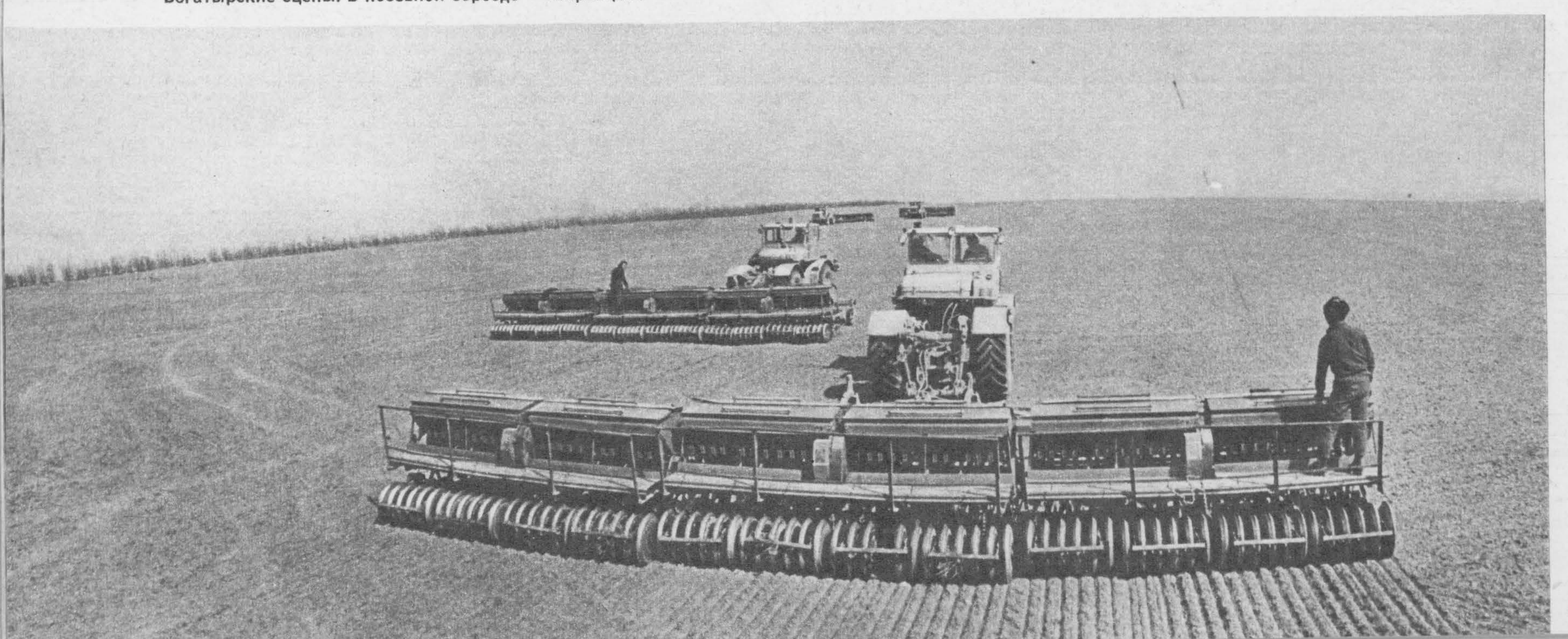
И когда «Кировцы» завершали последний круг, их настиг дождь. Трактористы вылезали из кабин, подставляя головы дождю, теплому, по-настоящему весеннему.

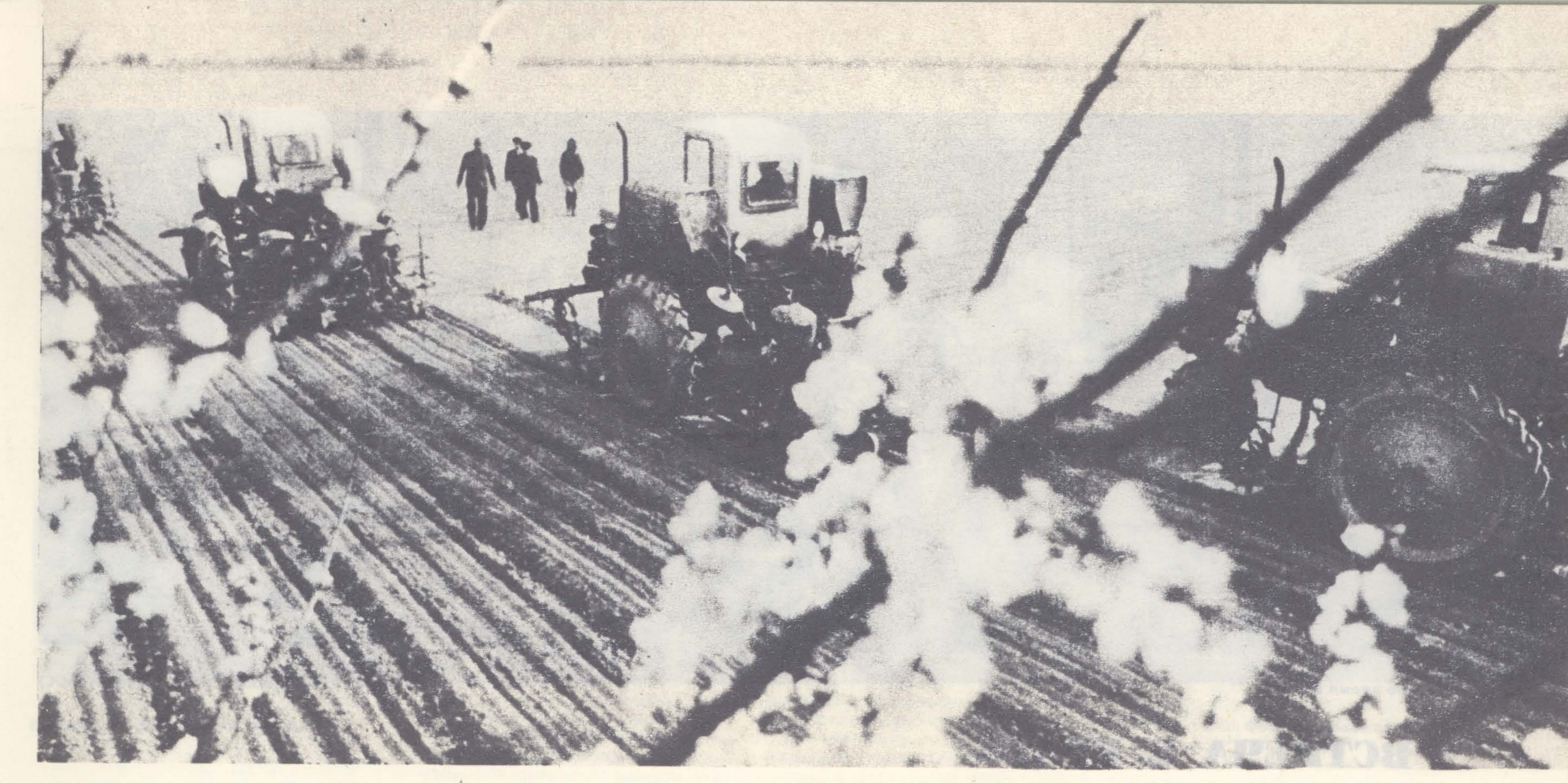
Ю. ЛУШИН,
собкор. «Огонька»

Алма-Атинская область.

Богатырские сцепы. В посевной борозде — «Кировцы».

Фото автора

Сев хлопчатника в совхозе имени Абу Али Ибн Сины (Авиценны) Ромитанского района Бухарской области.

ВЫХОДНЫХ НЕ ЗНАЕТ

Вечная забота земледельца — лучшие сроки, высокое качество. На снимке: управляющий отделением Халим Джумаев, директор совхоза Теша Ташев, бригадир Туи Муминова.

Фото В. Сваричевского

Едва бело-розовое цветение урюка поплыло кучевыми, подсвеченными зарей облаками по извечному маршруту от южных рек Кашкадарьи и Сурхандарьи к Зеравшану и далее на север, к Аральскому морю, вслед за ним покатился весенними громами страдный тракторный гул узбекистанской хлопковой посевной.

Мы перехватили его в Ромитанском районе Бухарской области. В прошлом году здесь образовался новый совхоз имени великого Абу Али Ибн Сины — Авиценны.

— Первая посевная после XXVI съезда КПСС! А я коммунист, надо пример показывать,— сказал нам с усталой улыбкой хорошо потрудившегося человека тракторист Шамси Джумаев, закончив сев на трехсотом гектаре. И добавил:— Засеял нынче на шестьдесят гектаров больше, чем в прошлом году... Да и расчет на урожай в духе одиннадцатой пятилетки — шестьдесят центнеров с гектара вместо прошлогодних пятидесяти трех по нашему отделению.

— Откуда такая уверенность уже сейчас?

Шамси молча наклонился над междурядьем, разгреб припорошенную перегнойной мульчей землю, достал хлопковое семя.

— Видите, какое? Отборное!

— А если заморозки? Посеяли-то раньше всех в районе...

— Потому и мульчей, словно шубкой, прикрыли. В случае сильного дождя или снега она и от поверхностной корки спасет, не даст ей образоваться.

— В эту пору и многодневные ливни не в диковинку...

— Ливней бояться — раннего урожая не видать,— ответил Шамси.— Учли и такой вариант... На крайний случай готовы быстро пересеять... Зато возрастают шансы убрать урожай до осенних ливней!

Вот так. Только что семена в землю упрятали, а уже об уборке забота. Впрочем, она началась здесь еще раньше — с осенне-зимней промывки почвы от соли, планировки хлопковых карт. И, конечно же, глубокой вспашки.

Директор совхоза Теша Ташев доволен высоким качеством предпосевных операции. «Основа для надежного урожая есть,— говорит он.— Все четыре отделения у нас решили взять по 60 центнеров с гектара вместо прошлогодних 47 — 53 центнеров».

В совхозе под нынешний урожай вывезено на каждый гектар — а их две тысячи только под хлопчатником! — по 30—35 тонн местных удобрений, укрупнены хлопковые карты, до двадцати — тридцати гектаров. На таких массивах машинам полный простор. А уж спланирована и выровнена земля настолько, что лишь зазеленеют ростки — каждое поле станет вроде гигантского бильярдного стола.

На примере посевной страды в хозяйствах Ромитанского района видно, с каким чувством личной ответственности и трудовым старанием земледельцы внедряют индустриальную технологию производства хлопка.

— В чем особенность нынешней посевной?

На этот вопрос первый секретарь Ромитанского райкома партии Искандар Каландаров ответил так:

— В атмосфере по-хозяйски рачительного, я бы сказал, творческого отношения рядовых трактористов, сеяльщиков, лаборантов, контролеров-учетчиков к своему делу. Это атмосфера созидания, делового ответа на решения XXVI съезда партии.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька».

Бухарская область.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (2805)

18 АПРЕЛЯ 1981

Во время встречи.

Телефото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

ВСТРЕЧА В ПРАГЕ

9 апреля в Пражском Граде состоялась встреча делегации КПСС на XVI съезде КПЧ во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым с руководителями Компартии Чехословакии.

Во встрече приняли участие: Генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак, члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ, секретари ЦК КПЧ Л. Штроугал, В. Биляк, А. Индра, Й. Кемпный, Й. Ленарт, Й. Корчак, К. Гофман, В. Гула, П. Цолотка, А. Капек, М. Якеш, М. Грушкович, М. Бене, Й. Гавлин, Й. Гаман, Я. Фойтик, И. Поледник; с советской стороны во встрече участвовали: члены делегации КПСС кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Э. А. Шеварднадзе, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, члены ЦК КПСС А. М. Александров, А. П. Ботвин, В. К. Гусев, И. З. Соколов, а также заведующий отделом ЦК КПСС, член ЦК Л. М. Замятин.

Товарищ Л. И. Брежнев тепло поздравил чехословацких товарищей, избранных на только что состоявшемся пленуме ЦК КПЧ в состав руководства Центрального Комитета.

Товарищ Г. Гусак подчеркнул, что руководство КПЧ и все чехословацкие коммунисты высоко ценят участие в работе XVI съезда КПЧ делегации КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым и его выступление на съезде с речью, имеющей большое принципиальное значение.

Был проведен обстоятельный обмен информацией о важнейших направлениях работы КПСС и КПЧ по осуществлению решений XXVI съезда КПСС и XVI съезда КПЧ.

Л. И. Брежнев и Г. Гусак с удовлетворением отметили, что прошедшие съезды обеих партий вновь показали полное совпадение взглядов и позиций КПСС и КПЧ, нерасторжимость братского союза между СССР и ЧССР, советским и чехословацким народами.

Встреча проходила в сердечной и братской обстановке при полном взаимопонимании по всем обсуждавшимся вопросам.

ВО ИМЯ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Встреча Л. И. Брежнева с руководителями Союза чехословацко-советской дружбы.

Телефото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

10 апреля в Праге глава делегации КПСС на XVI съезде КПЧ Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с членами Президиума ЦК Союза чехословацко-советской дружбы В. Давидом, М. Завадилом, Д. Ганесом, В. Шалговичем, Я. Немецем, В. Ремеком.

Председатель ЦК СЧСД, заместитель Председателя Федерального собрания ЧССР В. Давид отметил, что главную свою задачу союз видит в том, чтобы содействовать развитию и углублению нерушимой дружбы и сотрудничества народа ЧССР с братским советским народом.

Товарищ Л. И. Брежнев пожелал Союзу чехословацко-советской дружбы дальнейших успехов в его благородном деле.

Во встрече, прошедшей в дружеской обстановке, приняли участие член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР А. П. Ботвин, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец, заведующий сектором отдела ЦК КПСС С. И. Колесников.

Встреча на Внуковском аэродроме. Фото А. Пахомова

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ КПСС

Из Праги в Москву 10 апреля возвратилась делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, принимавшая участие по приглашению ЦК Коммунистической партии Чехословакии в работе XVI съезда КПЧ.

В состав делегации входили кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, второй секретарь ЦК КП Украины И. З. Соколов, член ЦК КПСС, первый секретарь Саратовского обкома КПСС В. К. Гусев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР А. П. Ботвин.

Товарищу Л. И. Брежневу и членам делегации в аэропорту Рузине, украшенном государственными флагами СССР и ЧССР, у трапа самолета пожелал доброго пути Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак.

На Внуковском аэродроме делегацию встречали товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, члены ЦК КПСС К. М. Боголюбов, Б. П. Бугаев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, М. С. Смиртюков, С. К. Цвигун, Г. К. Цинев, Г. Э. Цуканов, кандидаты в члены ЦК КПСС А. И. Блатов, Ю. М. Чурбанов, член Центральной ревизионной комиссии КПСС С. А. Лосев.

Среди встречавших находился временный поверенный в делах ЧССР в СССР З. Хебен.

Вместе с делегацией прибыли член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

ЕДИНСТВО ПАРТИИ И НАРОДА

11 апреля в Берлине открылся X съезд Социалистической единой партии Германии — вдохновителя и организатора всех побед трудящихся республики, уверенно идущей по пути созидания развитого социализма. Он проходит в обстановке сплоченности и оптимизма, глубокой заинтересованности коммунистов и всего народа в успешном осуществлении планов строительства нового общества.

Съезд коммунистов ГДР подведет итоги важного периода развития Германской Демократической Республики, наметит новые рубежи движения вперед.

В работе съезда принимают участие делегации марксистско-ленинских партий братских стран социализма, в том числе делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС товарищем М. А. Сусловым, делегации коммунистических, рабочих, национально-демократических партий и движений из десятков стран мира.

С отчетным докладом Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии X съезду СЕПГ выступил Генеральный секретарь ЦК СЕПГ товарищ Э. Хонеккер.

Глубокое уважение коммунистов немецкого рабоче-крестьянского государства к партии Ленина нашло свое отражение во время приветственного выступления на съезде главы делегации Коммунистической партии Советского Союза, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища М. А. Суслова. В зале вспыхивает бурная овация, когда глава делегации КПСС говорит о том, что пожелания успешной работы съезду, дальнейшего процветания Германской Демократической Республике и счастья ее гражданам просил передать Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Речь товарища М. А. Суслова была выслушана с большим вниманием и неоднократно прерывалась аплодисментами.

X съезд СЕПГ. Выступает глава делегации КПСС М. А. Суслов. Телефото В. Соболева (ТАСС)

КОММУНИСТЫ

Юрген ЮССЕЛЬ,
публицист ГДР

Арестовали Пауля Кюнеля вечером 6 февраля 1935 года у двери его дома в Берлине. Все перед глазами, как будто это было вчера: «Я шел с работы, смотрю — в подъезде караулят двое. Надели на меня наручники и привели в полицейское управление на Александерплац. Сразу начался допрос: «Вы знаете Ковалевского?» «Ковалевского? Впервые слышу...» Так повторилось несколько раз. Потом велели встать лицом к стене. По коридору взад-вперед сновали полицейские чиновники с папками под мышкой, и каждый, поравнявшись, тыкал мне кулаком в затылок, так, чтобы я ударился лицом о стену. Свитер у меня был весь в крови».

Кюнель — сейчас ему уже давно за семьдесят — смеется, вспоминая, как удалось провести гитлеровских ищеек: «Мне да не знать Ковалевского — с двадцать третьего года мы вместе в союзе коммунистической молодежи!» Смеемся мы оба: нам вдруг приходит в голову, что на этой самой площади, где когда-то стояло наводившее ужас полицейское управление, пока бомба не оставила от него кучу обломков,— на этой самой площади теперь каждый год шумит веселая рождественская ярмарка, и маленькие берлинцы, с восторгом оседлав карусель и уплетая горячие колбаски, даже не подозревают, что было здесь раньше.

Пауля Кюнеля обвинили в «государственной измене». Его «преступление»? Говорил чистую правду — о том, что с октября 1917-го мир расколот надвое. Он распространял журнал «Совьет-Русланд хойте» («Советская Россия сегодня»), издававшийся «Союзом друзей СССР». С 1933 года журнал выходил нелегально.

Один экземпляр подпольного издания Кюнелю удалось сохранить, и я могу познакомить вас с тем, как главный прокурор д-р Вейерманн разъяснял суду «преступные цели» «Союза друзей»: «Подумайте только, убеждать трудящихся не принимать всерьез военную угрозу СССР» и «широко разъяснять рабочим курс нового германского империализма на вооружение»!

Что ж, все верно! Планы германского империализма немецкие коммунисты разоблачили задолго до 22 июня 1941 года. То, что для господина главного прокурора было «государственной изменой», Кюнель и его товарищи считали своим естественным долгом.

Пауль Кюнель с честью прошел через годы испытаний. А вот что стало с д-ром Вейерманном, мы не знаем. Если судьба оказалась благосклонна и подарила ему долгие лета, наверняка где-нибудь между Мюнхеном и Гамбургом он проживает свою пенсию за прежние заслуги.

После первого допроса Кюнель попал в большую общую камеру с нарами в три яруса. Надзиратель швырнул ему одеяло. «Ты кто? — спросил его арестант с третьего «этажа».— Коммунист?» Кюнель ответил: «Ты разве не знаешь, что сказал Геринг: коммунистов больше нет...» «Значит, нас на одного больше»,— подал голос другой, с нижних нар.

Геринг всего скорее не читал Коммунистический манифест, да если бы и читал, это не помогло бы его пустой голове. Вы помните знаменитую первую фразу Манифеста: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Сто с лишним лет назад, когда он был написан — по-немецки, но не на немецкой земле,— число «призраков» колебалось от трехсот до четырехсот. Тем не менее уже тогда власть предержащие ощутили дрожь: «Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». Сменялись имена, а травля не прекращалась ни на день. Гитлер и Геринг продолжили ее с немецкой основательностью и зверской жестокостью.

Но Пауль Кюнель живет и смеется, потому что знает: он жил не напрасно.

Германии, как и когда-то в 1918-м, после разгрома Гитлера представилось две возможности: освободиться лишь от символов рухнувшего режима, не трогая основания, или же наконец понять, откуда явилось это чудовище, чтобы выжечь его с корнями.

Иными словами, полумеры или радикальный поворот. Несложный макияж или серьезная операция. Убогая последовательность или решительное «нет!» прошлому. Обе эти возможности, как вы знаете, были реализованы на землях бывшего германского рейха. Три с лишним десятилетия назад.

Идея о двух германских государствах не упала с неба. Облик ГДР определили немецкие коммунисты, воплощающие в жизнь учение Маркса, Энгельса, Ленина, идеалы гуманизма и рабочего движения. Облик ФРГ определило стремление буржуазии сохранить свои позиции.

В чем особенность ГДР? В том, что мы строим дома, заводы, корабли, строим многое другое? Другие делали это и до нас, делают и сейчас — иногда даже лучше или по меньшей мере быстрее. Так в чем же особенность ГДР? Для нас, живущих в этой стране, давно уже само собой разумеется то, что в свете долгих столетий германской истории кажется почти чудом: мы не превозносим больше войну; мы отреклись от расистского бреда и барского самомнения; наши отношения со славянскими народами искренни и свободны от бреда национализма; мы работаем на себя, а не на других, наживавшихся на нашем труде; каждый из нас обрел уверенность в завтрашнем дне, какой никогда прежде не знала Германия. Вот в чем особенность ГДР!

...Недавно я познакомился с двумя коммунистами, одному чуть больше, другому чуть меньше сорока. Паулю Кюнелю оба годятся в сыновья; мне кажется, в определенном смысле так оно и есть, хотя ни тот, ни другой ни разу его не встречал.

Гюнтер Мэдер родился в тот год, когда Гитлер напал на Советский Союз. У Гюнтера завидный характер: почти непоколебимое спокойствие, чувство юмора и в меру развитое сознание собственного достоинства. Он не прячется из ложной скромности за спины коллектива, хотя точно знает, что без него не сделал бы и шага вперед. Но так же твердо он сознает свою ответственность — ведь он секретарь партийной организации нового Центра спорта и отдыха, что открылся незадолго до X съезда СЕПГ и уже завоевал популярность у жителей нашей столицы. Мэдер, сын горняка, приехал из маленького городка в Саксонии и до партийной работы был учителем.

Доктор Герхард Оельгарт, коренной берлинец, прежде чем стать физиком, был автослесарем. После учебы два года работал в Москве, в институте у Петра Леонидовича Капицы. Когда партия спросила товарища Оельгарта, готов ли он принять на себя ответственность за новые микрозонды, самому молодому доценту Берлинского университета имени Гумбольдта исполнилось 33 года. Микрозонд — это прибор, покупная цена которого в валютных марках выражается семизначным числом. Для чего исследователям нужен микрозонд, знают только изучавшие физику, да и то, я полагаю, не каждый.

Оба, Мэдер и Оельгарт, рассказывали мне о своих успехах и заботах, о проблемах, которыми занимаются изо дня в день. Одному надо из 580 сотрудников, понаехавших со всех сторон, сформировать коллектив. Другой вновь и вновь решает вопрос, какие темы исследований предпочесть, какие отложить.

Я слушаю обоих и вспоминаю слова Брехта о социализме, который «легко понять, но трудно сделать». Коммунисты ГДР это поняли, если не сказать, что знали всегда. Сейчас республика на пути к коммунизму, и коммунисты были бы плохими марксистами, если бы не усвоили суть диалектического материализма, который не знает и не признает такого положения, когда можно покойно скрестить руки на груди и довольно взирать на свое творение.

Я слушаю обоих и вспоминаю Пауля Кюнеля, который распространял правду о социализме и должен был, наверное, родиться под очень счастливой звездой, чтобы остаться тогда в живых; и я думаю: какие это чудесные заботы — заботы о стране, когда хозяин ее ты сам.

Берлин.

Викентий МАТВЕЕВ

УС

У

Современная международная жизнь изобилует многими политическими контрастами, но то, что оживленно комментировали в прессе, по радио, телевидению многие обозреватели в разных странах в конце первой декады апреля, дает особенно богатую пищу для размышлений. В то время как с трибуны XVI съезда Коммунистической партии Чехословакии в Праге Л. И. Брежнев говорил об имеющихся сейчас объективных возможностях движения Европы вперед по пути мира и добрососедства, в нескольких сотнях километров от столицы ЧССР министры обороны стран — членов НАТО собрались в Бонне на очередное заседание группы ядерного планирования этого блока.

«...Наши предложения выдвинуты не для пропаганды, а для того, чтобы помочь достигнуть взаимоприемлемых договоренностей во имя мира — мира в Европе, в Азии, в Америке, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Во имя всеобщего мира».

Таков голос разума, доброй воли, прозвучавший с трибуны партийного съезда в Праге.

...«Если переход от холодной войны к разрядке — это прогресс, то позвольте сказать мне, что такой прогресс нам не по карману...»

Это глас шефа Пентагона, г-на Уайнбергера, его выступление перед участниками ядерного сборища в Бонне.

В одном случае — спокойная уверенность, основанная на учете реального соотношения сил в мире, на трезвой оценке чувств, помыслов миллионов людей, выступающих в защиту нашей планеты

ТРАНИТЬ ГРОЗУ МИРУ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

от посягательств атомных безумцев.

В другом — язык шантажа и угроз, адресованный и самим партнерам США по НАТО. Среди них шеф Пентагона к крайней досаде для себя не видит желанного рвения в равнении на воинственные приготовления Вашингтона. «Американский народ не захочет маршировать в одиночку»,— выплеснул в сердцах свое недовольство поведением союзников г-н Уайнбергер в Бонне.

За океаном трубят крестовый поход. Или, во всяком случае, нечто похожее. Американским партнерам предлагается встать в ряды воинства, возглавляемого теми, кто ничего не забыл со времен «холодной войны» и ничему не научился за 70-е годы, когда льды «холодной войны» оказались сломленными, разбитыми живительными веяниями процесса разрядки международной напряженности.

Терминология этих господ выдает с головой и их образ мышления. Разрядка, оказывается, им «не по карману», чего не скажешь о гонке вооружений. Она не только им по карману, но и должна набить их карманы новыми полновесными дивидендами. Эти господа утверждают, что говорят от имени американского народа. Но разве этот народ сделан не из той же плоти, что и миллионы рядовых англичан, западных немцев, итальянцев, голландцев, бельгийцев?

Вот что сообщало западногерманское информационное агентство 7 апреля из Бонна перед открытием там заседаний группы ядерного планирования НАТО: «Начало двухдневных совещаний в министерстве обороны ФРГ сопровождалось демонстрацией перед воротами министерства, в которой в первую очередь участвовали различные женские организации. На транспарантах было написано: «Женщины говорят «нет» планированию убийств народов в Европе!» или «Никаких ракет средней дальности в нашей стране!». Участницы демонстрации свистели, стучали кастрюлями и скандировали: «Разоружение, разоружение». Из маленьких мешочков они высыпали на улицу песок. Тем самым они символически «сыпали песок» в двигатель гонки вооружений.

Днями раньше в том же Бонне на улицы вышло около трех десятков тысяч людей, чтобы заявить о решимости в борьбе против угрозы, которую несут с собой планы американских стратегов. Такой внушительной антивоенной манифестации столица ФРГ еще не видела.

В конце апреля посланцы миролюбивой общественности из Англии, ФРГ, Норвегии, Дании соберутся в Брюсселе для аналогичных выступлений в пользу разоружения. 22 июня группа женщин из скандинавских стран возьмет старт в Копенгагене и отправится с эстафетой мира через ФРГ, Бельгию, Францию — в Португалию. Девиз эстафеты — «Европа без ядерного оружия». Проведенные в последние недели опросы общественности в Голландии показали, что 60 процентов рядовых людей требуют там удаления американского ядерного оружия с территории страны. Бурлят Британские острова. С тех пор, как в апреле прошлого года два девяностолетних ветерана палаты лордов — Филипп Ноэль-Бейкер и Феннер Брокуэй обратились к общественности с призывом начать кампанию за разоружение, под петицией с таким призывом к правительству собрано полмиллиона подписей. Каждый день к ним прибавляются тысячи новых.

Еще недавно в официальном Вашингтоне делали вид, будто движения за мир на Западе нет. Члены американской администрации не удостаивали участников движения вниманием. Теперь на эту тему заговорили и самые близкие к президенту США советники. Но как! К пугалу «советской угрозы» они прибавили новое — «угрозу пацифизма в Западной Европе». Некоторые из таких деятелей готовы кричать чуть ли не «караул!» при виде демонстраций сторонников мира в Лондоне, Бонне, Амстердаме, Риме, Брюсселе. Утверждается, что такие манифестации, мол, «инспирированы Москвой».

Но что скажут эти деятели по поводу недавно опубликованного доклада весьма респектабельного британского учреждения — Королевского института международных отношений, составленного с участием директора Научно-исследовательского института Немецкого общества внешней политики в Бонне, президента Совета по международным отношениям США и директора Французского института международных отношений? В докладе указывается, что «для европейцев не очень-то желательна чрезмерная зависимость от применения ядерного оружия первыми, поскольку именно им придется иметь дело с последствиями «ограниченной» ядерной войны на континенте».

Мысль сформулирована сугубо осторожно, чтобы не оскорбить слуха высокопоставленных американских политиков, но суть ясна: ядерная стратегия США и НАТО чревата для Западной Европы самыми серьезными последствиями.

В Вашингтоне хотели бы уверить западноевропейскую общественность, что никакой альтернативы лихорадочной гонке вооружений не существует. Вот почему сейчас так суетятся шефы Пентагона, госдепартамента и других американских ведомств. Положение у противников разрядки действительно нелегкое. Что могут они противопоставить новым смелым конструктивным предложениям Советского Союза? В то время как с официальных трибун Вашингтона несутся заклинания о «советской угрозе», наша страна выражает готовность распространить сферу мер доверия в военной области на всю европейскую часть СССР, разумеется, при условии ответных мер со стороны западных держав. В то время как вашингтонские деятели пытаются запугать правительства Западной Европы мифическими версиями о такой же «угрозе» поставкам нефти из Персидского залива, наша страна предлагает обсудить пути и средства нормализации обстановки в этом регионе. Вместе взятые новые советские инициативы образуют солидный пакет идей, рекомендаций, призванных существенно оздоровить обстановку в Европе, в Азии и в Африке.

Имеющий уши да услышит. К этому призывает в письме, опубликованном в английской газете «Гардиан», лорд Ноэль-Бейкер, отзываясь на предложения, с которыми выступил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев. Он писал, что эти предложения дают Западу шанс добиваться совместными усилиями всех заинтересованных правительств осуществления наказа специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме разоружения — добиваться прекращения гонки вооружений.

...— Я рассматриваю предложение об установлении моратория на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности, сделанное Л. И. Брежневым на XXVI съезде КПСС, как очень позитивное и требующее детального изучения,— заявил в фолькетинге министр иностранных дел Дании К. Олесен.

...— Социалистические партии западноевропейских стран считают предложения, выдвинутые XXVI съездом КПСС, очень серьезными,— указал председатель партии «Всегреческое социалистическое движение» А. Папандреу по возвращении из Парижа, где недавно состоялась конференция социалистических и социал-демократических партий, обсудившая проблему разоружения.

Перечень таких откликов можно было бы намного продолжить. Однако, как показывает жизнь, не заставляют себя ждать и те, кому советские предложения приходятся не по нутру. В распоряжении этих кругов — военный и пропагандистский аппарат НАТО. Борьба вокруг животрепещущих проблем европейского мира и безопасности продолжается и усиливается. В нее втягиваются все больше людей, которые еще недавно стояли в стороне от «большой политики». Они выходят из состояния политической пассивности, ибо понимают, что именно поставлено на карту. Речь идет о судьбах нынешнего и грядущего поколений, о судьбах нашей планеты.

Все люди доброй воли могут снова убедиться в решимости Советского Союза добиваться на путях коллективных действий совместных шагов по устранению нависшей над миром военной угрозы, развитию всего позитивного, что было достигнуто в оздоровлении международной обстановки. Но миролюбивые силы не могут игнорировать — и не игнорируют — зловещие сигналы, исходящие от тех, кто готов играть с судьбами человечества во имя своих узкокорыстных расчетов. Ответом на такую активность будет возросшая бдительность народов.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

АРМЕНИЯ

СЕВАН, ВСТРЕЧАЙ АРПУ!

1 В горах Армении завершено строительство уникального комплекса гидротехнических сооружений по переброске реки Арпа в озеро Севан. Звучит команда «Открыть шлюзы!», и воды бурной реки, которые с прошлого года накоплялись в самом молодом рукотворном море Армении — Кечутском водохранилище, устремились в темный проем тоннеля. По 48-километровой трассе, пролегающей под Варденисским хребтом, вобрав по пути воды Элегиса, спешит река-«донор» к Севану.

...У Севана удивительная судьба. Знаменитое горное озеро сыграло огромную роль в истории Армении, ее экономике.

Горы, скалы, камни — таков был этот край несколько тысячелетий назад. Двадцать восемь рек впадают в «голубую жемчужину» Армении, и лишь одна вытекает из озера — Раздан. Каждая капля ее воды нужна была Араратской долине. Только орошение, как подчеркивал еще Владимир Ильич Ленин, пересоздаст край, укрепит переход к социализму. Решить эту проблему помог Севан. От Раздана до Еревана ступеньками поднялся каскад гидроэлектростанций. На всем пути следования воды выросли новые города — Севан, Раздан, Чаренцаван, Абовян...

Но озеро, отдающее себя людям, не погибло. Семнадцать лет назад раздались первые взрывы в горах — началась прокладка сорокавосьмикилометрового тоннеля, по которому водам горной Арпы предстояло течь в мелеющее озеро.

Строительство этого гидротехнического сооружения — ярний пример комплексного решения народнохозяйственных и экологических проблем, о которых говорилось на XXVI съезде КПСС.

Для облегчения участи Севана был построен ряд водохранилищ, взят курс на преимущественное развитие малоэнергоемких отраслей промышленности.

Севан становится одной из красивейших курортных зон республики. Здесь действуют здравницы, создается Национальный парк. Намечено также построить водохранилища, комплекс гидротехнических сооружений по переброске стока реки Воротан в Арпу, а оттуда по вошедшему в строй тоннелю Арпа — Севан — в озеро.

А. САВАЯН

На снимке: последние метры тоннеля.

КАЛИНИНГРАД

В ПЕРВЫЙ РЕЙС

2 Белоснежное многопалубное судно. Это новый флагман научно-исследовательского флота Академии наук СССР. И назван он именем Мстислава Келдыша — выдающегося ученого, трижды Героя Социалистического Труда.

— В этом судне сконцентрирован мировой опыт развития судостроения, приборостроения, вычислительной техники. Повышенные мореходные качества и маневренность отвечают требованиям безопасности мореплавания и проведения океанологических экспериментов в любых районах Мирового океана,— рассказывает заместитель начальника отдела морских экспедиционных работ Академии наук СССР, лауреат Государственной премии СССР, капитан дальнего плавания кандидат географических наук Глеб Николаевич Григорьев.— Созданная на судне автоматизированная система сбора и обработки океанологической научной информации основана на применении современной электронно-вычислительной техники. Поэтому она способствует значительному повышению качества и эффективности экспериментальных исследований в океане.

Таким образом, на судне реализована одна из магистральных идей М. В. Келдыша о развитии автоматизации процессов научных исследований.

Общая площадь лабораторий на судне — плавучем институте — около 600 квадратных метров: здесь все предусмотрено для проведения гидрофизических, геофизических, геологических, гидрохимических и других исследований. На палубе установлены сменные лаборатории в контейнерах. Основной «хозяин» нового судна — Институт океанологии Академии наук СССР.

Судно сочетает в себе качества современного научного института с удобствами первоклассного отеля. Ведь в дальние плавания на долгие месяцы будет уходить оно от родных берегов. А живут и работают на нем 130 человек — ученых и моряков.

Сейчас уже пришли сообщения из Атлантики, что первый рейс нового научно-исследовательского судна проходит успешно.

И. МИХЕЕВА

На снимке: научно-исследовательское судно «Академик Мстислав Келдыш».

ОМСК

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

3 В этом здании, которое расположилось почти в самом центре старинного сибирского города Омска, еще во всем чувствуется новоселье. А в медицинских кабинетах и в палатах идут трудовые будни — областная детская клиническая больница вступила в строй.

— Именно о таком здании,— не скрывает своей радости главный врач Владимир Петрович Марцинковский, — о таком оборудовании мы мечтали еще давно. И вот получили его благодаря не только строителям, но и сотням незнакомых советских людей. Не удивляйтесь: ведь наша больница построена на средства, заработанные на всесоюзных коммунистических субботниках.

Радость главного врача понять нетрудно, если знать, что в старом здании было только сто коек, а в новом — 420. И теперь появилось больше возможностей обслуживать в первую очередь ребятишек из отдаленных сельских районов. Поликлиника оснащена самым современным медицинским оборудованием.

Первых своих пациентов приняли шесть отделений. А всего их будет одиннадцать.

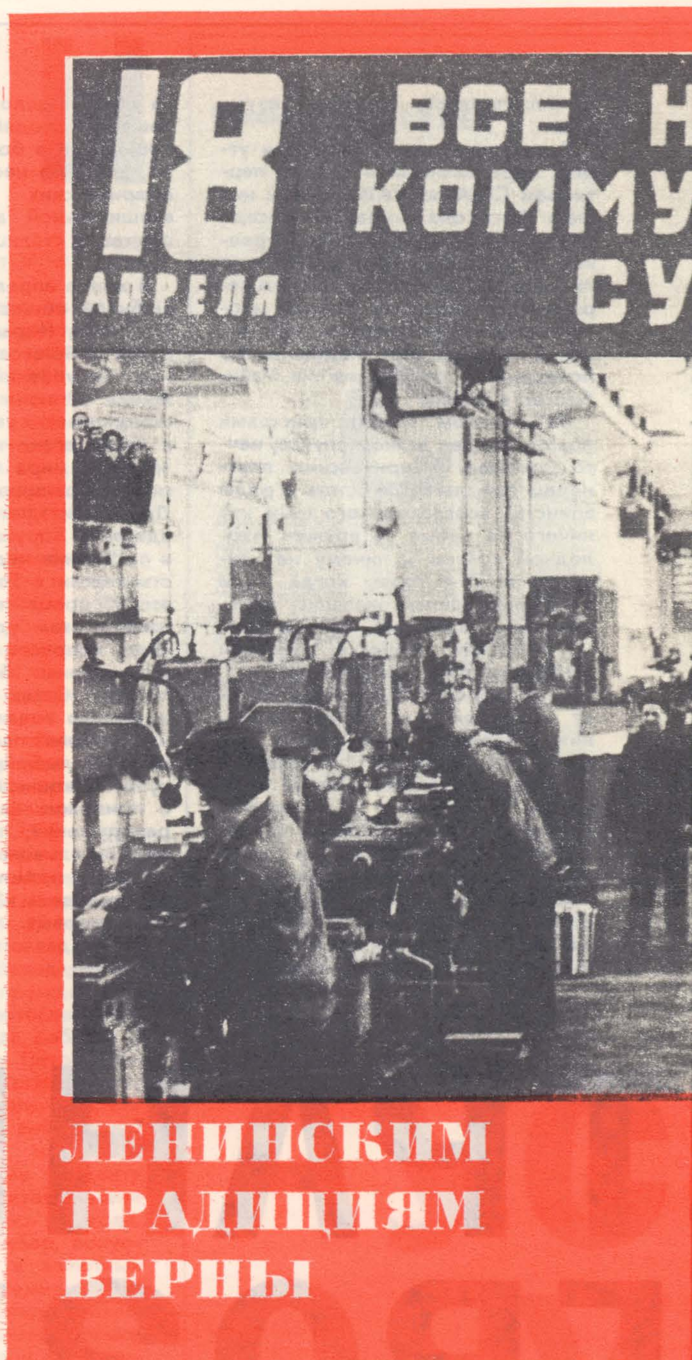
В трудной работе врачам помогают ученые. На базе поликлиники действуют две кафедры Омского медицинского института, которые возглавляют профессор Е. К. Миняева и доцент И. Т. Плаксин.

Дети всегда дети, даже если они больны. Поэтому в каждом отделении есть веранды и комнаты для игр. Здесь веселые игрушки, яркие книжки, а опытные воспитатели помогут многому научиться. Будьте только здоровы, малыши!

М. ЩУКИН, собкор «Огонька»

На снимке: на утреннем обходе.

Фото С. Калинина

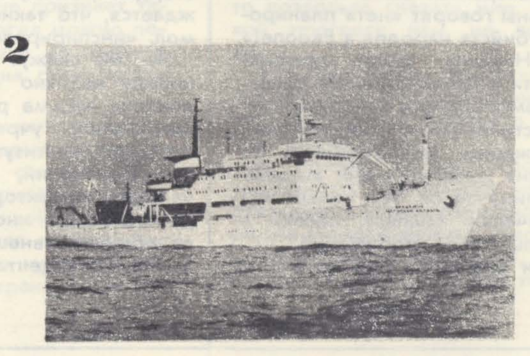
ЛЕНИНСКИМ ТРАДИЦИЯМ ВЕРНЫ

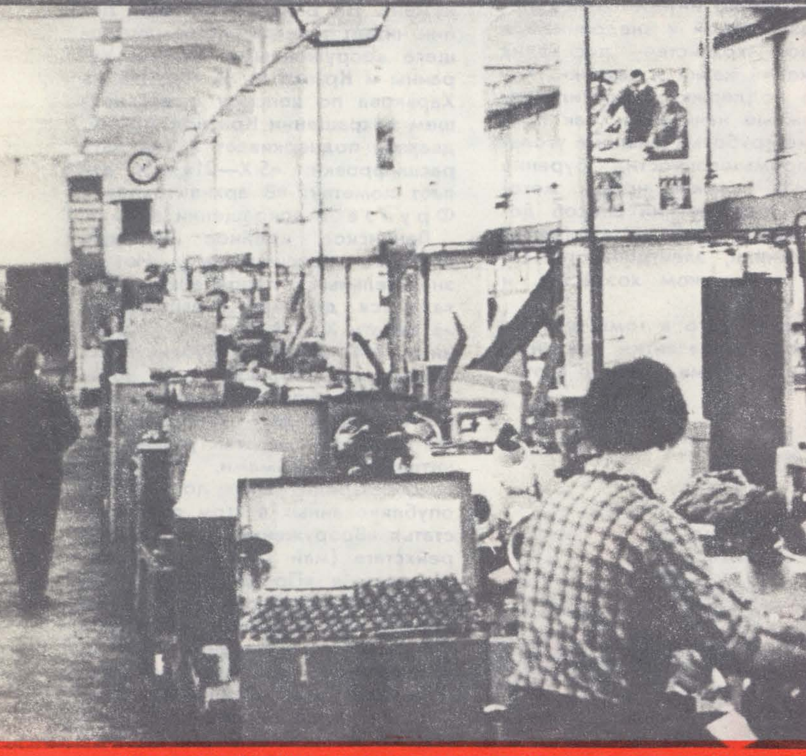
1

3

2

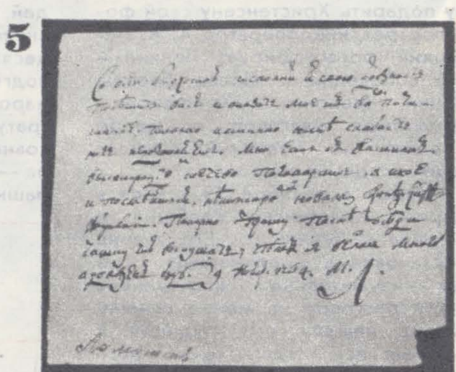
Коллектив Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича — среди инициаторов коммунистического субботника, посвященного 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Сейчас здесь завершена подготовка к знаменательному дню. Определены объекты работ, уточнены производственные ресурсы, за счет которых будет достигнуто превышение среднесуточных норм во всех цехах и службах. В день Красной субботы намечено выпустить продукции на 255 тысяч рублей — это на 2,4 процента больше среднесуточной программы! Из сбереженного сырья, на сэкономленной электроэнергии будет изготовлено 150 электродвигателей и 240 стиральных машин.

На снимке: в инструментальном цехе.

Фото А. Чумичева (ТАСС)

4

5

ШУШЕНСКОЕ

ПОДАРОК ИЛЬИЧУ

4 Прошло более восьмидесяти лет с того времени, как уехал из Шушенского Владимир Ильич Ленин. Но живет в историческом селе человек, который помнит политического ссыльного Ульянова. Это Александр Никитич Штромило. Ему в июле исполнится 101 год. Он прожил век в Шушенском, видел Владимира Ильича Ульянова и Надежду Константиновну Крупскую, которые в конце прошлого века на речке Шушь сами расчищали каток, катались на коньках и приохотили к этому шушенских мальчишек. Тогда Александр Штромило был совсем молодым.

В гражданскую войну шушенский крестьянин громил колчаковцев, позже был членом комитета бедноты, затем членом товарищества по совместной обработке земли, одним из организаторов колхозов. Свыше шестидесяти лет Александр Никитич не выпускал из рук кузнечного молота. Лучшего кузнеца в округе не было. Ковал подковы и серпы, оси и лемеха, ремонтировал жатки и молотилки.

Самым памятным и дорогим для Александра Никитича остался день, когда односельчане избрали его председателем Шушенского сельского Совета. 22 апреля 1922 года шушенские крестьяне на торжественном заседании решили преподнести В. И. Ленину в день его рождения подарок: засеять 50 десятин, а урожай с них направить голодающим детям Поволжья. По этому поводу была отправлена телеграмма В. И. Ленину, которую подписал А. Н. Штромило.

У Александра Никитича шестеро детей и двадцать три внука и правнука. Три сына — участники Великой Отечественной войны.

Свое долголетие Александр Никитич объясняет тем, что трудился с малых лет. «И долго живу еще потому, — говорит А. Штромило, — что не курил, не употреблял водку. Некогда было, детей надо было растить. Да и нет никакого проку от водки».

В восемьдесят лет он построил себе дом. А когда строилось новое Шушенское, Александр Никитич был нештатным контролером: многоэтажные дома возводились рядом, и он приходил сюда каждый день. Тем строителям, которые проявляли на рабочих местах бесхозяйственность, доставалось от старожила. И сейчас он бодр, собирается этим летом в гости к дочери в Запорожскую область.

В. ЛУГОВОЙ, редактор районной газеты «Ленинская искра»

На снимке: Александр Никитич Штромило.

Фото автора

МОСКВА

ЦГАЛИ — СОРОК ЛЕТ

5 Возраст для архива юношеский, если учесть такие «депо манускриптов», как рукописные отделы Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. За сорок лет существования ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства — накопил свыше 11 миллионов ценнейших документов: есть среди них рукопись Грибоедова и записка Ломоносова, письма Репина и рисунки Пушкина, партитура Шостаковича и статьи Эйзенштейна, стихотворение Тредиаковского и записные книжки Маяковского, автографы Блока, Есенина, Твардовского...

Увы, некоторые писатели не стремятся хранить рукописи, черновики, переписку, «не заводят архива», а вот, допустим, А. Фадеев в душе сам был немного архивистом — его собрание поступило в ЦГАЛИ в прекрасной полноте. Пожалуйста, исследователи, диссертанты, молодые писатели, журналисты, к вашим услугам сотни и тысячи фадеевских документов. И все тщательнейше сохраняется ЦГАЛИ.

Когда сюда поступил архив поэта И. Северянина, Н. С. Тихонов написал, просмотрев его материалы: «Через сто лет за сохранение литературных архивов наши потомки будут нам благодарны так же, как мы сегодня благодарим лиц, сохранивших от пушкинского времени хоть несколько строк».

Благородную и мудрую работу ведут сотрудники крупнейшего в стране архива литературы и искусства. Она прекрасна прежде всего заинтересованным отношением к истории нашей культуры, к истории русского литературного, культурного наследия. Под наблюдением реставраторов, ученых-исследователей, при специально поддерживаемой температуре хранения документы могут здесь жить практически вечно. Борьба с поглощающей медленной Летой началась здесь буквально с первых дней организации хранилища, с марта 1941 года. Когда грянула война, многие писатели, уезжая на фронт, сдали свои рукописи и документы именно сюда, а по возвращении с фронта все получили обратно. Характерную в этом смысле признательность выразил в своем письме в ЦГАЛИ в 1948 году К. Паустовский: «Простите великодушно за столь позднюю благодарность. Я долго не был в Москве и вот только сейчас получил возможность поблагодарить вас за образцовое хранение моего архива...»

В залах ЦГАЛИ работают сотни исследователей, приезжающих сюда со всех концов нашей страны.

Директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова рассказывает о том, что материалы архива побывали и в Европе и в Азии — на выставках в Лондоне и Париже, Варшаве и Праге, Вене, Стокгольме, Осло и Дели. Связь ЦГАЛИ с внешним миром постоянна, ибо в читальном зале этого необычного учреждения занимаются ученые буквально со всего света.

Миллионы автографов, документов, фотографий, рисунков. Кажется, что в истории литературы и искусства не осталось белых пятен: все обнаружено, все известно, все описано. Ан, нет! Ксения Куприна, дочь Куприна, отдала в ЦГАЛИ архив отца, и открылись неизведанные страницы биографии великого реалиста; русская парижанка Клеопатра Мозжухина привезла в Москву свои чемоданы, а в них — рисунки Бенуа и автографы Мусоргского; дневники Анны Олениной привез из Парижа И. Зильберштейн; в сохраненном С. Эйзенштейном и сданном в ЦГАЛИ архиве В. Мейерхольда предстала бездна удивительных открытий, связанных с историей советского театра, драматургии.

ЦГАЛИ стирает белые пятна отечественной культуры. ЦГАЛИ хранит историю. ЦГАЛИ работает.

Феликс МЕДВЕДЕВ

На снимке: Записка М. В. Ломоносова.

ШТРИХИ ЗНАКОМОГО ПОРТРЕТА

Эти штрихи, мельчайшие детали, характерные подробности дополняют близкий и дорогой всем нам образ основателя первого в мире социалистического государства и руководителя партии большевиков Владимира Ильича Ленина. В вышедшем недавно одиннадцатом томе биографической хроники вождя документально прослеживается каждодневная, поистине титаническая деятельность Ленина с 12 июля по 30 ноября 1921 года. Целый ряд документов приводится здесь впервые. Вместе с другими страницами, исследующими ленинское наследие,— Полным собранием сочинений, научной биографией, Ленинскими сборниками — эти источники позволяют воссоздать творческую лабораторию ленинской мысли, постичь то заветное, что ныне с высокой трибуны XXVI съезда КПСС было охарактеризовано как ленинский стиль работы.

Изучение того будничного фона, на котором изо дня в день протекала огромная и напряженная деятельность Ленина, приобретает в современных условиях особую актуальность. Его громадная теоретическая и практическая работа была и остается непревзойденным образцом пролетарского, социалистического типа руководства, основываясь на котором в стране закладывались принципиально новые формы и методы социалистического управления, создавались основы подлинного народовластия.

Характерной чертой Владимира Ильича были систематические встречи с трудящимися. На многих страницах книги собраны факты о 166 беседах Ленина с рабочими, крестьянами, государственными и партийными работниками, с представителями различных кругов зарубежных стран, о семи его выступлениях на митингах, собраниях, ряде съездов.

7 ноября 1921 года Владимир Ильич приезжает на завод «Электросила» (ныне завод «Динамо» имени С. М. Кирова), где выступил перед рабочими с речью. Ленин говорил динамовцам о необходимости смычки рабочих и крестьян, об укреплении промышленности, об электрификации и о задачах завода. До начала собрания Владимир Ильич зашел в кабинет директора и беседовал с руководителями завода, представителями партийной и профсоюзной организаций, рабочего актива. Он подробно расспрашивал, как живут рабочие, интересовался их заработком, условиями работы, питанием, нуждами. Особенно волновали его вопросы, связанные с участием завода в электрификации страны.

Рабочие, восторженно встретившие появление Ленина на трибуне, слушали его напряженно, внимательно, боясь упустить хотя бы одно слово из речи любимого вождя,—зафиксировано в биографии В. И. Ленина. Когда он уехал, то и на вечере и долго потом в цехах завода обсуждали его речь, отмечали его простоту, умение подойти к людям и единодушно согласились, что «другого Ленина в мире не найдешь». Постоянное общение с массами — посредством бесед, выступлений перед рабочими заводов и фабрик, красноармейцами гарнизона, крестьянами Подмосковья, переписки — было для Ленина средством органической связи с трудящимися России.

Большинство материалов, вошедших в том, освещают руководство Лениным хозяйственным строительством Советского государства. Возрождать экономику, разоренную в результате семи лет империалистической и гражданской войн, приходилось в чрезвычайно сложной обстановке, в условиях до крайности разрушенных промышленности, транспорта, сельского хозяйства, острого топливного кризиса, усугубленных засухой и неурожаем 1921 года, повлекшими за собой голод в Поволжье и ряде других губерний.

В строительстве основ социалистической экономики Ленин отводил видное место осуществлению плана ГОЭЛРО, возведению, как отмечено в серии телеграмм и записок, напечатанных в томе, целого ряда электростанций — Волховской, Днепровской, Каширской и других, обеспечению их инженерными и рабочими кадрами, снабжению материалами и оборудованием. Особое внимание Владимир Ильич уделил работе VIII Всероссийского электротехнического съезда (1—9 октября 1921 года), детально изучил опубликованные материалы. Не ранее 9 октября он знакомится с письмом инженера-энергетика П. А. Козьмина о значении этого съезда, делает на письме пометку: «NB (от Козьмина)», подчеркивая в фразе: «Сегодня закончился электротехнический съезд, который знаменует **громадную победу** Советской власти над **умами не только массового инженера, но и значительного (большего) количества тех лидеров, у которых еще оставалось чувство саботажа».**

Чрезвычайно интересовался Ленин разработкой и внедрением в народное хозяйство последних достижений науки и техники. Активную поддержку встретили такие важные начинания, как применение врубовых машин в угольной промышленности, бурение нефтяных скважин новым методом, гидравлический способ добычи торфа, работы в области радиотехники, электропахота, селекция в сельском хозяйстве, и многие другие.

Большое место в томе занимают вопросы развития связей с другими странами. Именно в этот период закладывались основы взаимоотношений Советского государства с буржуазными странами на принципах мира и добрососедства, налаживания взаимовыгодных торговых отношений. 28 ноября 1921 года Ленин принимает днем и в течение двух часов беседует на английском языке с представителем Фермерско-рабочей партии США П. Христенсеном. Много внимания в беседе было уделено американскому рабочему движению, проблеме налаживания взаимовыгодной советско-американской торговли. Христенсен рассказал о глубоких симпатиях трудящихся США к Советской России. В конце встречи, свидетельствует биохроника, Ленин ответил согласием на просьбу подарить Христенсену свой фотопортрет, кинооператор А. А. Левицкий фотографирует Ленина и его собеседника. После беседы Ленин провожает Христенсена, продолжая разговор во дворе Кремля, там Левицкий снимает еще несколько кадров.

Прибыв в декабре 1921 года в Париж, Христенсен сообщил о встрече с Лениным: «Его знание обстановки в Соединенных Штатах — изумительно... Его манера вести разговор не менее замечательна, нежели его эрудиция. Я намеревался задать ему много вопросов, но он сам меня засыпал вопросами, и я только поспевал отвечать».

Кинокадры, посвященные беседе Ленина с Христенсеном, были показаны делегатам XI съезда РКП(б).

На протяжении всего тома четко прослеживается советская миролюбивая политика по отношению ко всем странам. Это видно и из переписки Ленина с Народным комиссариатом иностранных дел, свидетельствует об этом и впервые приводимый в печати документ. Не ранее 5 октября Ленин читает телеграмму командующего вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе из Харькова по вопросу о дальнейшем сокращении Красной Армии; дважды подчеркивает в ней дату расшифровки: «5/X—21» — и делает пометку: «В архив секретно Ф р у н з е о сокращении армии».

Ленинское идейное наследие поистине неисчерпаемо. Новым значительным пополнением его являются документы вышедшего из печати XXXIX Ленинского сборника. 264 впервые публикуемых документа, большинство которых составляют материалы советского периода, представлены статьями, речами, выступлениями, интервью, письмами, записками вождя. Среди новых документов, опубликованных в этом сборнике, статья «Вооружение и германский рейхстаг» (май 1913 года). Напечатанная в «Правде», она ярко отражала ленинские идеи мира, борьбу против войны, милитаризма, гонки вооружений. Только сравнительно недавно специалистам-историкам Ленинианы удалось путем сопоставления и благодаря блестящему знанию характерных особенностей текста вождя, периода, в который она была написана, доказать, что автором статьи был Ленин. В ней Владимир Ильич, говоря о намечавшихся колоссальных расходах на новое увеличение вооружений в Германии в преддверии первой мировой войны, пишет: «Сколько можно бы сделать толкового и разумного на эти деньги — для помощи трудящимся, для облегчения их положения, если бы... если бы трудящиеся не были наемными рабами капиталистов, которые так превосходно наживаются на «патриотических» вооружениях!»

Читая сейчас, спустя почти семь десятилетий со времени написания, эти ленинские строки, сопоставляешь их с заботами о мире сегодняшнего дня. «Отстоять мир, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС,— нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты. Отстаивая мир, мы работаем не только для ныне живущих людей, не только для наших детей и внуков; мы работаем для счастья десятков будущих поколений... Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день».

А. СМОЛЬНИКОВ,
лауреат
Всесоюзного конкурса
молодых ученых
по общественным наукам,
кандидат исторических наук

П. Васильев. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. МАЙ 1919 ГОДА.

В. Хитриков. С ИЛЬИЧЕМ.

РЯСНА ВСТРЕЧАЕТ ВЕСНУ

Н. БЫКОВ, А. ЩЕРБАКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Знакомая нам Рясна встретила веселым исходом талых вод. Весна, сама по себе деятельная, подгоняла всех, кто всерьез озабочен сроками и качеством полевых работ. И эта волнующая атмосфера согласного и спорого труда тоже нам знакома: ордена Трудового Красного Знамени колхоз «Советская Белоруссия», что в Брестской области, не первый год привлекает внимание нашего брата-журналиста. Чем привлекает! Неустанным продвижением вперед и нешаблонностью поиска реальных путей к повышению уровня жизни современных белорусских селян. Привлекает в Рясну и личность председателя колхозного правления, тридцатитысячника, местного уроженца, Героя Социалистического Труда Владимира Леонтьевича Бедули. О нем писали в журналах «тонких» и «толстых», с ним проводили не одно телеинтервью, он даже герой поэмы А. Вознесенского «Летающий мужик». Владимир Леонтьевич вживе представляет собою тот желанный для деревни тип вожака, председателя колхоза, который совмещает традиционные черты положительно консервативного крестьянина и этакого вечного оптимиста, новатора, мыслящего хоть и рационально, однако всегда с заманчивой перспективой. И вот это-то сочетание традиционно крестьянского мышления, давно многими на селе утраченного, сочетание обостренно реалистического восприятия окружающей действительности с талантом действовать по-революционному, в соответствии с оценкой конкретной ситуации — все это и делает общение с председателем, его единомышленниками, сотоварищами по колхозному труду неизменно интересным и полезным, полезным для тех частых посетителей Рясны, которые тут как бы подзаряжаются энергией впрок, исподволь набираются ума-разума.

...За весенним и поэтому праздничным пейзажем с разливом беспокойной речки Лесны, за всем тем новым, что появилось в Рясне за минувшие лет пять—семь, угадывается деятельная жизнь всех обитателей лесных деревень, составивших колхоз. А колхозу тридцать лет. И колхоз преславный в округе. Что отличает его? Здесь слова и поступки не противопоставляются друг другу, более того — они и не расходятся никогда. И вот плоды такого непростого в реальной жизни единства, такого принципиального поведения: несмотря на 1980 год, провальный во всех смыслах из-за чрезмерно неблагоприятных, нетипичных погод, пятилетку колхоз выполнил. Одолел, как пели когда-то, «на честном слове и на одном крыле». Годы случаются разные. Но в лучшие здесь давно получают по тридцать пять центнеров зерновых, по триста и более центнеров картофеля, более чем по четыреста центнеров сахарной свеклы с гектара, много сена... В благоприятные годы рентабельность — на уровне шестидесяти процентов. В 1976, 1977, 1978 годах — трижды за минувшую пятилетку—колхоз «Советская Белоруссия» принимал как знак высокого признания трудовых заслуг Переходящее знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Колхоз, стало быть, знаменосец не только в своем Каменецком районе, но и в Брестской области, в республике. Как следствие столь высокого авторитета — обостренное чувство ответственности. И у председателя правления, и у специалистов, да и у многих колхозников. Чувство это вызвано и напряженностью планов на очередную пятилетку, которую мы ощутили уже в самом начале новой весны, ворвавшейся на наших глазах в пределы довольно большого колхозного пространства. Озабоченностью и неудовлетворенностью были окрашены и беседы с председателем.

На этот раз обширнейший круг вопросов, которые Владимир Леонтьевич так или иначе затрагивал, мы своей волей свели к толкованию нравственности как категории экономической. Мы давно предполагали, а В. Л. Бедуля согласился, что нравственность — обязательное слагаемое в искомой формуле развивающейся экономики. В нашем случае—экономики колхоза; именно эта этическая категория — единственно прочная основа чаемой жизни на селе, жизни вполне достойной в смысле социально-культурном.

Владимир Леонтьевич обратил наше внимание на следующие слова товарища Л. И. Брежнева, сказанные на XXVI съезде КПСС: «...Успех воспитания обеспечивается лишь тогда, когда оно опирается на прочный фундамент социально-экономической политики». Вот, мол, как все проблемы формирования нового человека увязываются: социально-экономически! Но есть и обратная связь: качество жизни на селе теперь все больше увязывается вовсе не с количеством капиталовложений, техники и удобрений, но с воспитанием самих жителей села в том смысле, что лишь от них практически зависит скорейшее выполнение разрабатываемой продовольственной программы. И было бы поступком безнравственным не освоить сполна средства, направляемые бюджетом в деревню. За чем же дело стало?

Единство вопросов экономических и социально-этических — конек В. Л. Бедули, с него он «не слезает» вот уже двадцать пять лет, то есть все годы, что председателем в Рясне. Не без влияния его миропонимания и устремлений, чисто практических, сугубо хозяйственных, в колхозе «Советская Белоруссия» живут все лучше и лучше, то есть именно не только и не просто богаче, что отрадно само по себе, но интереснее, духовно содержательнее, чем те же двадцать пять лет назад. Прекрасный Дом культуры в Рясне в отличие от роскошного ресторана никогда не пустует, уж в этом-то мы убедились воочию. Ежегодно не менее двадцати, а то и двадцати пяти коллективов профессиональных артистов самого широкого художественного диапазона из Москвы, Ленинграда, Минска и Бреста обретают здесь сценическую площадку и тонких ценителей в лице благодарных зрителей из Рясны и окрестных деревень Каменецкого района. Колхоз славится в республике и собственными коллективами художественной самодеятельности — даже с выходом на экран Центрального телевидения. Или такой многолетний факт: ежегодно за пределы области и за рубеж отправляются в качестве туристов сто пятьдесят колхозников и специалистов, этакие Колумбы из Рясны!..

Мы снова и снова возвращаемся к понятию нравственности как категории экономической. Нельзя удержаться и не процитировать мысль В. Л. Бедули, который не забыл войну, знает, что такое опустошительное нашествие фашизма и героизм белорусской деревни: «Единственная возможность проявить мужество в мирное время— брать как можно больше ответственности на себя». На себя! — он так и поступает. Не подменять подчиненного, не согласовывать с «инстанциями» там, где напрашивается самостоятельное решение. Где его продиктовал хозрасчет. Бедуля учит так поступать тех, кому дорог завтрашний день его родной деревни. Поскольку самостоятельность, экономическая и правовая, — достоинство столь великое, сколь и редкое. Это как бы плацдарм для продвижения вперед.

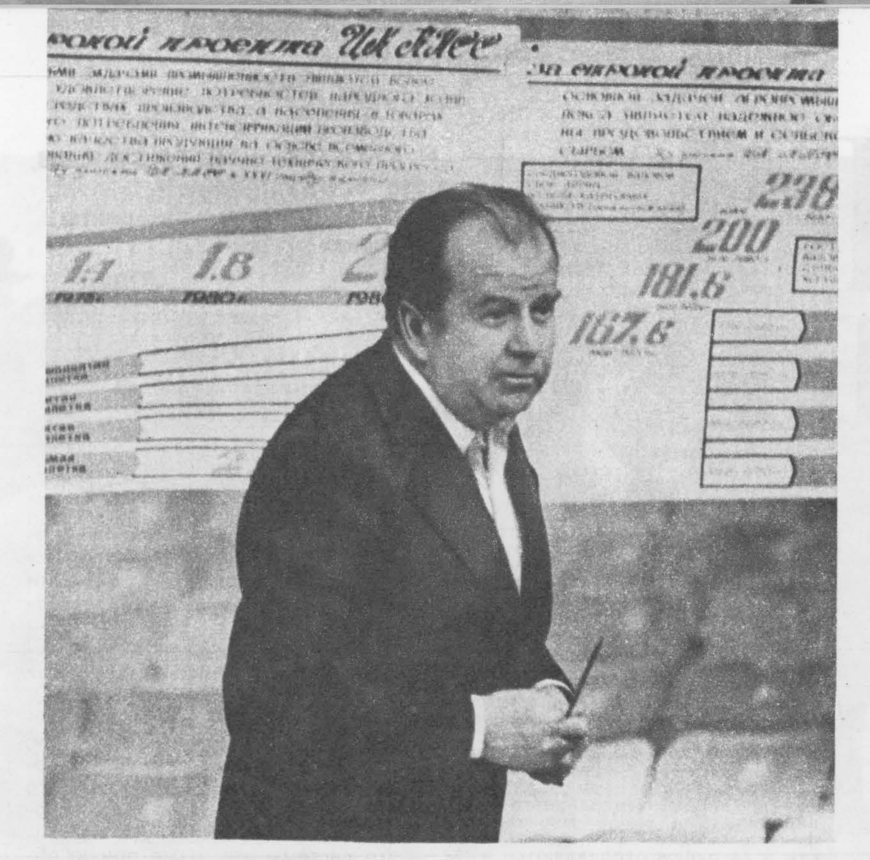
Неравнодушие, по Бедуле, первооснова нравственности. Разве не странно, если в ином хозяйстве — а таких немало и в области и за ее пределами — никто персонально не отвечает за целый ряд позиций? Персонально — прежде всего материально. Бесхозность — печать антиэкономики. Так почему же есть люди, которые, довольствуясь зарплатой, сами лишили себя возможности проявить мужество в мирное время?

Владимир Леонтьевич с затаенной надеждой говорил нам о необходимости искать новые критерии для оценки истинного экономического состояния того или иного хозяйства. Хуже нет, когда труженика хвалят или ругают не за то, за что следовало бы хвалить или ругать. Неверные критерии хозяйственной деятельности наносят либо нравственную травму, либо развращают того, чьими руками создается конечный продукт колхозного производства. Возможности хозрасчета велики. Но сегодня (впрочем, как и вчера и позавчера) важно интерес исполнителя увязать с конечной продукцией, с интересом всего хозяйства, то есть с прибылью. И не просто увязать, но обязательно доступным его пониманию образом. Отсюда мысль об оценке деятельности, которая на новом этапе развития могла бы исходить, допустим, из стоимости продукции, полученной на работника, занятого в отрасли. Или — из количества продукции в расчете на тысячу рублей основных фондов...

Почему эта переориентация выглядит более перспективной, чем, скажем, сдельщина или даже прогрессивный перерасчет на сто гектаров пашни или сельскохозяйственных угодий? Да потому, что системы эти, даже при их обновлении, были рассчитаны на работника, но не хозяина, не на того, кто чувствовал себя хозяином колхозных угодий, скота, техники. Известно, что поощрения ударного труда всегда отличались щедростью и были общественно значимы. Однако... Но послушаем председателя из Рясны:

— Люди-то разные! И деревни, как и поля, как и стада, все разные... А какие качественные изменения очевидны в социальном плане, в структуре жителей села! Со всеми этими особенностями нельзя не считаться при совершенствовании системы оплаты по труду и поощрений. А что произошло? Переход на денежную оплату труда колхозников, жизненно необходимый и прогрессивный, постепенно обернулся привычным «окладом», как это всегда было принято в городе. Была натуроплата по «палочкам», а теперь гарантированные рубли согласно тарифу. Выходил в поле — не выходил, старался — не старался, но день зарплаты грядет ежемесячно. Обитатели села давно смекнули: жить можно? Да, можно. И безбедно, особенно если учесть, что огород и личный скот под боком... Но специфика труда на селе, в сельскохозяйственном производстве такова, что сам по себе рубль, оказывается, мало что решает, особенно в деле воспитания исполнителя нового типа. Оказывается, оттого, что «служащие» на молочном комплексе имеют приличные оклады, почти как водители троллейбуса в городе, оказывается, от этого их благополучия удои коров не растут. И молока на ферме не намного больше, чем при сдельщине или работе за «палочки».

И тут председатель привел пример из нынешних будней колхоза. Есть в Рясне два тракториста, ничем не похожих друг на друга: Антон и Володя. Первый — крупный молодой мужик, силен физически, всегда всем довольный, не рвач какой-нибудь. А второй — худощав, берет не силой, а умением, старательностью, особой прилежностью мастера. Годовая выработка у дюжего Антона втрое меньше, чем у товарища по полю и по бригаде. Володя — человек совестливый, он хозяин, и таким его знает весь колхоз. Не только безотказный работник, но хозяин земле, каждой ее пяди, хозяин технике, каждому болту. Так вот, колхозу по нынешним време-

Владимир Леонтьевич Бедуля.

нам, когда хозрасчет требует изощренней экономической изворотливости, мало того, что Антон «просто» тракторист, выполняющий задание, но — не более... Такой работник хорош еще на заводском производстве, на фабрике, в учреждении, но не в сельском хозяйстве, где труд сезонный, рабочий день год кормит и часто ненормированный, где важно посеять, но еще важнее п о ж а т ь! Колхозу невыгодно равенство в оценке труда Антона и труда Володи, которые для всей Рясны не сравнимы...

Да, в деревне сейчас довольно велика по количественному составу определенная группа тружеников с заметно низкими профессиональными навыками, а главное — с ограниченным кругозором, недопониманием своей личной роли в дальнейшем развитии колхоза, довольствующихся работой «от сих до сих», довольных зарплатой и не испытывающих органической потребности работать по-крестьянски, с полной отдачей всех сил, всего времени родному полю.

«Люди-то разные!» — не уставал напоминать нам Бедуля. По его мысли, оплата труда должна, как никогда прежде, отвечать профессиональным способностям исполнителя. Но не только им. И даже не только мастерству. А еще и уровню его человеческих достоинств, нравственному потенциалу. Как это понимать? Старательных, беззаветных, одержимо преданных делу как бы отделить дополнительным рублем от бездушных исполнителей. Рублем весомым. Так, мы знаем, думает не только Владимир Леонтьевич, но и его сподвижники в республике, такие знаменитые и уважаемые председатели и директора совхозов, как дважды Герой Социалистического Труда Ралько, как Герои Социалистического Труда Старовойтов и Калачик. Опыт Рясны тем и интересен, что тут не «оригинальничают», но следуют логике того житейского опыта, который кристаллизуется в гуще народа: на селе всегда знают, кто есть кто.

Один человек сам по себе молодец. Он таким хорошим, старательным, хозяйственным, взыскующим истины уродился.

— Он т а к о й от мамы-папы,— говорил, как диктовал, председатель,— все основы высоконравственного поведения воспринял чуть ли не с детсадовского возраста. Одним словом, коллективист! Такой это человек...

А с другим,— продолжал Владимир Леонтьевич,— как принято выражаться, занимаемся годами, а толку чуть... Больно уж много развелось на селе нерадивых да ветрогонов. Живут-поживают за надежной спиной колхозной. И они, за редким исключением, почти в равных условиях с героями труда. Да, есть прибавки к основной оплате и за классность, и за проценты перевыполнения... Но дело в том, что задачи, которые сегодня ставит хозрасчет перед работником, властная ориентация на обязательный рост продукции и рост прибылей, заведомо как бы исключают (точнее: должны исключать) горе-работника из прогрессивной системы оценок. Чрезмерный крен к дополнительным формам оплаты, впрямую не связанным с конечной продукцией полей и ферм, порождает погоню за премиями, «успехи» в отчетности...

Человек, работающий вполсилы, никакой не бедняк, тем более не страдает от голода-холода. Он живет, быть может, не лучше, но и ненамного хуже других, которые, по его мнению, «из кожи лезут». Влюбленного в землю, в любое живое дело работника, считающего себя хозяином в сфере порученного ему участка, с одной стороны, и просто исполнителя функций, определяемых чаще всего набором простейших операций по уходу за землей или скотом — с другой, отличает одно: разный подход к своим обязанностям, разная оценка себя как личности. То есть разный нравственный потенциал. Одни работают, другие отбывают...

Из бесед с Владимиром Леонтьевичем выходило, что если и есть нынче у колхоза нужда в новых людях, то не вообще в «рабочей силе», а в исполнителях высоконравственных, живущих смолоду коллективистами. Но практически колхоз принимает любого — рук не хватает. На это есть у правления широкие полномочия. И все же не хватает полномочий платить тому, кто работает за двоих-троих, значительно больше, чем это предусмотрено многочисленными инструкциями финансовых органов и районными рекомендациями. Все они, к сожалению, относятся к временам робкого приобщения к хозрасчету и сегодня рассчитаны на удовлетворение ограниченных потребностей тех, кто в меру добросовестен, но не «перерабатывает». И кто общеколхозной прибылью, не говоря уж об интересе державы, как-то не болеет. Владимир Леонтьевич уточнял еще и еще раз в общем-то понятную мысль:

— В последнее время общественность много говорит о лучших, о героях. И не меньше — об отпетых. Но деревня сильна «массой», сильна артельным отношением к земле, скотине, технике, многомиллионному богатству колхоза. Я рад, когда киношники снимают наших героев труда. Но их у нас три — пять человек, в том числе и Володя. Они славны трудом в течение двадцати лет. Это константа, величина постоянная, мастера из ряда вон! Но есть и Надежда Павловна Чайковская. О ней ни слова, так сказать, в широкой печати. Она тридцать лет среди тех, на которых земля в Рясне держится, то есть вся ее кондовая экономика.

Но председатель не безвольный созерцатель сущего, отсюда его требования к специалистам, ко всем колхозникам: «Выявлять бациллу безнравственности, то есть разоблачать носителей идейки: иметь минимум неприятностей и максимум удовольствия». В колхозе «Советская Белоруссия» правление давно и отважно взяло на себя ответственность за практическое решение многих насущных вопросов оплаты по труду. Здесь разрабатывается и осуществляется самобытная система материального поощрения труда производительного, качественного. И самого Бедулю и правление глубоко волнует тема дальнейшего совершенствования системы оплаты по труду и именно с целью воспитания исполнителя нового типа. Проблемы «скрытого тунеядства», уравниловки, пережитков сдельщины в нашем сельском хозяйстве, оплаты «мягких гектаров», «тонно-километров» и вообще «вала» во всех его антиэкономических проявлениях — вот что вызывает чувство тревоги и неудовлетворенности у председателя из Рясны и его единомышленников. Не секрет, говорил Владимир Леонтьевич, что щедрая оплата без контроля за мерой труда, не увязанная с конечным продуктом, привела к тому, что множатся хозяйства, которые давно «проели» сами себя, которые закредитовались до такой степени, что никакой практической отдачи ни их земля, ни их техника, ни их скот давно не дают. Так как же не поощрять тех, для кого труд — потребность, у кого производительность превыше любых норм! И система Бедули их поощряет.

Ход мысли Владимира Леонтьевича (да не его одного!) простой:

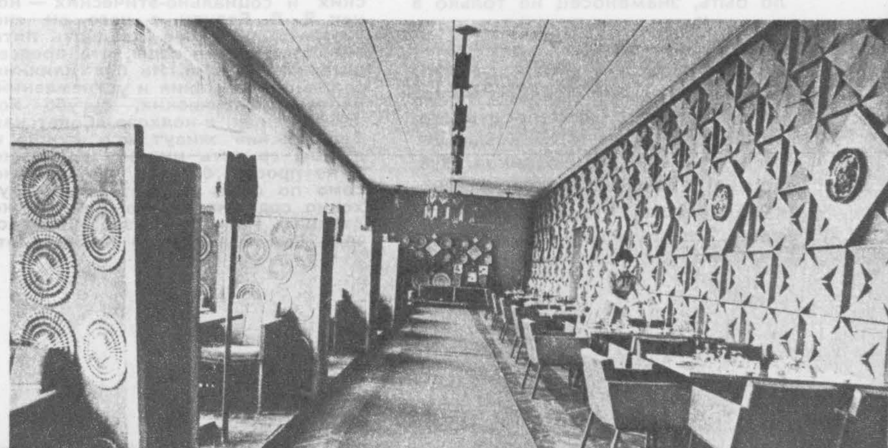
— Мы не можем по существующему трудовому законодательству платить «просто работнику» меньше, чем положено ему по должности. Но мы можем по законам колхозной демократии платить больше тому, у кого больше конечного продукта, у кого осень красна урожаем.

Отличить подлинного хозяина

Агрономы Валентина Владимировна Дик и Александр Степанович Шик.

Ресторан в Рясне ждет гостей.

колхозной экономики позволяет здешняя система оплаты по труду. И то благоприятное отношение к лучшим, которое создано в колхозе. Когда всем миром оказывают Надежде Павловне Чайковской или Володе почет и уважение — это их окрыляет. Это другим урок. Потому что на селе уважение односельчан, новый дом, новая мебель, автомобиль поважнее рублей в кубышке или на книжке.

Почему при одинаковом характере производства по-разному работают бригады прославленного колхоза? Простой пример: на каждые сто рублей колхозных затрат жители Чернева дают девяносто рублей чистой прибыли, жители Заболотья дают пятьдесят рублей, Леска — двадцать... За много лет наблюдений сделан вывод: Чернево сильно традициями, многие поколения не могли там разучиться работать, люди в Черневе испокон веку втянуты в работу осмысленную, слаженную, спорую. А поедешь в Лесок — все вроде делается так, да не так...

— У нас нет и не может быть частной собственности,— так рассуждал Владимир Леонтьевич.— Давно не дерутся до кровянки на разделе покосов... Естественно, и крестьянства как стихии мелкобуржуазной давно нет. Однако все чаще в деревне задумываются: не утратил ли колхозник во втором и третьем поколениях вместе с нехорошим чувством собственности и сугубо личный интерес к земле? К ее плодородию? А также к садам и стадам? То есть интерес к своему главному — наследуемому — делу на земле? Не отсюда ли бессовестное воровство, нарушение сроков полевых работ, потери при уборке урожая, его хранении? А неэффективность труда?

Так вот о чем душа болит у В. Л. Бедули и других знакомых нам сельских руководителей!.. Очевидно — село должно переступить некий порог, шагнуть в область иных отношений в коллективе: в дальнейшем рост производства, повышение качества труда должны недвусмысленно зависеть от личной заинтересованности исполнителей новых технологий. Работу в охотку, осознанную, мастерство и вдохновение надо оплачивать, поощрять рублем и честью.

— Деревня есть деревня,— убеждал нас, давно с ним согласных, Владимир Леонтьевич.— Мы у себя стараемся переломить безразличие работников хладнокровных и всем довольных. Важно создать психологический климат в обществе, чтобы лодырю было стыдно за его «прожиточный», безбедный заработок. Чтобы деревня на смех поднимала того, кто оставил в поле ведро картофеля или недоподоил коров, кто раньше солнца ушел с покоса!..

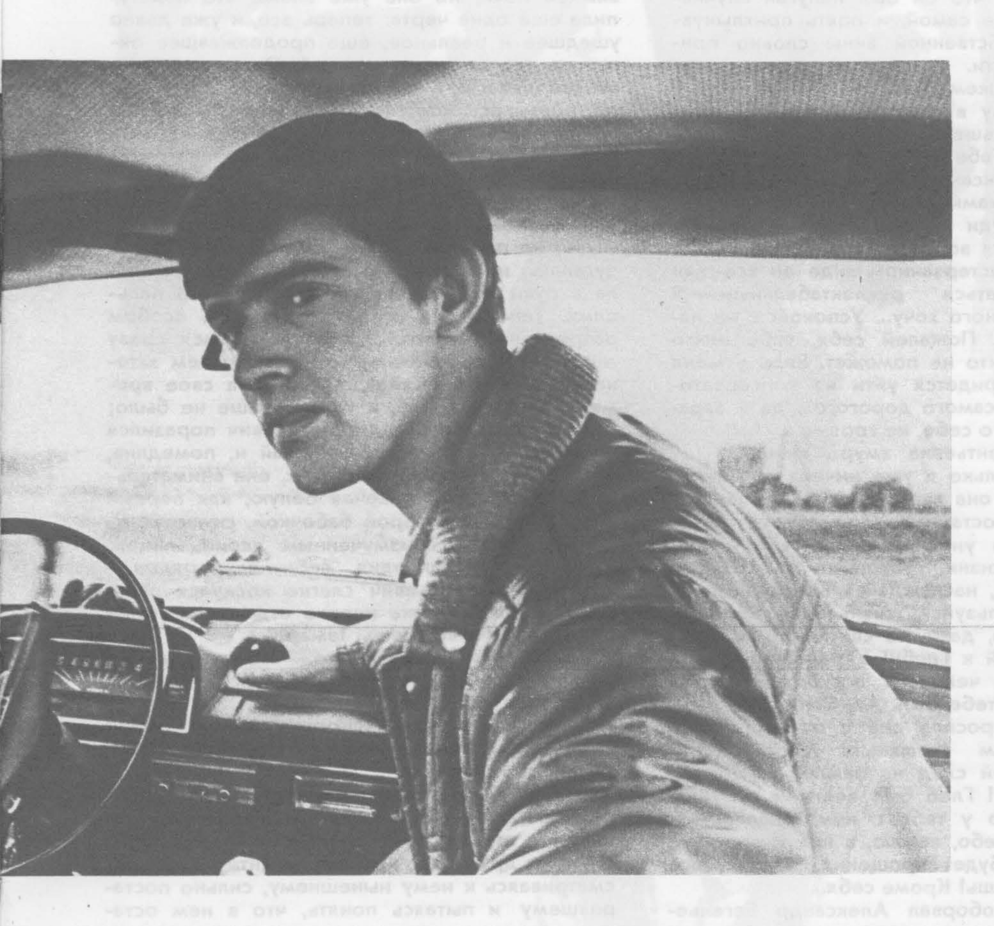
В колхозе стараются развить, так сказать, конкурентоспособность тех, кто пока довольствуется зарплатой. Таким исподволь навязывают желание жить по-новому, точнее, по повышенным к себе и жизни требованиям. Предлагают, например, строиться или капитально ремонтировать дом. Втягивают личный интерес в круговорот все новых и новых забот об усадьбе, о скотине, о семье, тем самым — о колхозе. Ибо на системе штрафов тоже далеко не уедешь, а разработанная В. Л. Бедулей система доплат хороша лишь в сочетании с воспитанием в каждом работнике колхоза подлинного хозяина. «Успехи» в отчетности здесь исключены.

Итак, безнравственность сама по себе сегодня не выгодна прежде всего народному хозяйству. Безнравственность помалкивает, когда колхозная рентабельность низка, а ведь это сигнал экономического бедствия! Почему же он не всех поднимает на труд, производительный и качественный? Одна из причин все та же: неточная оценка труда. Социологи не зря рекомендуют учитывать КПУ — коэффициент полезного участия каждого члена коллектива. Индивидуально. На селе КПУ создает реальный продукт полей, ферм, садов, а система оплаты подчас его не учитывает... В общем, безнравственность не выгодна даже людям с ограниченными потребностями. Она и есть главный нарушитель передовых технологий. Профессионально невоспитанный работник нарушает сроки всех сельскохозяйственных работ — вот откуда потери зерна, молока, мяса и другой продукции. Почему? Да потому что существующая оплата труда привела к отчуждению производителя от продукта его труда и как следствие во многом испортила отношения работника с его прямыми обязанностями, даже чисто производственными.

В колхозе «Советская Белоруссия» постарались оплату по труду упрядочить и всячески, где только можно, связать с конечным результатом. Пример? Здесь убедились, что урожай в триста центнеров картофеля больше урожая в сто центнеров вовсе не втрое, а в пять раз! Да, такова арифметика Бедули: не в три — в пять раз! Почему? Из урожая в сто центнеров половина клубней, то есть пятьдесят центнеров, пойдет снова в землю, как семена. Естественно, столько же отберут на семена и при урожае в триста центнеров. Но во втором случае останется еще двести пятьдесят центнеров картофеля! То есть в пять раз больше. Вот почему мастеру высоких урожаев труд оплачивать надо сполна, за полученную им продукцию. Когда мы пишем «конечный продукт», то имеем в виду тот самый амбарный вес, тот самый абсолют, который не вилами по воде пишется. Платят в Рясне за конечный результат, а не за гектар. Да еще обязательно помнят, что «триста больше ста в пять раз»!..

Мы увезли из весенней Рясны убеждение: сегодня для деревни главное не в том, чтобы платить больше или меньше, а в том, за что платить. Пусть достойным уважения будет тот, кто всей душой прикипел к родной земле, родительскому селу, и дом его пусть будет красен не только пирогами, но и углами. Да живет всем на зависть тот, кто часов в поле не наблюдает, у кого поросята или телята не дохнут, а сено ли, картофель ли, виноград ли не преют, не гниют. Девиз Владимира Леонтьевича, дышащий добрым отношением к людям, звучит недвусмысленно: «Выкладываться до конца, выкладываться каждый день!» В общем, жить так, как живет земля. Как живет великая Беловежская пуща по соседству с полями Рясны, как живут солнце и его беспокойное работящее дитя — весна.

•

Приехал оператор из Москвы!

Завтра — в поле

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ

Петр ПРОСКУРИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Тамара Иннокентьевна словно взглянула на себя из иного мира, в котором не существовало ни обид, ни желаний, но присутствовало нечто большее, чем сама жизнь, она медленно, остановившимися глазами с недоумением осмотрелась, затем молча встала, одним жестом заставила вскочившего было вслед за ней Александра Евгеньевича опуститься на свое место и вышла; вернулась она одетая, в глухом платье, в туфлях и причесанная. Александр Евгеньевич, ждавший ее, до предела напряженный, едва взглянув на нее, все понял; она приняла решение, игра в прятки кончилась; он еще смотрел ей навстречу с ожиданием, с готовностью все забыть и простить, но приступ еще более дикой нерассуждающей ненависти уже опять копился и поднимался в нем.

— Верни все украденное у Глеба,— бесцветным голосом потребовала Тамара Иннокентьевна, останавливаясь перед ним.— До последней строчки... Ты должен это сделать.

Он не стал ничего отрицать, пожал плечами.

— Разумеется, по твоим понятиям, лучше сидеть на куче нот и вздыхать по несостоявшейся идиллии. Нелепо? Зато чувствительно. Молчи, молчи,— остановил он пытающуюся что-то сказать Тамару Иннокентьевну.— Я дал жизнь, воздух, свет хотя бы отдельным мыслям Глеба, я посвящу очередной концерт его памяти... Этого уже не изъять, прости... Так получилось, и уже ничего изменить нельзя. Не тебе судить. Ты, именно ты вторглась в нашу жизнь, разбила нашу дружбу, непрошеная, ненужная, все испортила, извратила, у нас были другие замыслы, единые, долгие,— перешел Александр Евгеньевич в наступление.— Слышишь, не тебе указывать, что мне делать.— Побледнев, он вскочил на ноги, неумело сжав кулаки; в первую минуту, ошеломленная, подавленная силой его ненависти, она попятилась. Но тут же, словно что бросило ее вперед, она вцепилась ему в ворот пижамы, изо всех сил стала трясти его, огромного в сравнении с ней, растерявшегося окончательно; несмотря на отчаянные усилия, Александр Евгеньевич не мог оторвать от себя ее руки.

— Вор!— кричала Тамара Иннокентьевна яростно, забыв обо всем на свете.— Вор! Обокрал, изгадил память мертвого друга! Негодяй! Бездарный подлец! Слышишь, я все расскажу, я не оставлю этого так... Я всем расскажу, какой ты негодяй и подлец! Глеба помнят в консерватории! Его там любят, тебе это так не пройдет! Верни все назад! Твой вчерашний концерт — это его концерт! Ты все украл! Негодяй! Негодяй!

Ему удалось наконец оторвать руки Тамары Иннокентьевны от себя (сухо затрещала разрываемая пижама); он грубо отшвырнул ее прочь, и она, болезненно вскрикнув, отлетела в угол кухни, ударилась об угол шкафчика плечом и затылком; с трудом переводя дыхание, едва не теряя сознание, она тяжело привалилась к стене, теперь уже приходя в себя и с удивлением глядя на бешено жестикулирующую и оттого особенно нелепую и жуткую фигуру Александра Евгеньевича в растерзанной пижаме; она с трудом удерживалась от припадка нервного, истерического смеха, душившего ее. Александр Евгеньевич продолжал что-то выкрикивать, она его не слушала, и он тогда опять было двинулся к ней.

— Не подходи! Не прикасайся ко мне!— Тамара Иннокентьевна старалась отодвинуться по стене от него как можно дальше.— Не подходи, мне гадко! Ты мне гадок! — Ее беспомощный крик отрезвил их обоих; вздрагивающими руками Александр Евгеньевич налил себе воды и, судорожно глотая, выпил, не глядя в сторону Тамары Иннокентьевны; у него сильно дрожали руки, и Тамара Иннокентьевна все еще не решалась сдвинуться с места, оторваться от стены; ей сейчас больше всего хотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко от собственного дома, от этого проклятого места, где она столько раз теряла самое дорогое; она видела, что он был напуган случившимся больше ее самой, и опять прихлынувшее чувство собственной вины словно придало ей решимости.

— Мы не можем быть больше вместе,— твердо глядя ему в глаза, она точно бросилась в воду; больше всего она боялась опять пожалеть его.— Тебе нужно уйти.

— Знаю.— Александр Евгеньевич пригладил трясущимися руками всклокоченные волосы, запахивая на груди пижаму с почти оторванным, болтавшимся воротом; она отметила, что даже в своем растерзанном виде он все-таки умудрялся казаться респектабельным.— Я знаю, я лишь одного хочу... Успокойся, не натвори глупостей. Пожалей себя, тебе никто не поверит и никто не поможет. Ведь у меня имя... Тебе ж придется уйти из консерватории... лишишься самого дорогого... да и заработка... Подумай о себе, не горячись.

Тамара Иннокентьевна хмуро кивнула.

— Ты прав, только я уже ничего не боюсь. Проклятая ночь, она выжгла из меня все живое, последние остатки... Уходи, Саня, уходи совсем, украл и уноси... Помни, тебе не будет счастья в жизни. Такое не прощается... Живи, процветай, наслаждайся властью, спи с хористками... Пользуйся, жизнь одна. Знай, ты никогда, никогда, даже на сантиметр не приблизишься душой к Глебу! Украденное тобой погубило в тебе человека, погубит и художника, если он в тебе был. Ах, Саня, Саня, как же ты мог?— спросила она с отчаянием, не веря еще своим страшным словам.— Его кровь, его живой след на земле... Чудовищно... Как ты мог! Глеб был великий язычник, жизнелюбец, что у тебя с ним общего? Он любил солнце, небо, землю, в нее и лег. Нет, Саня, тебе не будет прощения. Ты все, все кругом ненавидишь! Кроме себя...

— Замолчи!— оборвал Александр Евгеньевич, отчаянно пытаясь направить ее внимание на другое.— Что ты из себя корчишь героиню, кто, скажи, кто ты в этом мире? Кто узнает о твоем героизме? А вот что ты спала со мной, знают все...

— Не кричи, разговаривай спокойно, ты даже расстаться не можешь по-человечески, по-мужски,— остановила она его, и в ее голосе послышалась незнакомая ему сила.— Я не твой холуй, никогда им не стану. Мы не слышим друг друга, даже если кричим. А жаль, Саня. Твои холуи только поют тебе аллилуйю. Ты удобен. Никто не скажет тебе правду. Глеб нес в мир героическое начало. За то и погиб, а ты своей музыкой разъедаешь душу, вот ты и процветаешь, тебе это очень удобно, все разъять и разъединить!

Александр Евгеньевич шагнул было к ней, невыносимо было слушать ее такую далекую и чужую, высказывающую несвойственные ей мысли. Не двигая ни одним мускулом и не опуская глаз, Тамара Иннокентьевна ждала; он не смог подойти, побито вернулся под ее взглядом на свое место.

— Если б кто знал, как я устал,— пожаловался он беспомощно.— Как я устал...

— Уходи,— попросила она, отворачиваясь от него и прислоняясь к стене; у нее уже не было сил держаться на ногах.— Уходи и только пожалуйста, больше не возвращайся... Пожалуйста, уходи... Бога ради, прости меня... Я сама виновата,— добавила она, и он точно ждал ее последних слов.

Тамара Иннокентьевна не услышала ни его шагов, ни стука двери, лишь почувствовала свое полное, безраздельное одиночество.

V

Забывшись на какое-то время, Тамара Иннокентьевна опять оказалась в удивительной зимней ночи, но она уже знала, что подступила еще одна черта; теперь все, и уже давно ушедшее и реальное, еще продолжавшее окружать ее, смешалось в ней. Она внимательно огляделась; в очертаниях знакомой мебели появилось что-то новое, контуры как бы утяжелились и в то же время стали менее определенными. Тогда Тамара Иннокентьевна поняла и тяжело, трудно, всей немощной, уставшей грудью вздохнула; кончилось временное, жалкое, раздражающее, и начиналась вечность, не подлежащая переменам. Она не испугалась, но чтобы что-то еще ощущать, взяла в руки край пледа и стала мять его пальцами. Теперь она все видела в том особом разреженном свете, как бы льющемся сразу отовсюду и совершенно не оставлявшем затененных мест. Был свет, должный в свое время смениться тьмой, и тайн больше не было; вернувшийся Александр Евгеньевич поразился ее лицу. Он принес свежий чай и, помедлив, осторожно поставил на столик, она внимательно оглядела его, отмечая белую, как первый снег, манишку с серой бабочкой, резко контрастировавшую с измученным вконец лицом.

— Прости, приводил себя в порядок.— Александр Евгеньевич слегка коснулся пальцами груди и тут же нервно отдернул руку.— Как ты себя чувствуешь, Тамара?

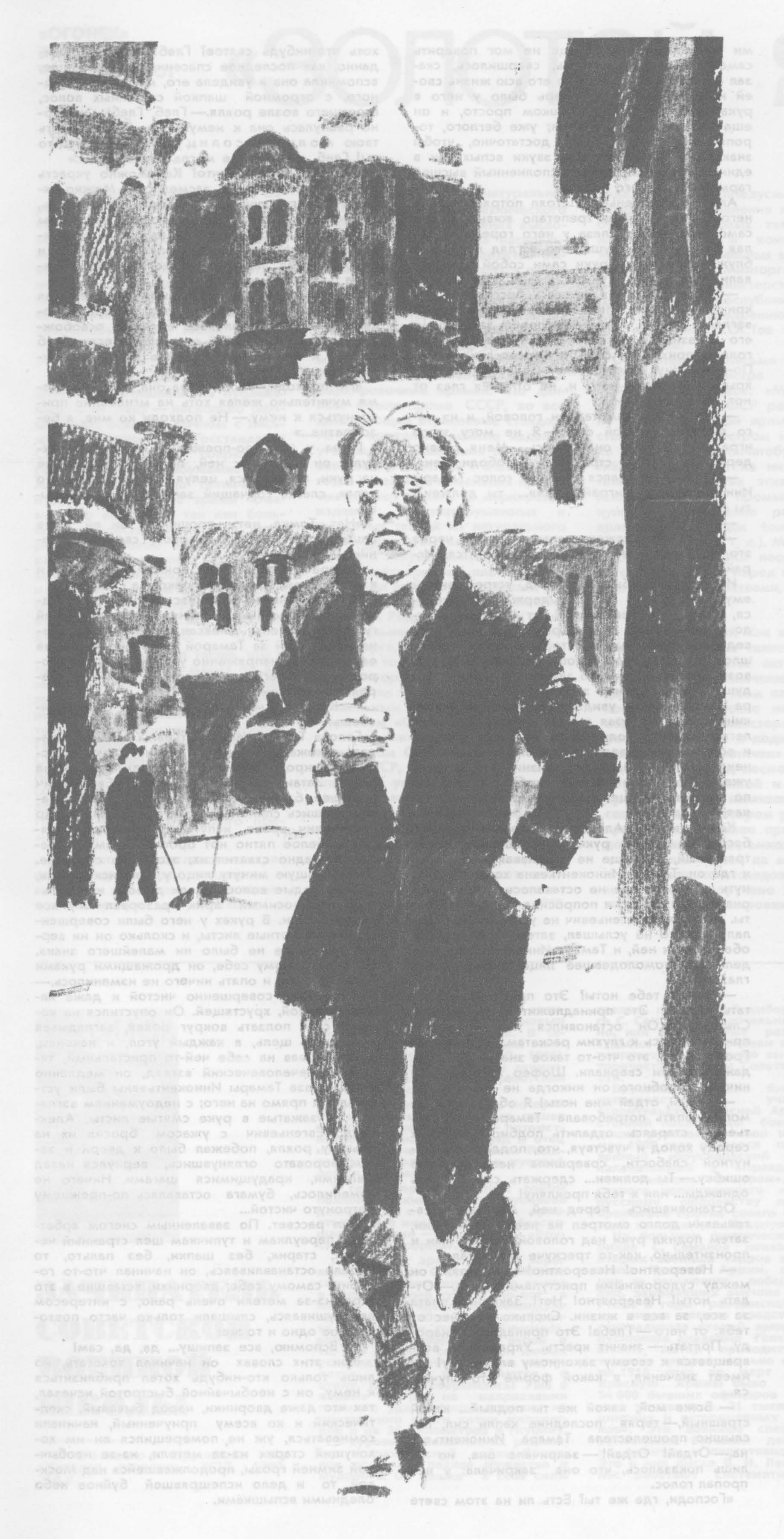
— Спасибо, превосходно,— сказала Тамара Иннокентьевна значительно. — Вспомнила, вспомнила...

— Все вспомнила?— спросил он с явной иронией, но Тамара Иннокентьевна посмотрела на него с грустью.

— Все,— коротко ответила она, не в силах перебраться через пропасть в двадцать с лишним лет, отделявшую сейчас в ее душе одного Саню от другого, с невольным интересом присматриваясь к нему нынешнему, сильно постаревшему и пытаясь понять, что в нем осталось от прежнего, так цепко удерживаемого в памяти, и неприятно удивилась себе, в душе опять зашевелились ненужные чувства и обиды, словно это он был во всем виноват, хотя теперь она ясно понимала, что виноват он не больше других, не больше ее самой; и сейчас нехорошо видеть в его лице, в его образе свое собственное отражение и бессилие. И он не отводил от нее упорного взгляда; она бы сейчас могла радоваться, ведь давние ее слова оправдались, но в душе у нее не оставалось места для мелкого чувства.

Окликнув Александра Евгеньевича, она попросила его сесть ближе; помедлив, он устроился рядом на диване, и старые пружины

Окончание. См. «Огонек» №№ 11—15.

под его тяжестью обессиленно застонали. Тамара Иннокентьевна поправила у себя на коленях плед.

— Я рада, Саня, вот ты опять здесь,— сказала она.— Спасибо тебе, я сейчас не одна... Ты не сердись, если я буду говорить глупо... Я ведь так ничего и не поняла в жизни, все проворонила... Мне кажется сейчас, ты вообще всегда был рядом, правда, странно?

Заставив себя взглянуть на нее, Александр Евгеньевич внутренне вздрогнул; выражение ее лица опять поразило его и испугало; она уже была отделена от него чертой, он опоздал, последнее ожидание рушилось. С трудом отведя глаза в сторону, стараясь не дать прорваться затаенной давней мысли, Александр Евгеньевич почувствовал отчаяние.

— Скажи, Саня, зачем ты пришел?— Тамара Иннокентьевна все так же светло смотрела на него.

В его напряженном сознании сверкнула спасительная мысль, он во что бы то ни стало должен убедить ее, судьба представила ему единственную возможность добиться ответа, добиться того, ради чего он жил и поднимался по ступеням все эти годы; все ведь относительно, а что, если он ошибался и в ту невероятно далекую декабрьскую ночь сорок первого ничего и не было? Или ему просто померещилось, сработала обстановка, горячечное воображение? Или что-то в нем самом прорвалось, а он приписал весь этот взрыв эмоций Глебу...

— Я пришел получить прощение,— сразу устремился к цели Александр Евгеньевич, безошибочно чувствуя необходимость именно такого пути; строго на него взглянув, Тамара Иннокентьевна, как бы укоряя его за несерьезность, даже слегка улыбнулась, и постепенно глаза ее смягчились.

— Пожалуйста, ответь еще.— Тамара Иннокентьевна старалась говорить легко, без нажима, чтобы не спугнуть установившееся между ними доверие.— Ты не боишься?

— Не понимаю.— Александр Евгеньевич, теперь полностью захваченный своей тайной мыслью, словно выдавливал из себя каждое слово.— Нужно чего-то бояться?

— Ты ведь так и не выполнил своего обещания,— напомнила Тамара Иннокентьевна, слабо грозя ему пальцем.— Ничего не напечатал у Глеба... А ведь теперь тебе ничего не стоило бы, всего ты добился, во всех президиумах сидишь, во всех комитетах значишься, вон депутатский значок носишь... только и слышно — Воробьев... Воробьев... Воробьев... Какие только чины и эпитеты на тебя не навешали, а свое обещание ты так и не сдержал. Вот почему ты сейчас у меня. Ты хочешь, чтобы я до конца молчала, никому ничего не сказала.

— Все те же ребяческие фантазии!— шумно отмахнулся от нее Александр Евгеньевич, в то же время внутренне содрогаясь от ее провидческой беспощадности; сейчас она была настолько близка к истине, что любое ее слово больно ранило. Лицо ее истончалось на глазах и начинало светиться каким-то тихим светом, и он, предпринимая отчаянное усилие, рванулся навстречу неизвестному.— Могло случиться и так, только ты ошибаешься,— сказал он горячо.— Ты лучше любого другого знаешь мою жизнь... все эти побрякушки — для болванов, для меня — побочное, второстепенное; главным для меня было творчество, вот здесь...

— Здесь у тебя пусто, Саня, здесь тебе не повезло,— спокойно закончила за него Тамара Иннокентьевна.— Впрочем, как знать! Скорее повезло. Все подравниваешь под себя, под серость. Если бы Глеб остался жить, вы бы убили его! Засосали своей тиной... Все засасывается тиной, и гениальное и ординарное. Не различишь, где истинное, где временное, сиюминутное. Всем покойно, всем удобно... утрачиваются критерии... все причесывается под одну гребенку, талант и серость приводятся к одному знаменателю. А живого, вечного вы не умеете создать... и ты тоже, Саня, хотя ты лучше других, у тебя хоть иногда гармония пробивается...

— Да, да,— подхватил он, решив больше ни в чем ей не перечить,— может быть, излишне строго... но во многом справедливо,— заторопился Александр Евгеньевич, уловив еще новое изменение в ее облике,— ты имеешь пра-

во судить, и судить по самому высокому праву. Что с тобой? Что случилось? Тамара! Что ты?— почти закричал он, бросаясь к ней; она остановила его легчайшим, почти невесомым жестом руки; черта, отделявшая их друг от друга, почувствовалась еще резче. Тамара Иннокентьевна как бы еще больше сосредоточилась в самой себе, глубже погрузилась в свое; по ее виду Александр Евгеньевич, хотя следил за малейшим ее движением, так и не догадался, что минутой назад она испытала одно из сильнейших, когда-либо выпадавших на ее долю потрясений — у нее отнялись ноги, все тело ниже пояса как бы одеревенело; время от времени она продолжала попытки шевелить ногами, ставшими неподвижными, пугающе мертвыми; она не хотела, чтобы неожиданную, новую беду заметил или понял Александр Евгеньевич, и сейчас больше мучилась именно по этой причине. От своей полнейшей беспомощности она было окончательно упала духом, но какое-то чувство ей тотчас подсказало, что это ненадолго. Она успокоилась так же внезапно, как и смертельно испугалась; нечто другое, более важное, мучившее ее в продолжение всей ночи, оттеснило второстепенное и ненужное; собираясь с духом, Тамара Иннокентьевна медленно и подробно оглядела комнату, громадный, удобный письменный стол (в старину люди были надежнее, основательнее и любили окружать себя такими же вещами), затаившуюся, стройную массу рояля, старые массивные шкафы с книгами, затем опять вернулась к роялю. Нужно было решиться, в ней возник какой-то обратный поток: она увидела и себя, и Александра Евгеньевича, и всю свою жизнь совершенно в ином значении; и опять словно кто-то посторонний, невидимый, но бывший теперь неотлучно рядом с ней, подсказывал ей торопиться; уже был близок рассвет, буря усиливалась; Тамара Иннокентьевна увидела сейчас Москву, метельную, притом всю сразу, в снежных клубах и в ветре.

— Саня, Саня,— строго позвала она, и когда он встал перед ней во весь рост, с длинными опущенными руками, она с сожалением подумала, что он совсем уже старый, и только в глазах у него еще таился, ожидая своего часа, дьявол. У нее сейчас не оставалось выхода (обратный поток в ней все усиливался), и она, попытавшись оправдать себя, не смогла; и в этот момент падения глаза ее вспыхнули каким-то внутренним светом; и ее состояние перекинулось Александру Евгеньевичу, он почувствовал освобождение от чего-то всю жизнь мешающего, ненужного, вся скверна жизни опадала с души тяжелой, лохматой массой; в нерассуждающем порыве благодарности он старчески неловко опустился перед ней, прижался губами к ее горячей сухой руке.

— Саня, не надо,— опять откуда-то из своего немеренного далека, отстраненно и строго попросила она.— Не надо, не время... Ты меня всегда огорчал в жизни, Саня, теперь ты должен все исправить. Встань, пожалуйста... Не плачь, мужчина должен оставаться мужчиной до конца. Встань, встань... времени совсем не остается... Встань же!

Александр Евгеньевич поднял голову, вернее, ему показалось, что кто-то посторонний и беспощадный рванул его голову до резкой боли в затылке, запрокинул ее.

— Теперь ты меня бросаешь,— пожаловался он тихо.— Сначала Глеб, теперь ты... А мне что здесь делать? Что я без вас?

В другое время Тамара Иннокентьевна поразилась бы и его словам и их безысходности, но сейчас она не обратила на них внимания, торопясь выполнить назначенное, она просто не слышала их.

— Саня, скорей! Ну что ты бормочешь?— возмутилась она.— Саня, возьми, возьми,— нетерпеливо потребовала Тамара Иннокентьевна, протягивая ему неизвестно как и откуда оказавшиеся у нее в руках ноты.— Иди... сыграй... Скорей, Саня, Санечка!.. Скорей... скорее... а то не успею...

Едва взглянув на потертую, износившуюся бумагу, Александр Евгеньевич с трудом устоял, ноги ослабли, сделались почти ватными; от радостного мучения сердца он не удержался, смахнул слезы, они застилали глаза, не давали видеть; едва взглянув, он сразу забыл обо всем на свете; перебирая дрожащими руками листы, он еще не мог поверить самому себе; свершилось, свершилось, сказал он себе, то, что мучило его всю жизнь своей недостижимостью, теперь было у него в руках, все случилось слишком просто, и он еще не мог прийти в себя; уже беглого, торопливого взгляда было достаточно, чтобы знакомые, снившиеся ему звуки вспыхнули в единый, стройный поток, исполненный высшей гармонии, высшего полета.

Александр Евгеньевич стоял потрясенный, у него в руках сейчас трепетало живым огнем само бессмертие, глаза у него горели, и целая буря была в душе; его взгляд невидяще блуждал вокруг, а руки сами собой сворачивали ноты...

— Саня! Саня!— в ужасе, бессильно закричала Тамара Иннокентьевна, и он, дико взглянув на нее, вначале не понял, затем лицо его исказилось раскаянием, он схватился за голову, приходя в себя, и бросился к роялю. По-прежнему трясущимися руками поднял крышку, раскрыл ноты и, не отнимая глаз от нот, стиснул кулаки.

— Не могу,— замотал он головой, и из него вырвался глухой стон.— Я не могу этого играть,— повторил он.— Боюсь... Меня словно держат за руки... страшно... Освободи меня.

— Играй,— раздался твердый голос Тамары Иннокентьевны,— играй, Саня... ты должен... ты обещал...

— Не могу...

— Трус! Ты должен, должен пройти через это, хоть под конец душа твоя очистится! Играй!

И такой силы был ее взгляд, устремленный ему в спину, что он не выдержал, подчинился, ударил по клавишам. И тут произошло чудо. Раздвинулись стены, распалась ночь, неведомые солнечные просторы затопили и прошлое и настоящее; водопад низвергающихся, возникающих из ничего звуков выстраивался в душе в одно единое звучание. И тогда Тамара Иннокентьевна увидела сверкающую, перекинувшуюся из края в край дорогу и, гибко, легко, молодо поднявшись на ноги, сбросив и оставив на тяжелом, вытертом, пропитанном неистребимыми запахами жизни диване свою уже немощную и ненужную оболочку, пошла по этой сверкающей дороге — свободная, гибкая, молодая...

Кончив играть, Александр Евгеньевич сидел, бессильно уронив руки, опустошенный и потрясенный, сам еще не осознавая, что с ним и где он. Тамара Иннокентьевна хотела окликнуть его, но у нее не оставалось сил; все же она окликнула его и попросила вернуть ей ноты. Александр Евгеньевич не услышал или сделал вид, что не услышал, затем стремительно обернулся к ней, и Тамара Иннокентьевна увидела его помолодевшее лицо с безумными глазами.

— Зачем тебе ноты? Это преступно... прятать такое... Это принадлежит всем, народу! Слышишь?— Он остановился как вкопанный, прислушиваясь к глухим раскатам.— Слышишь? Гроза зимой, это что-то такое значит... Я ехал, даже молнии сверкали. Шофер говорил, что ничего подобного он никогда не видел...

— Отдай, отдай мне ноты! Я обещала! Я не могу!— опять потребовала Тамара Иннокентьевна, стараясь отдалить подбирающийся к сердцу холод и чувствуя, что, поддавшись минутной слабости, совершила непоправимую ошибку.— Ты должен... сдержать слово... хоть однажды... или я тебя прокляну!

Остановившись перед ней, Александр Евгеньевич долго смотрел на нее в изумлении, затем поднял руки над головой, потряс ими и пронзительно, как-то трескуче захохотал.

— Невероятно! Невероятно!— повторял он между судорожными приступами смеха.— Отдать ноты! Невероятно! Нет! Законная плата за все, за все в жизни. Сколько я вынес от тебя, от него — Глеба! Это принадлежит народу. Прятать — значит красть. Украденное возвращается к своему законному владельцу! Не имеет значения, в какой форме это случится...

— Боже мой, какой же ты подлый... какой страшный,— теряя последние капли сил, неслышно прошелестела Тамара Иннокентьевна.— Отдай! Отдай! — закричала она, но ей лишь показалось, что она закричала: у нее пропал голос.

«Господи, где же ты? Есть ли на этом свете хоть что-нибудь святое? Глеб! Глеб!— неожиданно, как последнее спасение и прибежище, вспомнила она и увидела его, молодого, бледного, с огромной шапкой спутанных волос, стоявшего возле рояля.— Глеб, Глеб!— жалобно рванулась она к нему.— Он хочет украсть твою молитву солнцу... Глеб, наконец-то ты! Глеб, я ничего не могла сделать, он...»

«Томка, Томка, ты что? Как можно украсть душу?— сказал Глеб и засмеялся.— Можно украсть бумагу, душу не похитишь, понимаешь, не украдешь. Душу можно только убить, мы ее и убьем до лучшего случая... Пока на земле не станет чище.— Он опять засмеялся и легко провел ладонью по нотам.— Все, Томка, а ты боялась...»

Жалко и радостно всхлипывая, не отрывая от него сияющих, жарких глаз, Тамара Иннокентьевна чувствовала все большее освобождение от сковывающей ее тело тяжести; Глеб шагнул к ней, и она в страхе протянула руки, останавливая.

«Не подходи,— попросила она, в то же время мучительно желая хоть на мгновение прикоснуться к нему.— Не подходи ко мне, я безобразна...»

Глаза у него по-прежнему молодо вспыхнули, он шагнул к ней, легко подхватил ее на руки, наклонился, целуя, и она узнала его запах, слегка горчащий запах молодой полыни.

«Нет, Томка, нет,— прошептал он ей, и ее лица коснулось его жаркое, свежее дыхание.— Ты прекрасна...»

Тамара Иннокентьевна прижалась к нему и в полнейшем успокоении закрыла глаза.

Комната снова озарилась вспышкой бледной зимней молнии, невнятный прерывистый гул тронул стены; Александр Евгеньевич, давно следивший за Тамарой Иннокентьевной, за ее взглядом, напряженно устремленным в сторону, мимо него, не выдержал, закричал, стараясь подбодрить себя:

— Куда ты смотришь? С кем ты разговариваешь?

Голова Тамары Иннокентьевны сильнее вжалась в кожаную обшивку дивана; глаза ее остались широко открытыми, устремленными на рояль. Затаив дыхание Александр Евгеньевич подошел ближе и попятился; он понял. Натолкнувшись спиной на угол рояля, Александр Евгеньевич резко, испуганно отскочил, оглянулся. Белое пятно нот бросилось ему в глаза, он жадно схватил их; это было спасение. В следующую минуту лицо у него исказилось, редкие седые волосы стали дыбом, и невольный, невыносимый крик разорвал ему все внутренности. В руках у него были совершенно чистые нотные листы, и сколько он ни вертел их, нигде не было ни малейшего знака. Не веря самому себе, он дрожащими руками нацепил очки, и опять ничего не изменилось,— бумага была совершенно чистой и даже какой-то новой, хрустящей. Он опустился на колени, стал ползать вокруг рояля, заглядывая в каждую щель, в каждый угол, и наконец, почувствовав на себе чей-то пристальный, тяжелый, нечеловеческий взгляд, он медленно встал. Глаза Тамары Иннокентьевны были устремлены прямо на него; с недоумением взглянув на зажатые в руке смятые листы, Александр Евгеньевич с ужасом бросил их на крышку рояля, побежал было к двери и затем, воровато оглянувшись, вернулся назад мелкими, крадущимися шагами. Ничего не изменилось, бумага оставалась по-прежнему нетронуто чистой...

Был рассвет. По заваленным снегом арбатским переулкам и тупичкам шел странный человек, старик, без шапки, без пальто, то и дело останавливаясь, он начинал что-то говорить самому себе; дворники, вставшие в это утро из-за метели очень рано, с интересом прислушиваясь, слышали только часто повторяемое одно и то же:

— Вспомню, все запишу... да, да, сам!

При этих словах он начинал хохотать, но лишь только кто-нибудь хотел приблизиться к нему, он с необычайной быстротой исчезал, так что даже дворники, народ бывалый, скептический и ко всему приученный, начинали сомневаться, уж не померещился ли им хохочущий старик из-за метели, из-за необычной зимней грозы, продолжавшейся над Москвой, то и дело испещрявшей буйное небо бледными вспышками.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«ЗОЛОТОЙ ЯРЛЫК»

Экономический репортаж К. Барыкина «Золотой ярлык» («Огонек» № 47 1980 года) анализировал нелепую ситуацию: на никчемные, ненужные ярлыки к кошелькам, к поясным ремням, к портмоне и прочей кожгалантерее ежегодно расходуются миллионы квадратных метров дефицитной хлопчатобумажной ткани. Доколе это будет продолжаться? — спрашивал журнал.

И вот в редакцию начали приходить письма-отклики на публикацию. В их ряду — несколько официальных ответов. Начнем с письма, полученного из Госстандарта СССР. «Проблема сокращения расхода хлопчатобумажных и льняных тканей на технические нужды в настоящее время чрезвычайно актуальна, так как большое количество тканей из натуральных волокон используется в качестве упаковочных и перевязочных материалов, этикеток для нанесения реквизитов маркировки»,— сообщает член Государственного комитета СССР по стандартам Ф. Коваленко.

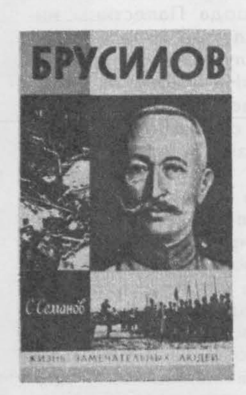
В ответе говорится также, что в связи с решением о мерах по замене технических тканей и изделий из хлопка и льна и увеличению поставки хлопчатобумажных тканей для продажи населению Госстандартом и Минлегпромом СССР проведена большая работа по замене натуральных волокон (хлопка, льна) на химические волокна, нетканые и пленочные материалы — для технического применения.

Разработаны и согласованы графики «пересмотра стандартов и внесения изменения в нормативно-техническую документацию в части высвобождения натурального сырья из сферы технического применения и направления высвобожденного количества натуральных волокон на производство бытовых тканей, пользующихся повышенным спросом. Госстандарт ограничил срок действия около 400 государственных и отраслевых стандартов, в том числе на кожгалантерейные изделия, в части применения тканей из натуральных волокон на упаковку изделий и маркировочные ярлыки. По данным Минлегпрома СССР, во все действующие отраслевые стандарты на кожгалантерейные изделия утверждены изменения со сроком введения в действие 1 января 1981 года. Указанные изменения предусматривают замену в маркировке изделий хлопчатобумажных и шелковых тканей из натурального сырья на ленты, ткани из синтетических и искусственных волокон и поливинилхлоридной пленки».

Весьма активно поддержала высказанные журналом предложения торговля. Редакция получила ответ от начальника Главтекстильшвейобувьторга, члена коллегии Министерства торговли СССР А. Раннева, в котором он сообщает: «Министерство торговли СССР считает правильным вопрос, поставленный журналом «Огонек» в статье «Золотой ярлык», и сообщает: «Госстандартом СССР сообщено Минторгу СССР, что во исполнение решения об увеличении в 1980 году поставки хлопчатобумажных тканей для продажи населению и сокращению их расхода на технические и другие нужды внесены изменения в ГОСТы по маркировке и упаковке швейных, трикотажных и других изделий со сроком введения их в действие с 1 июля 1980 года. Изменения предусматривают исключение применения хлопчатобумажных, шелковых тканей для маркировочных и контрольных ярлыков из натуральных волокон. В свою очередь, Минторг СССР дано указание министерствам торговли союзных республик о принятии мер по внедрению указанных изменений ГОСТов и их соблюдению».

Обстоятельное письмо прислал заместитель министра торговли РСФСР П. Куренков: «Министерство торговли РСФСР рассмотрело статью «Золотой ярлык». Действительно, при остром недостатке в торговле хлопчатобумажных тканей и изделий из них значительные количества этих тканей используются на промышленные нужды (изготовление различных ярлыков, подкладок кожгалантерейных изделий и т. д.). Министерство торговли РСФСР неоднократно ставило вопрос перед промышленными министерствами, Госпланом РСФСР об уменьшении использования тканей из натуральных волокон на внерыночное потребление, максимальной замене их тканями из химического сырья». Тов. Куренков сообщает, что промышленные министерства и ведомства обязаны сократить использование хлопчатобумажных тканей для указанных целей и замене их материалами из синтетических волокон. Высвободившееся сырье пойдет для производства ситца, бельевых и других тканей массового спроса. Значительно уменьшена поставка галантерейной промышленности дефицитных сатинов, которые направлены для производства одежды. На 1981 год по сравнению с 1980 годом планируется сокращение фонда промышленного потребления на 27 миллионов рублей. Государственный комитет СССР по стандартам внес изменения в существующие стандарты «Маркировка и упаковка».

ОТ РЕДАКЦИИ: Как видим, никто не возражает против исключения хлопчатобумажных тканей из никчемного и расточительного оборота. Торговые ведомства активно настаивают на том, чтобы дефицитная ткань шла по назначению. Госстандарт вводит для этого новые стандарты. Но что в этом плане делает Министерство легкой промышленности СССР? Мнение министерства редакции неизвестно, хотя мы и обращались в министерство с письмом, в котором просили рассмотреть публикацию и поднятые в ней вопросы. Ведь выпуск тех же кошельков и «косметичек» с хлопчатобумажными ярлыками продолжается. Продолжается, несмотря на то, что начальник Управления развития обувной, кожевенной и кожгалантерейной промышленности Минлегпрома СССР В. Мелихов сообщает, что в соответствии с протоколом совещания, на котором рассмотрен экономический репортаж «Золотой ярлык», подготовлен приказ, запрещающий использование на подведомственных Роспромкожгалантерее предприятиях хлопчатобумажных и шелковых тканей на маркировку кожгалантерейных изделий, Всесоюзному научно-исследовательскому институту кожгалантерейной промышленности поручено продолжить работы по изысканию новых материалов для маркировки этих изделий.

ЗАЧИНАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ

С. Семанов. Брусилов. М., «Молодая гвардия», ЖЗЛ, 1980. 318 с.

Книжная полка любителей военной истории обогатилась новым интересным исследованием. В серии ЖЗЛ вышла биография генерала А. А. Брусилова (1853—1926), одного из славной плеяды зачинателей Красной Армии, советской военной школы.

Автор книги, писатель, историк Сергей Семанов интересно пишет портрет своего героя — потомственного воина, прадед, дед и отец которого с честью служили Родине. Более полувека отдал русской армии генерал Брусилов.

В годы первой мировой войны полководческий талант Брусилова раскрылся с наибольшей яркостью. С его именем связана блестящая операция — знаменитый «Брусиловский прорыв».

...Казалось, армии прочно зарылись в землю. Оборона оказалась сильнее наступления, война зашла в «позиционный тупик». Но вот в марте 1916 года главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта назначается генерал Брусилов, одержимый суворовской верой в то, что русский солдат при любых условиях «может и должен наступать». Войска устремляются в атаку. И чудо свершилось! Уже в первые три дня на направлении главного удара фронт взломан на протяжении почти сотни километров и на 30 километров в глубину.

В суровых испытаниях революции и гражданской войны Брусилов проявил редкое мужество и мудрость. Он нашел в себе силы сделать правильный выбор. В книге С. Семанова убедительно показано, как мучительные раздумья о судьбах Родины привели генерала-патриота к признанию высшей исторической правды Советской власти.

Брусилову суждено было стать непосредственным участником строительства Красной Армии, достойной наследницы боевых традиций русской военной школы. В мае 1920 года раздался проникновенный «брусиловский призыв», напечатанный в «Правде»,— «Ко всем бывшим офицерам», призыв старого командующего ко всему русскому офицерству перестать сражаться против своего народа и идти на службу в Красную Армию.

На большом фактическом материале С. Семанов показал роль старых военных кадров в становлении Красной Армии, организации ее решающих побед. Среди лиц, занимавших высшие посты в РККА в годы гражданской войны, мы видим немало представителей генералитета старой армии и выпускников академии Генерального штаба. Автор приводит убедительные цифры: «только с сентября 1918 года по март 1919-го в Красную Армию было принято 34 600 бывших офицеров и военных чиновников, 21 тысяча медицинских и ветеринарных работников». Эти военные специалисты руководили боевыми действиями на фронтах и подготовкой войск. Это о них писал В. И. Ленин: «...у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы...»

Брусилов остался верен своему народу, своему воинскому долгу. Созданное им учение о прорыве вражеской обороны нашло применение и блестящее развитие в наступательных операциях нашей армии в Великой Отечественной войне. Доныне в Советской Армии живет и приумножается добрая слава брусиловской школы, чтится память великого полководца, изучается его наследие и боевой опыт.

Несомненной удачей является подбор иллюстративного материала книги: портреты Брусилова и его соратников, многочисленные фотографии, показывающие боевые будни героической русской армии в годы первой мировой войны, сослуживцев Брусилова по Красной Армии. Многие фотографии публикуются впервые.

Книгу предваряют слова заместителя министра обороны СССР, Маршала Советского Союза К. С. Москаленко. «Ярко и живо написанная книга С. Семанова «Брусилов», — подчеркивается в предисловии, — примечательный шаг в изучении славного ратного прошлого Родины, хорошее пособие для патриотического воспитания советской молодежи».

Н. ЛИСОВОЙ,
кандидат философских наук

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИЗМ!

А. СОФРОНОВ,
делегат XXVI съезда КПСС

Бурно идет время. Весна все шире расходится по землям нашей страны, на которых идет грандиозное строительство. Кто был на XXVI съезде КПСС, кто видел тысячи счастливых, молодых, энергичных лиц, пожимал руки делегатам из многих, многих краев и областей нашей Родины, у того этот съезд навсегда останется в памяти как съезд крупного продвижения вперед на ниве строительства коммунизма, на ниве объединения всех новых и новых сил нашей планеты в борьбе за новую жизнь, за все то, к чему еще многие десятилетия назад позвал великий Ленин, а Октябрь 1917 года закрепил это не просто как мечту, а как реально выверенную, реально обоснованную программу будущей, совершенно новой истории человечества.

О нет, не просто дались эти первые страницы новой истории человечества! Борьба за них, борьба за новую жизнь дорого стоила нашему народу да и народам других стран, которые подхватили ленинскую правду.

Последние годы, особенно после XXV съезда партии, наша страна широким фронтом шла к новым высотам в коммунистическом строительстве, во всем том, что ежедневно, ежечасно рождает в ближних и дальних городах и весях нашей Родины большие, весомые успехи.

И вот наступил торжественный час открытия XXVI съезда партии. Большой зал Кремлевского Дворца съездов, заполненный делегатами, восторженно встретил Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева и его соратников, тех, кто все эти годы делал все, чтобы страна наша была могучей, сильной и неуязвимой для врагов, которые время от времени выискивают новые и новые «способы» обвинить наш народ, нашу страну и ее друзей во всех смертных грехах, в «советской угрозе» всему миру и т. д. и т. п.

И очень показательно, что почти в самом начале Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев сказал:

«В международном плане отчетный период был временем сложным и бурным. Оно было отмечено прежде всего интенсивной борьбой двух направлений в мировой политике. С одной стороны, — курс на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой стороны, — курс на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, политика угроз и вмешательства в чужие дела, подавления освободительной борьбы.

Это были годы дальнейшего роста мощи, активности и авторитета Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Новыми победами ознаменовалась революционная борьба народов. Свидетельства тому — революции в Эфиопии, Афганистане, Никарагуа, свержение антинародного, монархического режима в Иране. В 70-е годы фактически завершилась ликвидация колониальных империй.

Сузилась сфера империалистического господства в мире, обострились внутренние противоречия в странах капитала и соперничество между ними. Резко возросла агрессивность политики империализма — и прежде всего американского.

В условиях, когда к началу 80-х годов на международном горизонте сгустились тучи, Советский Союз настойчиво продолжал борьбу за устранение военной угрозы, за сохранение и углубление разрядки, на практике развивал взаимовыгодное сотрудничество с большинством стран мира.

Совместно с другими миролюбивыми государствами, с реалистически мыслящими кругами на Западе мы продолжали в отчетный период борьбу против гонки вооружений».

Да, действительно, за это время много сделано в укреплении дружбы между социалистическими странами. Где бы вы ни побывали за эти годы в странах социалистического содружества, вы всегда чувствуете живой интерес наших друзей, тесное товарищество с людьми, которые тянутся к вам, интересуются всем, что делается в нашей стране, и, в свою очередь, раскрывают навстречу свои сердца.

Совсем недавно мне пришлось побывать в Монгольской Народной Республике и почувствовать удивительно братские отношения монгольских и советских рабочих и инженеров в городе Эрдэнэте на крупном заводе, где они работают рядом, что называется, локоть к локтю, где на добыче руды за рулями советских «КамАЗов» сидят наши шоферы, а у электропечей рядом стоят монгольские и советские рабочие; где все это удивительно слитно и настолько естественно, что даже трудно себе представить, что могло бы быть иначе.

В докладе Леонид Ильич сказал: «Отношения между государствами исстари назывались международными. Но лишь в наше время в мире социализма они действительно стали отношениями между народами». Эти мудрые слова отражают то действительное положение, в котором мы все сейчас находимся, радуясь каждой новой встрече с космонавтами из социалистических стран. Так, совсем недавно вместе с нашим космонавтом Владимиром Джанибековым в звездную высь поднялся первый монгольский гражданин. Это был Жугдэрдэмидийн Гуррагча.

Наверно, нет большего счастья и горделивой радости, когда в тесном содружестве ведутся такие значимые, длительные работы, как «Интеркосмос», как строительство газопровода «Союз» протяженностью почти в три тысячи километров, как создание энергосистемы «Мир» и многие, многие другие.

Когда вдумываешься в смысл всех этих свершений, то понимаешь, какой действительно новой дорогой идут Советский Союз и его друзья из братских стран, как много делается для того, чтобы все больше людей в мире почувствовали и увидели все преимущества этих новых отношений, развивающихся на прочном социалистическом фундаменте.

Сейчас в жизни всего мира все большее значение имеют освободившиеся от колониального владычества африканские страны. Нам еще помнится время, когда на наши конференции Организации солидарности народов стран Азии и Африки и писательские конференции не могли попасть представители стран, где в ту пору владычествовали английские, французские, португальские колонизаторы. Я, например, помню одну из конференций, проходившую в Каире, во времена Гамаль Абдель Насера, на которой один из алжирских делегатов выступал с закрытым лицом. Франция в это время вела ожесточенную борьбу против алжирских патриотов, и жизнь этого безымянного алжирского оратора могла оказаться в опасности, если бы кто-нибудь из находившихся в зале противников его узнал.

Это было давно. Теперь это вспоминается как совсем далекое время. Но это было. Теперь Алжир свободен. Но Франция другими путями пытается влиять на судьбу если уж не арабских стран, то стран, расположенных в Центральной Африке.

Огромную помощь оказывает Советский Союз Анголе, Эфиопии, Мозамбику, Афганистану, Народной Демократической Республике Йемен. Совсем недавно был заключен договор о дружбе и сотрудничестве с Сирией. Бывая в этих странах, мы то и дело встречаем в институтах, больницах, на строительных площадках, на заводах наших специалистов, которые все делают для того, чтобы помочь возрождению этих некогда порабощенных колонизаторами и империалистами стран. Буквально на наших глазах проходила эпопея народной революции в Афганистане. Некогда, более тридцати лет тому назад, мне пришлось дважды пересечь эту страну, направляясь в Пакистан. В памяти до сих пор сохранилась темная, нищая страна, десятки тысяч голодных, истощенных жителей. Нет, на этот раз американских империалистов и пекинских гегемонистов лишили возможности наложить свою лапу на горло афганской революции. Наши войска по просьбе Афганистана помогли и продолжают помогать братскому афганскому народу в его борьбе за возрождение страны.

«Что касается советского воинского контингента, то мы будем готовы его вывести по согласованию с афганским правительством. Для этого должна быть полностью прекращена засылка в Афганистан контрреволюционных банд. Это должно быть закреплено договоренностями между Афганистаном и его соседями. Нужны надежные гарантии, что новой интервенции не будет. Такова принципиальная позиция Советского Союза, и мы будем придерживаться ее твердо!» — сказал товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС.

Особую роль в наше время играет ближневосточная проблема. Политика Кэмп-Дэвида пыталась расколоть арабский мир. Для этого предатель Садат пошел на позорный сговор с Израилем и США. Положение на Ближнем Востоке чрезвычайно сложное. И американцы и египтяне пытаются торговать свободой Палестины. Предпринимаются попытки различных сговоров, вовлечения в этот вопрос европейских государств. Но враги арабских народов, враги народа Палестины никогда не победят! Советские люди были, есть и будут за возрождение самостоятельного государства Палестины. И не случайно так горячо были встречены слова Леонида Ильича Брежнева: «Ни у кого не должно быть сомнений, товарищи: КПСС и впредь будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения».

Огромное впечатление на делегатов съезда да и на все мировое и общественное мнение произвели выступления гостей съезда, представителей коммунистических и рабочих партий мира. Это был самый представительный коммунистический форум за всю историю революционного движения. За каждым делегатом стояла не просто партия, которую он представлял, но стояли страна и народ. И когда Фидель Кастро сказал: «Второй съезд нашей партии с гордостью отметил перед всем миром, что отношения между Советским Союзом и Кубой являются примером братской дружбы, основанной на уважении. Мы — друзья и всегда будем верными друзьями щедрого и героического народа, оказавшего нам такую огромную помощь. Никогда в наши сердца не закрадутся неблагодарность, оппортунизм или предательство!» — то горячие, долго не смолкающие аплодисменты были сердечным, искренним отзывом на эти слова.

Делегаты съезда были покорены мужеством Генерального секре-

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 3 марта 1981 года. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев выступает с речью при закрытии XXVI съезда КПСС. * Представители советской молодежи и пионеров приветствуют делегатов партийного форума.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
В зале заседаний XXVI съезда КПСС.

XXVI
съезд
КПСС

XXVI
СЪЕЗД
КПСС

СЛАВА КПСС

тария Компартии Соединенных Штатов Америки Гэса Холла, который открыто, жестко вскрыл всю гнилую, антинародную политику империализма Соединенных Штатов Америки. Он стоял спокойно на трибуне и говорил так, как будто там, по другую сторону океана, он был закрыт, защищен от преследования. Это и есть настоящее мужество коммунистов.

Такое же яркое выступление главы Компартии Вьетнама товарища Ле Зуана покорило своей прямотой в разоблачении китайского гегемонизма, его агрессивной сущности, провокационной деятельности современного китайского руководства и единства в действиях между американским империализмом и китайским гегемонизмом... И еще и еще, поднимаясь на высокую трибуну съезда, ораторы открывали делегатам многие стороны деятельности коммунистических партий в различных частях света.

И бурными аплодисментами были встречены слова Л. И. Брежнева: «Честь и слава коммунистам — мужественным борцам за народное дело!»

Мне не один раз приходилось за последние годы бывать в таких странах, как Ангола, Эфиопия, Мозамбик, НДРЙ. Я видел героических бойцов за свободу этих стран, говорил с людьми, у которых за плечами были автоматы, говорил с крестьянами Мозамбика, с ангольской молодежью, то есть со всеми теми, кому приходится вести борьбу не на жизнь, а на смерть против банд, засылаемых из Южной Африки или других сопредельных стран, находящихся под влиянием американского империализма. Нет, все не так просто. Уже никогда не вернется то время, когда в этих странах люди, чуждые интересам коренного населения, могли свободно вершить судьбы миллионов.

Чего только не придумывает западная пресса, измышляя фальшивые мифы о «советской угрозе»!

Но позиция Советского Союза хорошо известна всем людям доброй воли. Это позиция переговоров, это борьба за мир и международную разрядку, но не на словах, а на деле. Это действительно реальная защита интересов всех народов мира. Это и насущная необходимость для народа Соединенных Штатов Америки, который, к сожалению, пытаются вовлечь в чреватую огромной опасностью политику.

Леонид Ильич Брежнев говорил: «Хотелось бы все же надеяться, что те, кто определяет политику Америки сегодня, сумеют в конечном счете взглянуть на вещи более реально. Сложившееся военно-стратегическое равновесие между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО объективно служит сохранению мира на нашей планете. Мы не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой страной. Это не наша политика. Но мы и не позволим создать такое превосходство над нами. Подобные попытки, а также разговоры с нами с позиции силы абсолютно бесперспективны!»

Мы всей своей волей и всем проверенным десятками лет мужеством наших людей действительно подтверждаем, что всякие попытки разговора с нами при помощи оружия абсолютно бесперспективны. Это особое чувство, которое по-особому горячо было проявлено залом во время доклада Л. И. Брежнева, каждым делегатом со своей позиции, не только военными, но и ткачихой из Иванова, доменщиком из Магнитогорска, кузнецом из Харькова, хлеборобами с Дона и Кубани,— любой делегат понимал, что стоит за словами руководителя нашей партии. И в этом была особая благодарность Центральному Комитету КПСС за все усилия, которые были приложены в эти годы для того, чтобы люди трудились спокойно, зная, что они и их дети не испытают ужасов атомной войны, что ни водородная, ни нейтронная бомбы не взорвутся над их головами. Для нас есть одна дорога — дорога переговоров; другой дороги не может быть ни для одной из капиталистических стран, нет другой дороги и для Соединенных Штатов Америки. В этой статье не место для лирических воспоминаний. Но просто я помню встречи в американских семьях, которые так же, как и мы, не желали войны, а желали мира и только мира. Может быть, как-то совсем неожиданно вспоминаются слова, которые сказал мне прекрасный писатель Лион Фейхтвангер, сказал на берегу Тихого океана, под Лос-Анджелесом, отвечая на мой вопрос: когда вы снова к нам приедете?

— Я бы, конечно, с огромным удовольствием снова бы посетил Москву, вашу страну, но мне осталось мало жить. И осталось много сделать. И я хочу это сделать — для тех читателей, которые будут жить долгие десятилетия. Я надеюсь, что жизнь будет продолжаться.

Сейчас, вспоминая каждый день, каждый час работы XXVI съезда, яркие выступления делегатов — партийных работников, рабочих, инженеров, академиков, деятелей искусства, невольно думаешь о том, какие большие задачи стоят перед каждым из нас. И в докладе Л. И. Брежнева и в докладе Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова были раскрыты серьезнейшие моменты многообразной, сложной трудовой деятельности коллективов наших заводов, фабрик, институтов, нашего сельского хозяйства — всего того, из чего составляется экономика нашей страны. Важнейшей задачей является решение продовольственной проблемы, и это относится буквально ко всем областям нашей экономики. Жестче, требовательней следует относиться к тем работникам, которые привыкли трудиться с прохладцей, формально относясь к своим обязанностям. Советский строй гуманный, но где-то и гуманность должна иметь пределы. Надо строжайше наказывать всякого, кто пытается нажиться за счет тех, кто действительно отдает свой труд, свою энергию нашему общему делу строительства нового общества. У нас много достижений. Они видны всюду, во всех городах, в сельском хозяйстве, в культуре. Но, конечно, и здесь при всех успехах литературы и искусства, думается, должно быть более требовательное отношение к тому, что, в частности, появляется на сценах наших, в том числе и столичных театров. Главными действующими лицами должны быть те, кто создает наши ценности, кто укрепляет наше общество, а не мелкие хлюпики, мещане, мечтающие лишь о собственном благополучии.

Радостно побывать на новостройках, увидеть город Набережные Челны, его прекраснейший завод КамАЗ да и машины КамАЗа, бегущие по дорогам нашей страны и за ее пределами; приехать на берег тихого Дона, туда, где были когда-то тишина и только шелест виноградных листьев, а теперь поднимается завод-гигант «Атоммаш», или направиться в Сибирь, через тайгу, где все более насыщается огромная артерия советской жизни — БАМ,— всюду мы увидим, как поднимается наша страна, и почувствуем, как велики заслуги нашего Центрального Комитета партии, во главе которого стоит верный продолжатель дела Ленина Леонид Ильич Брежнев.

Свой доклад на съезде Леонид Ильич Брежнев закончил словами: «Да здравствует мир! Да здравствует коммунизм!» Это две основные магистрали, по которым идет наш народ и с которых никогда не свернет. И это было особенно горячо высказано на XXVI съезде Коммунистической партии Советского Союза, давшем новый мощный импульс делу строительства коммунизма.

ПРИЧАСТЕН К ТВОЕЙ СУДЬБЕ

Павел БОГДАНОВ

МОСКВА — ХАБАРОВСК

Так велика и так могуча
Отчизна наша!
Ширь и даль,
Что и космическая круча
Поможет охватить едва ль
Ее
Единым взглядом
Сразу —
Брест и Байкал, Курил кайму.
Но то, что недоступно глазу,
Доступно сердцу и уму.
С Московского аэродрома
На «ИЛе» в небо взмыв, звеня,
Лечу не от родного дома:
Мой дом — страна вокруг меня.

Турбинам вторят сердца стуки,
Захватывает дух в груди,
И нет и не было разлуки,
А только встреча впереди.

Лечу на встречу! Миновало
Всего лишь семь часов пути:
Не край земли — ее начало
Уже предстало впереди.

Когда садился «ИЛ», снижаясь,
В тот миг шептал я невзначай:
Нет, я не просто приземляюсь —
Душой и сердцем прикасаюсь
К тебе,
Дальневосточный край.

X X X

Когда стихи пишу я о войне,
Три крестика, что над
стихотвореньем,
Ежи напоминают мне
Противотанкового загражденья.

Я помню подмосковные ежи,
Что стали для врага
Неодолимы!
Оборонительные рубежи,
С которых в наступленье
перешли мы.

О летопись железная войны!
Ежи, ежи!
Теперь на пьедестале
Под Химками они возведены.
Уже навеки памятником стали.

Но если вновь пишу я о войне —
Поэт из фронтового поколенья,—
Собой ежи напоминают мне
Три крестика,
Что над
Стихотвореньем...

У КАРТЫ РОДИНЫ

Стал хуже видеть...
Карту я когда-то
Во всех ее подробностях читал.
А нынче
Что крупней — доступно взгляду:
Москва, Баку, да Волга, да Урал.

Но не прочесть названия селенья,
В котором я
Когда-то
Родился,
И той речушки местного значенья
Уж без очков увидеть мне нельзя.

И, может, скоро
День такой
Настанет —
Деталей не смогу я различать,
И Родину лишь в общих
очертаньях
Морей и суши
Буду узнавать.

Смогу лишь видеть то, что небо
сине,
Распознавать лишь сумрак и
зарю...
Но и за то, о Родина-Россия,
Заранее тебя благодарю.

Благодарю за то, что был
причастен
К твоей судьбе. А с истеченьем
лет
Благодарю заранее за счастье
Лежать не где-то,
А в родной земле...

Делегация Ставропольского края. * Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А. Г. Николаев среди делегатов съезда. * Дружеская беседа делегатов Таджикистана и Москвы: бригадиры-хлопкоробы Х. Абророва, Х. Назарова и Герой Социалистического Труда, мастер 1-го Московского завода радиодеталей К. И. Рольнова. * Делегаты Якутской АССР. * Герои Социалистического Труда: бригадир виноградарей из Дагестана С. С. Багамаев, бригадир проходчиков из Донбасса В. П. Соколов и слесарь из Челябинской области В. М. Густоев. * Делегаты знакомятся с выставкой подарков XXVI съезду КПСС.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Говорят делегаты XXVI съезда КПСС

ВНИМАН

«Что мешает подряду!», «Подряд и его стимулы»— так назывались беседы Героя Социалистического Труда, заслуженного строителя РСФСР В. П. Серикова со строителями БАМа, КамАЗа и «Атоммаша», состоявшиеся в редакции «Огонька» (см. №№ 4—5, 1981 год).

А как обстоит дело с бригадным подрядом на промышленном строительстве у вас! Что нужно для успешного внедрения хозрасчета!

С такими вопросами специальный корреспондент «Огонька» Галина КУЛИКОВСКАЯ обратилась к группе делегатов XXVI съезда КПСС.

БЕЛОРУССКИЙ ВАРИАНТ

Л. ТОЗИК,
бригадир объединения «Минскпромстрой», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета БССР

— Мы обсуждали в своей бригаде беседы секретаря ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов Серикова, опубликованные в «Огоньке». Все, что он говорит, правильно. Жилищное строительство проще промышленного, там проекты серийные, ДСК и заводы поставляют стандартные блоки, панели и детали, технология монтажа выверена и отработана. А у нас объекты такие, что каждый раз новое и — поиск. Да и не все стороны, начиная от заказчика, в подряде заинтересованы, и Сериков говорит об этом по-рабочему честно. И у нас была ситуация, как в Мурманске с мельницей, про которую телефильм демонстрировался: птичник мы построили досрочно, но заказчик не хотел принимать, это было ему невыгодно, потому что тут же спустили бы план на поставку птицы.

Что же касается управленческого аппарата — работников производственно-технических отделов, снабженцев и плановиков, то материальные стимулы подряда почти не затрагивают их, и штабы стройки оказываются в обозе, а не на правом фланге. Прав наш министр А. М. Токарев, когда в своем выступлении в «Строительной газете» предлагает ввести встречные санкции бригад к администрации за невыполнение условий договора и недоброкачественную подготовку документации для бригад на стадии проектирования.

В январе переехали на новый объект. Строим под ключ лабораторный корпус в Минске. А что дальше? Через полгода, через год? Мы, как и Глушенко в Старом Осколе, не имеем четких перспектив. Наше объединение тоже топчется на месте, хотя у нас в республике осуществляется так называемый белорусский эксперимент. В чем его сущность?

Все наше республиканское министерство перешло как бы на хозрасчет. Банк предоставляет строительным организациям кредит на время, определенное сроками сдачи объекта. Если строители укладываются в этот срок или сокращают его,— мы в выигрыше. В случае же просрочки возрастают убыточные для нас проценты за кредит. Такая система здорово подкосила незавершенку, нацеливает на конечный производственный результат, а не на вал. Но если нет перспективы, то никакая система не поможет — ведь деньги даются на объекты!

О величине бригады. Тут я бы, пожалуй, поспорил с Сериковым. Не обязательно, чтоб она была большой. Когда мы строили льнозавод в Дзержинске, у нас была очень крупная бригада. Теперь пошли объекты поменьше, упор на реконструкцию предприятий. Я пришел к выводу, что лучше всего, когда в бригаде на таких объектах не больше тридцати человек.

НЕТ СОГЛАСОВАННОСТИ

Н. ВЕЛИКОТЬКО,
бригадир отделочников комбината «Винницкпромстрой»

— Я из Винницы. Может быть, слышали про наш метод ведения строительных работ? Суть его не только в том, что все до одной бригады работают на подряде. У нас создана единая система планирования и комплектации на укрупненную бригаду. Все строительно-монтажные управления, за исключением специализированных, таких, например, как наше по отделочным работам, были ликвидированы.

Сейчас строим универсам. Это будет очень большой магазин, как будто бы второй по величине на Украине. Нам поручили полностью отделать его. График разработан подекадно. Тут все предусмотрено: сегодня нам доставят, например, алебастр, завтра — краску. Все по так называемому план-комплекту. Но если у вас создастся впечатление, что у нас никаких сложностей, то не торопитесь с выводами. Во-первых, почти всегда опаздывает документация. Да-да, и к нам тоже, не только к монтажно-строительным подразделениям. Вначале, когда только внедряли новую систему, инженерно-технические работники старались, а потом, видимо, поостыли. Во-вторых, нет согласованности между субподрядчиками.

Вот вам картина. Только что закончили отделку помещения, и вдруг появились сантехники. Должны-то были быть до нас. Бьют, крошат ломами стену. У девчат сердце разрывается: «Что же вы делаете?» А они в ответ: «Подумаешь, делов-то — замажете...» Генподрядчик, конечно, штрафует за такие дела, но нам от этого не легче. Из-за одной дыры приходится перекрашивать всю стену, а то и комнату. А подобрать точно такой оттенок трудно. Сериков ничего не сказал, как у него складывались отношения с отделочниками и другими субподрядчиками. А это очень важно. Он рассматривает роль бригадира с позиции генподрядчика, в общем-то задающего ритм на стройке. А у нас положение соподчиненное.

Конечно, я считаю, что на любом участке бригадир должен иметь крепкий рабочий характер, организаторские способности, пользоваться уважением, авторитетом у товарищей. Все размышления Владислава Пахомовича Серикова о роли бригадира и демократии в бригаде очень важны. Тут уже действуют законы психологии. Интересно! Вокруг коэффициента трудового участия — КТУ—и того, как его применяли в Мурманске, у нас споры разгорелись. Мы слишком либеральны и не применяем у себя КТУ, а кое-кто этим злоупотребляет. Одна говорит: «Я отвожу в детсад ребенка. Если опоздаю, то меня лишат премии? Я против введения КТУ». Другая не останется и на полчаса, хотя работа требует этого. Третья стремится выбрать себе облегченные условия... Нет, я все же вместе с советом бригады добьюсь, чтоб ввели у нас КТУ.

Какие еще беды? Точно так же, как монтажнику трудно раздобыть хороший мастерок, у нас проблема кисти — ее хватает ровно на три дня, и шпатели тоже очень плохие.

ЖДЕМ ОТВЕТА

Д. ПЛОТНИКОВ,
бригадир треста «Кемеровохимстрой», Герой Социалистического Труда

— Нашей бригаде скоро двадцать пять лет, и мы жалеем, что только последние пять лет работаем на подряде. Не все у нас шло гладко, иногда менялась документация, на переделках теряли время, подводило и снабжение, и тем не менее твердая вера в подряд не слабела.

Немало потрудились мы на большую химию, строили биологические очистные сооружения, водооборотные циклы, корпуса объединения «Азот». В прошлом году даже спортивные сооружения — лыжную трассу от турбазы «Юность» и сложнейший, по строгим международным стандартам, железобетонный объект для спорта смелых—санную трассу. И пришли к выводу: бригадный подряд — единственно правильный путь, по которому должно идти промышленное строительство.

Нас в бригаде тридцать, но, на мой взгляд, стоят они иных шестидесяти: почти все универсалы. Сплоченный коллектив! У нас, в Сибири, где острый недостаток рабочей силы, таким людям, как говорят, цены нет. Обжились. У нас хорошие бытовки, не вагончики, а домики на санях. Красный уголок с библиотекой, в ней две тысячи книг, телевизор, аккордеон, баян. А вот трактора, как у Глушенко, о котором рассказывал Владислав Сериков, нет. Молодец оскольский бригадир, восхищаюсь его напористостью. Нам надо быть предприимчивыми! И своего дядю Федю, своего Соляника пора нам завести. В этом году он был бы просто необходим. Впервые за все время перешли на сквозной подряд, подписали договор на миллион триста шестьдесят тысяч рублей. Связаны с двенадцатью субподрядчиками. Вот где выручил бы и своевременный инженерный совет да и помощь в работе со сметами и документацией — одних чертежей кипа. Бригадиру трудно. Так что дяди Феди нам очень нужны!

Разделяю мнение и по поводу показушных бригад. Все должны быть в равных условиях. Считаю, что необходимо продолжить обсуждение волнующих нас вопросов на страницах журнала. Мы, строители, ждем ответа на них от министерств и ведомств.

Я —ЗА СПЕЦИАЛИЗАЦИЮ

Е. БАТЕНЧУК,
начальник производственного ордена В. И. Ленина объединения «Камгэсэнергострой»

— Сдавать объект под ключ — это, конечно, очень хорошо. Но при современных масштабах строительства, особенно такого, каким является сооружение уникального комплекса автомобильных заводов на Каме, даже сверхгениальному бригадиру, работающему на одном из корпусов, эта задача была бы не под силу. У нас подряд развит неплохо — подрядными бригадами выполнено строительно-монтажных работ на семьдесят миллионов рублей. Но у нас произошла специализация подряда.

Каждое производство КамАЗа имеет свою особенность. Вот тут-то и проявилась мудрость начальников СМУ и руководства трестов: суметь наилучшим образом приспособить бригады к подрядной деятельности на определенных технологических циклах, или, как мы говорим, захватках. Скажем, у нас есть бригадир комплексного коллектива Альчиков. «Огонек» писал о нем, он получал приз журнала. Его забота — полы, фундаменты, монтаж внутренних технологических конструкций, железобетонные тоннели, мелкие монтажные работы. А сборка кровли, каркаса и необходимые для этого мостовые краны — все это функции Минмонтажспецстроя. С ними Альчиков

ИЕ: ПОДРЯД!

ничего общего не имеет. Но зато с механизаторами земляных работ работает в тесном контакте и заключил договор.

У них подряд непрерывный: в связи с тем, что захватки у них короткие (в одном случае неделя, в другом месяц-два), им подготавливается набор работ на полгода и договор заключается на все это время. У Наурбиева, нашего знаменитого бригадира, договоры даже на год и полтора. Это и позволило ему, одному из инициаторов внедрения непрерывного бригадного подряда, умело маневрируя техникой и передовыми способами разработки грунтов, за десятую пятилетку выполнить два пятилетних плана. Я считаю, что и дальше подряд должен развиваться по принципу специализации.

А если Альчиков досрочно выполнит свои работы, тогда как? Перейдет туда, где ему подготовила фронт работ другая подрядная бригада — выкопала тоннели, затрамбовала грунт, опустила откосы. Приходит Альчиков и начинает монтировать полы. Мы считаем, что подряд должен затрагивать интересы не одной бригады, а всей стройки. Могут ли все бригады СМУ быть на подряде? Нет! Не может этого быть! Видите ли, подрядные бригады у нас как бы в более привилегированном положении, на них больше «работает» руководство СМУ и треста. Остальные доделывают или подготавливают и идут по аккорду. С позиции Серикова так не должно быть, а с позиции начальника это необходимо.

Тарифы. Тут Сериков прав. НТР коренным образом вмешалась в строительство. Изменилась степень механизации, появились новые материалы, с которыми легче работать, родилась специализация. Мы давно, после 1969 года перешагнули уровень роста производительности труда. Надо пересмотреть нормы выработки, тарифные ставки.

ШАГИ ТЕМИРТАУ

Б. РАХИМОВ, секретарь парткома треста «Казметаллургстрой»

— Владислав Пахомович Сериков был в Темиртау два раза, и снова ждем его с нетерпением. Был у нас не один, приезжал вместе с инженером, заместителем директора центра НОТ в Мурманске И. Ф. Шупа-Дуброва. Должен прямо сказать, что оба они оказали нам огромную помощь в организации подрядных бригад. С тем большим вниманием прочел в «Огоньке» его беседы, в которых, в частности, рассказывается и о нашей стройке. Правильно, по-партийному ставит он вопрос о роли бригадира, о демократии в бригаде. Принципиально важны моменты, на которых он заострил внимание: премиальная система и инженерно-технические работники, планирование, нерентабельность и недееспособность мелких бригад на подхвате. Они погоды не делают, а обходятся дорого и вносят неразбериху. Так было до совсем недавнего времени и у нас, на строительстве цеха белой жести Карагандинского металлургического комбината.

Что изменилось в главном корпусе за последние два-три месяца? Цех по осям разбили на отдельные узлы. На самом сложном участке — пролете шестиклетьевого стана и машинного зала № 1 еще в присутствии Серикова, и при его участии были организованы три первые крупные хозрасчетные комплексные бригады. Неделей позже — еще три. Возглавили их опытные, сильные люди: Божинский, Брем, Грубань, Федоришин, Шпенст и Щербик. В каждой от 50 до 90 человек. Таких бригад у нас никогда не было. Каждая бригада — хозяин на своем узле. Никто за нее не будет ничего ни доделывать, ни переделывать, если что нужно будет подправить — это их забота, — бригад на подхвате тут больше нет.

Руководство трестов и управлений, в которые входят эти коллективы, приняли все меры к тому, чтобы обеспечить их материалами, инструментом и техникой, но, конечно, не в ущерб другим. По примеру первых шести бригад создано еще несколько укрупненных подрядных коллективов. Мы верим в них!

МОЕ ГЛАВНОЕ ДЕЛО

В. ГУЦАЛО, бригадир треста «Мурманскпромстрой»

— О Владиславе Серикове и его статье говорить мне трудно. Потому что это все равно, что говорить о себе и своей работе. Его лично знаю давно, как только он приехал в Мурманск. Но слыхал о нем еще раньше, читал брошюру Шупа-Дуброва «Бригадно-подрядный метод в строительстве». Вышла она еще в 1963 году. Думается, что это были первые мысли о бригадном подряде, итог поисков на строительстве Ждановского горно-обогатительного комбината в Заполярье, ударной комсомольской стройки. ГОК строила бригада Серикова. Поразил он тогда меня смелостью, широтой взглядов, крепкой рабочей хваткой и принципиальностью. И когда он стал в Мурманске укрупнять свою бригаду, без раздумий, хоть и сам был к тому времени уже бригадиром, пошел к нему в звеньевые.

Четыре года трудились мы вместе на подряде, а пролетели эти годы как один. Потом он «подтолкнул» меня в бригадиры. «Пора, мол, двигай самостоятельно». Я считаю себя учеником Серикова, подряд стал главным моим делом.

Не скрою, в наши дни быть бригадиром нелегко, иногда просто тяжело. Бригадир еще не инженер, но уже и не рабочий. Ему надо очень многое постичь: знать экономику, разбираться в расценках и чертежах. Он все время между двух огней: с одной стороны — начальство, с другой — рабочий коллектив, до которого надо довести задачу и поднять людей на ее выполнение. И это порой в обстановке ревнивой недоверчивости некоторых других бригадиров, не желающих перестроиться, мыслящих старыми категориями. При этом колоссальная ответственность—ведь подписываешь договор на миллионные суммы! Если «горишь», то горишь капитально. Когда подряд кончается и идет сдача объекта, даже спать по ночам перестаешь, столько волнений.

Однако жить иначе не хочу!

Как обстоят у нас дела сейчас? Мою бригаду, все семьдесят человек, направили на птицефабрику «Снежную». В десятой пятилетке наша бригада непрерывно, как и при Серикове, работала на поточном подряде, то есть взаимоувязанно с электромонтажниками, сантехниками и другими смежниками, тоже подписавшими договор на подряд. И вот первую очередь птицефабрики на полмиллиона бройлеров мы сдали под ключ досрочно. Под Новый год, тридцать первого декабря, вылупились на нашей фабрике первые цыплята. За год освоили свыше миллиона рублей. Выработка на одного рабочего 18 913 рублей, что на 70,6 процента выше плановой. На кирпичной кладке, монтаже сборного железобетона и бетонных работах выработка бригады в полтора-два раза выше нормы. Вышли победителями в соревновании десяти лучших хозрасчетных коллективов страны на промышленном строительстве.

Одиннадцатую пятилетку тоже начали неплохо. План двух месяцев в честь XXVI съезда КПСС завершили 20 февраля. Перспектива ясна на всю пятилетку: предстоит построить цех убоя, комбикормов, вспомогательные корпуса.

РЕШАТЬ ВМЕСТЕ

Л. ДЯДИЧКО, управляющий трестом «Джамбулхимстрой»

— Бригадиров, способных талантливо руководить крупными коллективами, не так уж много. Не у всех есть к тому и данные. Бригадир в то же время и мастер. Об этом надо прямо говорить, называя вещи своими именами. Не случайно в бригадиры идут инженеры, особенно молодые.

В промышленности очень трудно добиться сдачи объекта под ключ, это часто зависит от характера объекта. Порой руководители, не вникая в сущность подряда, весьма вольно, по-своему истолковывают его или вообще не имеют желания заниматься им. Об этом правильно говорил московский бригадир Суровцев, выступая на XXVI съезде КПСС. Ведь подряд, откровенно говоря, не очень-то удобен руководителю: надо перестроиться, отойти от старых позиций и мерок, заставить аппарат работать на бригаду-участок, считаться с ней как с солидным партнером, защищать его интересы. Ведь это же очень здорово, когда рабочий коллектив вовлекается в управление производством! Я лично знаю: объект будет сдан, если за него возьмется крепкая бригада.

В 1971-м нужда заставила меня полететь в Мурманск, посмотреть на работу бригады Серикова. У нас произошло землетрясение. Строить надо было быстро. В ту пору самый важный объект мы отдали на подряд бригаде Григория Васильевича Шовканя. С тех пор и пошло. Выросли у нас такие замечательные бригадиры, как Герой Социалистического Труда Петр Терентьевич Гончаров, Анатолий Кайзер, о котором говорил Сериков, Афанасиади... Они наши лидеры бригадного подряда. Сейчас у нас треть бригад на хозрасчете. Моя мечта, чтобы в нашем тресте стало их в два раза больше.

Вы спрашиваете, что тому мешает. Недостаточное и нечеткое материально-техническое обеспечение. Ведь неудобно же перед бригадирами, чувствуешь себя болтуном, когда тот же Кайзер пойдет на площадке и спросит: «Где же арматура? Нет до сих пор балок...» Их действительно нет, где-то они осели...

Есть ли выход? Есть! Я вижу его в сквозном подряде, начиная от заказчика и снабженца, по всей цепочке, и в реальном планировании. За несвоевременную поставку материалов и оборудования, обусловленных пунктами договора, надо наказывать виновных штрафами в пользу бригады. И только так! Далее. Структура строительного механизма нуждается в основательной реконструкции. Хорошо бы «Огонек» за своим «круглым столом» собрал полномочных представителей всех организаций, имеющих отношение к этим проблемам. Пора открыть подряду зеленую улицу!

ОТ РЕДАКЦИИ: Бригадный подряд со строительных площадок шагнул на транспорт и на поля земледельцев, в цеха заводов и фабрик. О хозрасчете не один раз говорится в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Но еще много встречается препятствий на его пути: зачастую отсутствует перспективное планирование, низок уровень инженерной подготовки и производственно-технической комплектации, тормозом стала устаревшая тарифная система, не отработаны принципы единой схемы стимулирования сквозного подряда от заказчика до его исполнителей — бригад. Публикуя высказывания делегатов XXVI съезда КПСС о судьбах хозрасчета на промышленном строительстве, редакция журнала «Огонек» приглашает читателей принять участие в обсуждении поставленных вопросов.

ПРЕМЬЕРЫ,

Н. ЛЕЙКИН

Флагманом новых спектаклей, подготовленных московскими театрами к XXVI партийному съезду, естественно, стала «Целина» в Малом театре — сценическая композиция по книге Леонида Ильича Брежнева. Старейший русский театр вдохновенно, впечатляюще воссоздал средствами театрального искусства важнейшие события, исторический этап в жизни страны. Зрители этого спектакля, о котором «Огонек» уже рассказал, вновь и вновь с волнением внимают мудрой летописи патриотического энтузиазма, трудовых побед советского народа, одержанных под руководством родной Коммунистической партии.

Достойно, мощно, ярко прозвучала в эти дни на театральных подмостках и тема историко-революционная. Обратившись к советской драматургической классике, Центральный театр Советской Армии и Театр имени А. С. Пушкина в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, а Театр имени Евг. Вахтангова в «Мистерии-буфф» Вл. Маяковского воскресили на своих сценах пламенное время Революции, рождения нового мира, борьбы за власть Советов.

К этим постановкам тематически примыкает спектакль Московского театра юного зрителя «Вся его жизнь...» Е. Габриловича, посвященный короткой, но героической жизни, подвигу коммуниста Василия Губанова, столь памятного нам по знаменитому кинофильму «Коммунист»... Острое классовое противоборство нового и старого в цыганском таборе 30-х годов, его приобщение с помощью русских друзей к светлой трудовой социалистической яви — в центре спектакля цыганского театра «Ромэн» «Братья»...

Получила в новых работах столичной сцены глубокое, свежее воплощение непреходящая, всегда волнующая, всегда привлекающая театральное искусство тема Великой Отечественной войны. Тут театры обратились к прозе. Театр имени М. Н. Ермоловой дал сценическую жизнь известной повести Ю. Бондарева «Батальоны просят огня»... Две повести В. Кондратьева также обрели свои интересные театральные версии: «Отпуск по ранению» — в Московском драматическом театре на Малой Бронной и «Сашка» — на Малой сцене Театра имени Моссовета.

Во всех этих спектаклях живет немеркнущая память сердца о грозной и суровой военной године, о беспримерном героизме и мужестве отважных защитников Родины.

Ну, и конечно же, современники вышли на сцену в образах представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Сельским труженикам, судьбам северной деревни, благотворным переменам в ней, в сознании ее людей посвящена инсценировка романа Ф. Абрамова «Дом» в Театре имени Гоголя. А в Драматическом театре на Малой Бронной снова появился неугомонный инженер Чешков со своими энергичными нравственными требованиями к современному производству, к людям.

Нельзя не упомянуть и еще об одном участнике смотра — новом спектакле Московского детского музыкального театра, опере немецкого композитора И. Верцлау «Мастер Рокле» по мотивам сказки Карла Маркса.

Премьеры... Премьеры... Премьеры... Давайте же познакомимся с некоторыми из них подробнее.

Наш первый визит — в Театр имени Евг. Вахтангова.

«МИСТЕРИЯ-БУФФ»

Наверное, самым лучшим консультантом для постановки этой пьесы, созданной после победы Великой Октябрьской социалистической революции и ей посвященной, является и сегодня сам автор — Владимир Маяковский. «Мистерия-буфф»,— писал он,— это наша великая революция, сгущенная стихом и театральным действием. Мистерия — великое в революции, буфф — смешное в ней. Стих «Мистерии-буфф» — это лозунги митингов, выкрики улиц, язык газеты. Действие «Мистерии-буфф» — это движение толпы, столкновение классов, борьба идей,— миниатюра мира в стенах цирка».

Внимательно и чутко вчитались вахтанговцы в эту авторскую квинтэссенцию содержания и формы, «героического, эпического и сатирического» представления.

Художник И. Сумбаташвили соорудил посреди вахтанговской сцены нечто похожее на цирковую арену, только слегка наклоненную в сторону зрительного зала. На этой конструкции, а также вокруг нее, под ней, над ней и перед ней — на авансцене развертывает постановщик спектакля Е. Симонов действо мистериальное и буффонное. Он сплавляет в нем, по замыслу Маяковского, воедино героический пафос идей революции, эпичность борьбы трудового народа за свое освобождение и сатирическое обличение угнетателей, паразитов, не имеющих права владеть землей.

Места действия спектакля — «Вся вселенная», залитая революционным потопом; «Ковчег», на котором собираются «семь пар чистых» (буржуи) и «семь пар нечистых» (пролетарии); «Ад» со скучающими, изголодавшимися чертями и Вельзевулом; «Рай» с бестелыми, благостными ангелами, святыми и Саваофом; и, наконец, «Земля обетованная», оказывающаяся, по слову А. В. Луначарского, «нашей же грешной землей, только омытой революционным потопом». Сюда-то и прибывает ковчег с представителями трудящихся классов, освободившихся от паразитов-захребетников и готовых строить новую жизнь.

Спектакль, сопровождаемый музыкой Дмитрия Шостаковича, развивается темпераментно, стремительно. Но главное в нем — не внешние эффекты (хотя их предостаточно), а плакатно-лозунговая, агитационная сила гениального творения Маяковского, его поэтическая стихия. Слово поэта звучит во всю мощь — духоподъемно, призывно, страстно — и прежде всего в устах Рабочего (В. Зозулин) и Работницы (С. Переладова), выступающих не только от своего имени, но как бы и от автора, направляя весь ход представления... Поистине, прорывая громаду лет, поэтическое слово передает дыхание революционного времени, его бессмертные идейные посылы.

Актеры находят броские, опять-таки плакатно-определенные краски для обрисовки своих обобщенно-типических персонажей. Особенно выразительны А. Казанская (Американка), Л. Целиковская (Дама с картонками), В. Этуш (Американец), С. Маковецкий (Негус абиссинский), А. Павлов (Шахтер), А. Галевский (Батрак), А. Граве (Соглашатель), Н. Тимофеев (Вельзевул)... Впрочем, все исполнители (а их более сорока), независимо от объема и характера роли, играют увлеченно, весело и радостно, как и положено играть революционную пьесу революционного поэта.

Ну, а теперь отправимся в Центральный театр Советской Армии на премьеру неувядаемой пьесы Всеволода Вишневского.

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

«...Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам — к потомству»... Двое ведущих в синих форменках, стоя у рампы, бросают в зал эти слова — обращение к зрителям, идущие и от самого Всеволода Вишневского и от его героев — революционных моряков Балтфлота. Словно из дали того легендарного времени, на заднем плане сцены, распростершись во всю ее ширь, под марш военного оркестра медленно всплывает из глубины на бронированной палубе боевого корабля выстроенный во фронт матросский полк... «Будьте бодрей!.. Гляди веселей, революция!» — звучат слова ведущих, предлагающих «подумать, постигнуть, что же, в сущности, для нас борьба и смерть...».

«Мистерия-буфф». Фото М. Чернова

Это — эпическое начало спектакля. И таков же его финал, когда так же торжественно и медленно — из глубин истории, из глубин памяти — поднимется, победит с нами, сегодняшними, и уйдет обратно матросский полк во главе с Комиссаром.

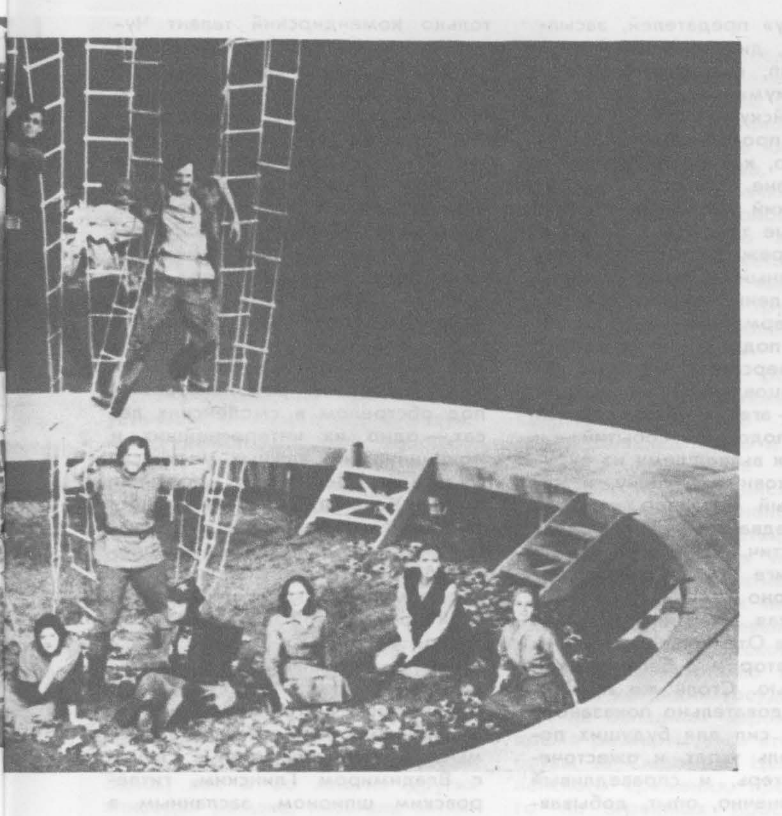
Постановщик спектакля П. Хомский с помощью художника Э. Стенберга обрамляет этими символическими явлениями действие, где кипят, бушуют страсти — человеческие и социальные. На протяжении всего спектакля театр поддерживает жаркий накал борьбы, где сшибаются — не на жизнь, а на смерть — силы революции и контрреволюции; борьбы, где победу одерживает партия коммунистов, ее идеи, ее воля, ее посланец — Комиссар.

Вот она, Комиссар — Л. Касаткина, маленькая, хрупкая женщина. Спокойно и бесстрашно отразит первую атаку анархистов, выдержит с честью и достоинством первое испытание, твердо взглянет в глаза Вожаку (Г. Крынкин), мрачному, набычившемуся, злобному и мстительному врагу революции, убежденному человеконенавистнику... А затем между ними развернется поединок — бескомпромиссный и непримиримый. Ход его известен до мельчайших подробностей,— ведь «Оптимистическая трагедия» практически не уходит из репертуара советского театра. И все равно — такова магическая сила подлинного искусства — воспринимаешь этот поединок неостуженно, еще и еще раз постигая силу ленинской партии, которая и позволяет коммунистам открыть глаза заблуждающимся, разгромить анархистов, увлечь и повести за собой матросскую массу, сплотив ее в боевой революционный монолит.

Успеху спектакля способствуют и строгая публицистичность Ведущих (П. Вишняков и А. Кутепов) и неординарность, личностная крупность и яркость Алексея (А. Васильев).

Колоритные, насыщенные актерские работы

ПРЕМЬЕРЫ...

Р. Демент (Маша) и И. Крикунов (Матвей) в спектакле «Братья».

Фото М. Строкова

также и у В. Баринова (Вайнонен), К. Захарова (Командир корабля), Ан. Петрова (Сиплый), А. Миронова (Боцман), К. Крыченкова (Вожачек)...

А в целом спектакль ЦАТСА, сочетающий напряжение и жесткую определенность социальных конфликтов с философичностью раздумий о жизни и смерти, отвечает первооткрывательской формуле Всеволода Вишневского, назвавшего свою трагедию **оптимистической**.

«ДОМ»

Постановщики этого спектакля по роману Федора Абрамова в Театре имени Гоголя, Б. Голубовский и В. Боголепов, не случайно определили жанр как главы из романа, подчеркнув не только естественную избирательность своего переложения прозы, но и самый строй театрального действия. Главное в нем — пристальное и неспешное исследовательское проникновение в душу человеческую, во внутренний мир людей — в индивидуальные судьбы, из которых и складывается судьба народная. Наверное, поэтому в самом начале и в конце спектакля все персонажи — жители русского села Пекашина — выходят на сцену, и каждый произносит как бы про себя какую-то самую сокровенную и важную, выношенную мысль — о себе ли самом, о ком-то другом, а чаще вообще о жизни, о своем понимании места и предназначения человека в ней. И, может быть, больше всего западает в сознание мысль, высказанная одним из пекашинских старожилов, Евсеем Мошкиным. А говорит он о том, что главный дом **человек в душе у себя строит** и что тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет, ибо он крепче всех кирпичей и алмазов.

И хотя по сюжету один из конфликтов спектакля разворачивается вокруг обычного крестьянского дома, который отбирает у Лизаветы ее бывший муж Егорша, театр вслед за писателем прежде всего стремится выявить, какой же «дом» выстроен в душе у каждого из пекашинцев. И становится ясно, что материальное благополучие, достаток далеко не всегда обеспечивают человеку счастье, что принципиальность и прямолинейная нетерпимость в отношениях между людьми — это вещи разные; что нужно уметь понимать другого человека и не только осуждать его, если он в чем-то неправ, где-то оступился, но помочь ему выправиться, поддержать его в трудный час.

Моральная проблематика спектакля непосредственно связана с проблемами жизни и хозяйствования человека на земле. И здесь немало острых вопросов встает перед пекашинцами. Немало конфликтов возникает по ходу действия. А все вместе образует реалистическую картину жизни современной деревни (с происходящими в ней социальными процессами), жизни ее людей с их самобытными, истинно народными характерами.

Право же, трудно теперь себе представить Михаила Пряслина и его сестру Лизавету иными, чем мы увидели их в этом спектакле. Михаил — В. Афанасьев — кряжистый, могучий, круто неуступчивый в своей истовой приверженности к родной земле, в своей боли за нее, за ее будущее. Лизавета — С. Брагарник — воплощение сердечного тепла и света, доброты, человечности и той природной духовности, что и дает ей силу переносить удары судьбы... А как достоверны, психологически глубоки Калина Дунаев — И. Смысловский и его жена Евдокия — Л. Долгорукова.

Богата, эмоционально разнообразна нравственная партитура спектакля. И какие бы драматические ноты в ней ни звучали, сценическое прочтение «Дома» согрето чувством социального оптимизма, а это первый признак верного отображения в искусстве нашей действительности.

Завершим нашу краткую «премьерную» экскурсию в цыганском театре «Ромэн».

«БРАТЬЯ»

...Двадцать, а может, больше лет прошло с той поры, как расстались два цыгана, два родных брата. И вот вскоре после войны их встреча.

— Ты — брат мой! — с надеждой на прощение восклицает Ефим.

— Ты — враг мой! — с ненавистью отвечает Матвей.

Что же развело братьев, что сделало невозможным их примирение? Что произошло много лет назад в их родном таборе, бродившем по сибирской тайге?.. Об этом и рассказывает театр «Ромэн» в своем сценическом варианте пьесы сибирского драматурга Зота Тоболкина «Братья».

Мы увидим, как в табор — с его своеобразными вековыми обычаями — придет молодая русская учительница Маша и будет не только учить ребятишек грамоте, но и взрослым цыганам принесет свет новой жизни, свет неведомых им доселе социалистических порядков и отношений между людьми... Именно против этого и поведет борьбу, потаенную, изощренно жестокую, безжалостную, вожак табора Ефим. Привыкший держать цыган в слепом, безграничном повиновении, он изуродует, сломает судьбу многим из них, в том числе своему младшему брату Матвею, все больше тянущемуся к Маше, полюбившему ее. И с Машей расправится Ефим — убьет ее на глухой таежной тропе как раз в тот день, когда она, получив партийный билет, счастливая и окрыленная возвращается в табор...

Нет, такое простить нельзя, говорит своим спектаклем его постановщик и режиссер Николай Сличенко. Ему принадлежат и музыкальное оформление и хореография, имеющие в цыганском театре очень важное значение. Вот и в «Братьях» фольклорные цыганские песни, пляски, исполняемые страстно, темпераментно, с изумительной народной самобытностью, — не просто вставные номера, а органическая часть действия, раскрывающая внутренние состояния героев, их тревоги, радости и печали, их душевные порывы и озарения.

Высока в спектакле и собственно драматическая актерская культура, особенно у исполнителей центральных ролей. Поэзией, чистотой, горячим стремлением дать людям счастье овеян образ Маши у Р. Демент. Непосредствен, романтичен, мужествен И. Крикунов в роли Матвея. М. Иоанов экспрессивен и точен в обрисовке властности и коварства, страха и злобы Ефима... Импульсивной необузданностью поступков и страстей наделяет несчастную, сжигаемую муками ревности Анфису И. Некрасова. С острой бытовой характерностью показывает пьяный кураж, косность, самодурство Григория М. Оглу.

Новой своей работой «Ромэн» продолжает плодотворный поиск в области слияния жанровой специфики цыганского искусства с драматургией высокого гражданского звучания, глубиной и полнокровием воплощения человеческих характеров.

* * *

Непохожи премьеры, на которых мы побывали; разнятся содержанием, жанрами, стилевыми особенностями. Есть, однако, у всех этих спектаклей общая, объединяющая их существенная черта: стремление к театру больших мыслей и сильных чувств. К театру, утверждающему красоту нового человека.

Николай САБЛИН

Трудные дни войны

Одна из самых популярных книжных новинок — очередная книга известного романа Ивана Стаднюка «Война». Что же сейчас вызвало такой пристальный интерес к роману, посвященному событиям начала Великой Отечественной войны?

Для того, чтобы в полной мере оценить значение документированного, насыщенного подлинными фактами повествования Стаднюка, надо, наверное, быть специалистом — военным историком. Попробуем, однако, разобраться в том, что говорит эта книга рядовому читателю, чем привлекает она его. Ответим сразу: широтой охвата событий, стремлением максимально укрупнить масштаб происходившего.

В первых двух книгах «Войны» речь шла о времени, непосредственно предшествовавшем гитлеровской агрессии, и о боевых операциях июня 1941 года. Авторский рассказ и в третьей книге по-прежнему нетороплив, хотя и предельно насыщен. Мы узнаем о том, как проходила длительная и тяжелая борьба за Смоленск. Укрепившись на смоленских возвышенностях, гитлеровские генералы рассчитывали, не встречая сопротивления, двинуть свои части к Москве. В этом заключалось одно из главных положений плана «молниеносной войны» — блицкрига, сорванного действиями советских войск уже в самом начале войны.

И. Стаднюк поставил своей целью тщательный, подробный анализ основных этапов Смоленского сражения, которое на первых порах проходило в тяжких оборонительных боях. Итогом битвы за Смоленск стало, казалось бы, невозможное в тот трудный военный месяц: собрав все силы и подтянув резервы, на основных участках Западного фронта советские войска перешли от активной обороны к отдельным наступательным операциям, что было совершенно неожиданно для агрессора. План «молниеносного» захвата Европейской части СССР обнаружил свою полную несостоятельность. О стойкости и самоотверженности фронтовиков, чувстве долга, извечно присущем русскому солдату, вере в торжество справедливости, чувстве товарищества, изматывающем, тяжелом повседневном труде всех участников войны, начиная от рядовых и кончая работниками Генерального штаба и Ставки Верховного Главнокомандования, рассказывает эта книга.

«...Неотрывно мы всматриваемся в кровавые дороги войны, всматриваемся с горячим пристрастием, ибо, отдав самих себя на суд времени, хотим его справедливого приговора, хотим знать, как все было», — заявляет писатель в одном из своих авторских отступлений. В третьей книге романа эти размышления писателя о сути происходящего, изображаемого и задуманного им приобретают еще большую весомость, чем в первых частях. Здесь предпринята попытка осмыслить войну не только с точки зрения этической и психологической, не только описать ее быт, но и взглянуть на ее ход с точки зрения военной науки.

Это и определило особенности романа Ивана Стаднюка: своеобразный принцип «состыковки» строго документального материала и художественного вымысла.

В центре внимания писателя уже знакомый нам по первым книгам романа генерал Федор Ксенофонтович Чумаков, его семья, сослуживцы, люди, с которыми столкнули его военные операции, выход из окружения, штабная работа. С напряжением следим мы за развитием сюжета.

Показав нам своих героев крупным планом, автор вдруг резко меняет ракурс изображаемого: перед нами возникает, точно увиденная с высоты птичьего полета, картина передвижения огромных армий, столкновение масс техники, вид пылающих полей и лесов. Отступление, оборонительные бои, попытки немцев создать «котлы» на разных участках фронта (эти «котлы», пишет автор, словно взрывались и становились грозной опасностью для фашистских тылов), выход из окружения, бомбежки, танковые атаки, вражеские диверсии, их разоблачение, подготовка партийных работников к переходу на нелегальное положение, формирование партизанских отрядов...

Автор «Войны» раскрывает типичную для гитлеровского фашизма механику подготовки агрессии: помимо приведения в боевую готовность военной машины, в ход были пущены иезуитские приемы гитлеровской дипломатии, попытки создать в советском тылу «пятую колонну» предателей, засылка шпионов, диверсионных штурмовых групп, снабженных фальшивыми документами и одетых в красноармейскую форму, распространение провокационных слухов. Все это, как правдиво показано в романе, создало в первый, самый тяжкий месяц войны дополнительные трудности, которые порою переживались больнее, чем временный военный перевес врага. Появление в центре окружаемого германскими войсками Смоленска подразделения вооруженных диверсантов в форме советских бойцов, действия «майора Птицына» — агента абвера — и как следствие подобных событий — и недоверие к вышедшему из окружения полковнику Лукину, и несправедливый приговор, жертвой которого едва не стал солдат Алесь Христич... Обо всем этом в третьей книге «Войны» рассказано достоверно и горько.

Трагическая картина тяжких дней начала Отечественной войны показана автором с беспощадной правдивостью. Столь же правдиво и последовательно показано и накопление сил для будущих побед — и боль утрат, и ожесточение от потерь, и справедливый гнев. И, конечно, опыт, добывавшийся нелегкой ценой. На глазах у читателя словно туго скручивается огромной силы пружина, которая потом, распрямившись, нанесла врагу ответный удар.

Автор вплетает в рассказ о подлинных исторических событиях драматические приключения и переживания вымышленных героев. В третьей книге это, помимо семейства Чумакова и младшего политрука Миши Иванюты, еще и рядовой боец Олесь Христич и его боевой друг сержант Чернега, однополчане Иванюты — старший лейтенант Колодяжный и военный переводчик Лева Рейнгольд, их товарищи, боевые командиры.

Большое впечатление производит сцена гибели смоленской крестьянки, в которой Колодяжный узнает мать своего товарища. Старушка, не раздумывая, решает поджечь собственный дом, чтобы создать дымовую завесу для стрельбы единственного оставшегося у отступающей части орудия — ради того, чтобы на лишний час задержать врагов. Образ старой матери, погибшей, прижимая к груди икону и фотографии своих детей, надолго остается в памяти.

Лучшие черты, свойственные потомственной русской военной интеллигенции, воплощены в характере Федора Ксенофонтовича Чумакова. Писатель вновь и вновь испытывает усложнившимися военной жизненными ситуациями не только командирский талант Чумакова, но и его человеческие качества. Снова, как и раньше, Чумаков ведет бой вслепую с преследующим его карьеристом и подлецом Рукатовым, который играет на благородстве своего «соперника» и на доверчивости его родных. Нелегкий поединок выигрывает Федор Ксенофонтович у взятого в плен немецкого полковника Курта Шернера, разведчика, ранее побывавшего на маневрах советских войск под видом члена чехословацкой военной миссии. Их спор, начавшийся в 1935 году и продолжающийся под обстрелом в смоленских лесах, — одно из интереснейших и принципиально важных мест всего романа. Убедительна моральная победа раненого, измученного отступлением Чумакова над его высокомерным, напыщенным оппонентом, чья гибель становится как бы символом грядущего краха всей фашистской военно-политической системы.

Герою Стаднюка не чужды сомнения, угрызения совести за допущенные им реальные и мнимые ошибки или моменты легкомыслия, как, например, в случае с Владимиром Глинским, гитлеровским шпионом, засланным в расположение его армии. И все-таки Чумакову «везет» на войне и в жизни — он выходит живым из смертельных схваток, выздоравливает после тяжелого ранения, его любят подчиненные и товарищи за справедливость и верность долгу, ему предана его жена Ольга, прекрасная женщина, чей характер в отличие от иных, очерченных бегло, по-журналистски, дан писателем емко, в непрерывном развитии. Порой кажется, что Федору Ксенофонтовичу уже не выпутаться из тяжких обстоятельств, умело подтасованных Рукатовым с целью подорвать доверие к генералу, что вот-вот он станет жертвой провокации или «диверсанто-шпиономании», принявшей в те дни немалый размах. Но Чумакову верят.

Анализируя истоки грандиозного перелома в ходе Великой Отечественной войны, Стаднюк уделяет большое внимание одному из ее невидимых посторонним глазу фронтов. Речь идет о проверке на практике достижений советской военной теории, о работе Генерального штаба, который маршал Шапошников, один из ведущих военачальников Красной Армии, выдающийся теоретик военного дела, назвал в своей книге «мозгом армии».

Среди действующих лиц романа мы встречаем и Бориса Михайловича Шапошникова, любовно

Иван Стаднюк. Война. Роман. Книга третья. Роман-газета, 1981, № 4.

прозванного в среде генштабистов «дедом», и маршалов Тимошенко и Жукова. Автору «Войны» удалось показать каждого из них в часы тяжелой и ответственной работы, когда надо было, изучив ситуацию на фронтах, в кратчайшие сроки принять решение, которое определит судьбы тысяч солдат, миллионов мирных жителей, работу фабрик и заводов, от которого будет зависеть само существование сел, городов, памятников культуры. Писатель не преуменьшает меру ответственности военачальников, не скрывает их усталости, волнения, порой безумного, нечеловеческого напряжения. Не утаивает он и моментов непредвиденных, непредсказуемых, каких немало в любой, даже самым тщательным образом разработанной военной операции. Подробно раскрывает Стаднюк и ту тяжелую ситуацию, которая сложилась при известии о возможной потере Смоленска в Генштабе и в Ставке Верховного Главнокомандования. Напряженную сцену в Кремле писатель подкрепляет ссылкой на воспоминания маршала Г. К. Жукова. Здесь, как и во многих других эпизодах романа, писатель активно использует мемуарную литературу, обращается к мало известным архивным материалам.

В третьей книге «Войны» на одно из первых мест выдвигается образ маршала Тимошенко. В начале войны нарком обороны был назначен также и главнокомандующим Западного направления. Описанная в романе поездка маршала по командным пунктам вверенных ему армий — а такая поездка вполне могла произойти в действительности — дает возможность восстановить мысли и переживания одного из крупнейших советских полководцев. Тимошенко показан как бы со стороны, размышления его будто подслушаны автором и дополнены авторским комментарием. Маршал неистово ищет любую возможность, чтобы заставить немцев замедлить темп наступления. Картина полуразрушенного Смоленска — «...С заднепровских холмов скорбно смотрел Смоленск, укоряюще смотрели пустыми глазницами окон каменные глыбы его обгоревших, с обрушенными внутрь крышами домов. Тонули в задымленном небе купола Успенского собора. По днепровскому мосту текла в Заднепровье река беженцев...» — проникает в его душу, побуждает вновь и вновь думать о том, почему оказались неверными тщательно разработанные в теории стратегические модели, почему гитлеровское вторжение застало многих врасплох. «И все чаще,— читаем мы в одной из первых глав,— пронзала Тимошенко мысль, что несет он тяжкую и заслуженную кару за свою вину...

Будто не себя, а кого-то другого с ожесточением убеждал, что на посту наркома обороны сделал в преддверии вторжения гитлеровских армий все, что только было в его силах». Причиной беспощадного анализа возможных ошибок была огромной меры требовательность к себе. «Никого из полководцев, когда разразилось море страданий, не прельщали ни слава, ни власть; тяжелейшая ноша ответственности за жизнь и судьбу родного народа подавляла все земные чувства,— свидетельствует автор.— Сила духа, глубина мысли, твердость воли — все, что составляет величие человека, без остатка было подчинено одному: остановить врага». Это стремление объединяет Тимошенко и Жукова, Рокоссовского и Конева, Курочкина, Лукина, Маландина, Соколовского,— в романе перечислено множество подлинных имен советских военных руководителей, чьи дарования раскрылись в те трудные дни в сражениях на Смоленских высотах.

Постепенно сюжет романа обретает особую напряженность. В квартире покойного Романова, где поселились жена и дочь Чумакова, появляются Владимир Глинский, пробравшийся в Москву под личиной раненого фронтовика, и его братец — «дворник». Их похождения принимают характер почти детективный.

В последних главах читатель узнает о предпринимавшихся в те дни усилиях Советского правительства по созданию антигитлеровской коалиции государств.

А на Западном фронте в это время развертывался второй этап битвы за Смоленск. Целью Смоленского сражения, проходившего на огромных пространствах, было сдержать и задержать продвижение сил противника к Москве. Недаром Смоленск древнейших времен называли ключом к столице России. Именно Смоленское сражение дало возможность советскому командованию выиграть время и подтянуть свежие резервы.

«И немыслимое стало реальностью, — пишет автор, завершая третью книгу романа, — немецко-фашистские войска впервые с начала второй мировой войны вынуждены были на главном стратегическом направлении фронта перейти к обороне. Агрессор наконец ощутил, что блицкриг пока не удается».

За этими простыми словами скрыто очень многое. Впервые с начала второй мировой войны, то есть с сентября 1939 года, фашисты были остановлены регулярными частями страны, на которую они предательски напали. Хотя Стаднюк пишет подробно только о событиях, происходивших на территории СССР, образ Европы, попираемой фашистскими сапогами, постоянно как бы незримо присутствует на страницах романа. И, видимо, не случайно югославское издание первых двух книг «Войны» вышло под названием «Пожар над Европой». Ведь к моменту нападения Гитлера на Советский Союз в европейских странах господствовал «новый порядок», установленный при открытом попустительстве буржуазных режимов, чьи регулярные армии по приказу своих руководителей складывали оружие почти без боя. И вот, спустя менее двух лет после того, как запылало над континентом пламя открытой войны, почти три года спустя после того, как по мюнхенскому соглашению была молчаливо отдана Гитлеру Чехословакия, фашистам пришлось резко изменить темп своего «победного марша». А это имело огромное значение для работы коммунистов-подпольщиков во всех странах Европы, для подъема движения Сопротивления, для развития партизанского движения.

Автор «Войны» продолжает работу над романом. И читатели с нетерпением ждут появления следующих частей книги.

ДОБРО ВЕЧНО

В новом романе «Красное лето» Василий Андреев остается верен своей прежней теме — художественному исследованию жизни рядовых тружеников. На этот раз писатель показывает всепобеждающую силу добра, которое стало неотъемлемой чертой в характере советского человека. Много горя обрушила судьба на Ивана Ивановича Поленова, участника войны, бывшего слесаря завода, а ныне пенсионера. Казалось бы, после очередного страшного удара (гибели сына-пограничника) уже не оправиться ему, потерял он всякое желание жить. Но Катя Воронцова не оставляет старика в беде, с любовью дочери заботится она о своем одиноком соседе и тем самым как бы заново возвращает его к жизни. Потом это доброе словно эстафету подхватят ее школьная подруга Оля Малышева, Дмитрий Булавин. Добро вечно, как вечна жизнь на земле, утверждает своим романом писатель.

Главное усилие и внимание Василий Андреев направляет на раскрытие нравственной, духовной сущности героев. Такого рода людей, как отрицательный герой Федор Костричкин, еще немало в нынешней жизни. Он вполне современный, в меру грамотный, в меру расторопный, где надо—почтительный, даже лакейски услужливый, где надо — нагловатый, бесцеремонный.

Писатель создает характер современного дельца, умеющего, не моргнув глазом, оболгать человека, нечестно добывать средства для своих делишек. Василий Андреев далек от нивелировки жизненных ситуаций, в его романе зло пока не карается, ведь жулик Костричкин в итоге лишь порядком испуган. Писатель оставляет его на этом преступном и обреченном пути, давая читателю понять, что сколько веревочке ни виться, но конец придет.

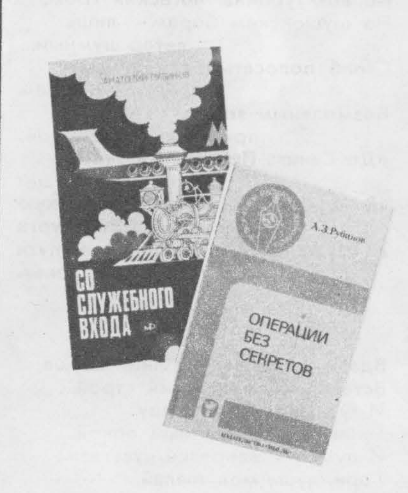
Несмотря на малую площадь, отведенную в романе на изображение сельских жителей, они получились по-настоящему живыми, с плотью и кровью. Речь идет о Тимофее Поликарповиче и его жене Лукерье. Их характеры Василий Андреев изобразил верно и точно, с большим знанием и пониманием души сельского человека.

Глубокое раздумье звучит в словах Тимофея Поликарповича: «Не могу я все в голову взять, что за сила отворотила человека от земли?» Писатель показывает кровную связь этого трудолюбивого крестьянина с землей, отрыв же от нее грозит духовным опустошением, что и произошло с его дочерью Людмилкой.

Новый роман Василия Андреева свидетельствует о писательской зрелости автора, что видно в проработке глубин характеров героев и во всей остросовременной проблематике произведения. «Красное лето» закрываешь с добрым чувством, твердо осознавая, что такие, как Костричкин, бессильны перед уходящей корнями в толщу земли неискоренимой силой Тимофея Поликарповича, перед высокой нравственной стойкостью его сына.

Л. КОРНЮШИН

Василий Андреев. Красное лето. «Москва» № 7. 1980.

СТРАСТНО И УВЛЕКАТЕЛЬНО

Каждый раз, читая новую книжку Анатолия Рубинова или его очерки в «Литературной газете», я вновь и вновь удивляюсь редкой его особенности писать страстно и увлекательно о вещах, казалось бы, самых прозаических, будничных и нередко в жизни вызывающих у нас раздражение.

Передо мной две новые книги А. Рубинова: «Операции без секретов» и «Со служебного входа». Первая из них рассказывает о создании очерков, надолго запомнившихся читателю и, что еще более важно, послуживших толчком к перестройке работы в той или иной области городского хозяйства,— таких, как «Меченые атомы» (о работе почты), «Зеленые глаза» (о работе московского такси), «Клиент, расскажи биографию!» (о том, как много ненужных сведений спрашивают у нас, выписывая сезонный билет или квитанцию в химчистке). Вторая книга повествует о неведомой миллионам пассажиров жизни вокзалов, метрополитена, аэропортов.

Ежедневно по нескольку раз в день спускаемся мы в подземные дворцы московского метро, уверенные (и ни разу не обманувшись в своей уверенности!), что вовремя к платформе подойдет поезд и с предельной точностью доставит нас домой ли, к месту ли работы, или в театр. Но задумываемся ли мы когда-нибудь, каких усилий, какого огромного труда тысяч людей стоит эта точность? Навряд ли. А задумываемся ли мы над историей постройки метро, даже над самым происхождением этого слова? Если московские старожилы еще и вспоминают день 15 мая 1935 года, когда, торжественные и принаряженные, впервые в жизни переступали они порог первых метровокзалов и со страхом и недоверием съезжали по эскалаторам, то люди последующих поколений, и в особенности, конечно, молодежь, принимают все как должное и считают, что так было всегда.

Автор рассказывает нам не только о сегодняшнем дне метро, аэропортов, вокзалов, такси, почты и других отраслей городского хозяйства, но и, разыскав в архивах интереснейшие документы прошлого, вводит их в повествование.

А можно ли остаться равнодушным, читая о том, сколько энергии, остроумной выдумки, терпения потребовалось журналисту, чтобы разобраться, например, в достоинствах и недостатках советских почтамтов. Это была поистине трудоемкая и талантливая «операция». Впрочем, автор не случайно сам так и называет главы своей книги: «Операция: «Зеленые глаза» (о такси) или «Операция: «Испорченный транзистор».

Но, не щадя недостатков, автор, однако, не превращается в этакого брюзжащего обывателя. Он смело предлагает меры к их исправлению и нередко добивается в этом успеха. Его книги проникнуты уважением к труду.

«Журналистами не назначают, их не выбирают — люди сами приходят в журналистику. Как известно, они в силу особенностей своей профессии могут оказывать немалое влияние на формирование общественного мнения»,— пишет А. Рубинов, и его очерки — яркое тому свидетельство.

Л. ЛИБЕДИНСКАЯ

Рубинов А. З. Со служебного входа. М., Московский рабочий, 1980, 288 с. Операции без секретов. М., Мысль, 1980, 174 с.

ДУМНАЯ ГОРА

Владимир БРОВЧЕНКО

ПОЭМА

I

Увещевали мы себя,
пока,
Земле оставив августовский
сумрак,
Наш лайнер протаранил облака
И вспыхнул на крыле закатный
сурик.
Лишь брезжила четвертая строфа,
Лишь начинал я постигать дорогу,
А под крылом уже была Уфа...
Урала величавого отроги.
И я взглянул рассеянно в окно,
В лазоревое царство Саваофа,
А там цепочкой,
словно в мульткино,
За ИЛом вслед тянулись птицы-
строфы.
— Куда ваш необузданный порыв?
Умаются в дороге рифмы-крылья...
Сибирь морозы копит до поры,
Следя за ходом солнца
неотрывно...
— Познанья жажда в путь нас
позвала
Туда, где за Сибирью солнце
всходит,
И в каждом взмахе гибкого крыла
Есть воля
нас пославшего народа.
Уже навстречу нам
взметнули клич
Саянские заснеженные пики:
— На тропы те, где проходил
Ильич,
Чтоб прикоснуться к вечности,
ступите.
Уже сияет енисейский край
Созвездьем ГЭС и диво-
городами...
Ты самочинством нас не
попрекай,—
Твои же думы
властвуют над нами...
Плыл самолет над белизною гор,
Крылами строфы в небе
шелестели,
И покорялись время и простор,—
Как все живое, мы вперед летели.
Кто мог подумать,
что в такой дали
От мест родных
затеется беседа...
Башкирский друг,
поэт Муса Гали
Лишь улыбнулся на правах соседа.
Со мной моя летела детвора —
В моих словах, в душе моей
царила,
Встречь нам вставала
Думная гора,
Тревогою и тайною манила.
И пожелал я строфам чистоты,
Какою здесь извечно славны реки,
И повелел
с подлунной высоты
О Прометее петь и Человеке.
Но вот турбины погасили гром.
По шушенским борам — лишь
ветер шумный...
Столб полосатый с надписью
на нем
Безмолвным зовом
приглашает к Думной:
«До Санктъ-Петербурга 5924 версты», и еще:
«В. И. Ленин, следуя в сибирскую ссылку из Петербурга в Шушенское, находился в пути 81 день».

II

Вдали купалась в солнце Шуша,
Вставал Саян высокий строй...
И тут заполонили душу
Теплынь и радостный покой.
И думал я, вверяясь чувствам:
Гори, душа моя, пылай,
В том самом бывшем захолустье
С вершины Думной засияй.
А вот со строфами нет сладу,
Уже взмолились: — Отпусти...
Тебе пусть полной будет радость,
А нам в иное время надо,
Мы не задержимся в пути...
И правда, в странствии далеком
Они не медлили в тот раз
И принесли, как киноплёнку,
Простой, волнующий рассказ.

...В России — темень, лихолетье.
И как набат — кандальный звон.
Медвежий край.
Конец столетья.
Но есть уже в России О Н.
Уже видны
Е Г О начало,
И одержимость, и мечта.
Пусть на земле еще нас мало,
Но призрак
зримой явью стал,
Уже рабочих
правота
В кулак громящий собирала.
Уже слова,
сильней тиранов,
На бой последний поднялись...
Пока он —
только лишь Ульянов,
Лишь ссыльный...
Но — восстала мысль.
А мысль всегда диктует дело.
Теперь ее — в народ нести...
Они — Володя и Надежда,
Им нет еще по тридцати.
Мир единенья небывалый
Их возвеличил, породнил.
Мечты заветной
парус алый
Бунтарский ветер подхватил.
И рухнут тюрьмы и централы,
Ведь как пароль — «Мы
не рабы!»—
Уже тогда для них звучало,
Когда вошли в «Союз борьбы...».
Неистовые зимы Шуши,
Холодный мор — на сотни верст...
Но эту веру не разрушить,
Когда пошли побеги в рост,
Когда теснее с каждым мигом
Ряды смыкаются в строю,
Когда судьбу рабочих мира
Сумел осмыслить, как свою.
К мечте мечта
и к слову слово —
И остов здания готов.
Таится между строк основа —
Не для жандармских медных лбов.
Огнем, энергией, борьбою
Ильич теперь наполнен весь.
Посланья мчат без перебоев
Из Шуши в Минусу и Тесь [1]...
Пурга
и ночи коротанье
Над книжкой.
(А часы спешат...)
Пророческие предсказанья,
С чего начать и как начать.
А в революцию ворота
Открыты лишь для храбрецов.
Одно понятие — работа!—
Жарынью обдает лицо.
И вот уж скоро битвы грянут,
Сметут буржуев и царя,
Уже потомки
в небо глянут:
В нем — избавления заря.
Но до поры, пока в темнице
Томится воля под замком,
Он пишет вещие страницы
О новой партии...
Знаком
Он здесь с кустом любым и
горкой,
С Острог-норою и скитом.
И нас он видел дальнозорко
Через полвека...
И о том
Не знал купец сибирский Юдин,
Кого он средь иных встречал,
Хвалясь библиотечным чудом
Под мудрым взглядом Ильича.
...Весенним током
тепловеи
Придут на Думную в ночи,
И солнце стрелами рассеет
По шушенским борам лучи.
И станут выше
неба своды.
Вздохнет привольно Енисей,—
Как матерь Волга, полноводный,
Откроется во всей красе...
Пьянило свежестью весенней,
Светлели в Шуше все дома,—
Клин лебедей над Енисеем
На крыльях солнце поднимал.
Еще никто тогда не ведал,
Что вместе с этою зарей
Светило будущей победы
Взошло над Думною горой.

[1] Села, где отбывали ссылку революционеры.

Еще тогда не знали люди,
Что рядом с ними жил титан,
Что здесь вот, в Шуше, позже
будет
Заветный тот меридиан,
Который станет на планете
Исходной точкой всех дорог,
К которому пойдут поэты
Со всех земель,
из всех эпох.
И таял снег,
и пахла хвоя.
Но все еще держалась тьма.
И строились,
готовясь к бою,
На полках
Ленина тома.
Сквозь тернии —
к высоким звездам!
Грядет неумолимый миг,
Что обновит в России воздух
И потрясет рутинный мир.
...Вдали купалась в солнце Шуша,
Вставал Саян высокий строй...
И мне заполонили душу
Теплынь и радостный покой.
И возвращались птицы-строфы —
Из той истерзанной земли,
Из незапамятной эпохи
Е Г О заветы нам несли.

III

Мчит Енисей.
Начало мая.
Дорога ссыльного горька...
В борт парохода ударяя,
Тревожно плещется река.
А тучи шли под парусами
По той воде, что так слеза.
Манили дикими лесами
Притоки Мана, Бирюса...
Вверх по реке пыхтел, измучен,
Двухтрубный черный пароход,
Меж берегов,
глухих, дремучих,
Его сносило
током вод.
На поручни склонясь, глянул
И зорким взглядом посветлел,—
Увидел пассажир Ульянов,
В то утро Ленин рассмотрел:
Где поселение Шумиха
Убого лепится к реке,
Ему сквозь бедствия и лихо
ОНА открылась вдалеке.
Нет, не химера из романа
И не фантазии игра,—
В молочном утреннем тумане
Предстала перед ним гора:
— В глуши таежной
все светлее.
Смотри, какой счастливый знак:
Уже не уголек здесь тлеет —
Огнище разгоняет мрак.
Я, плод твоей мечты крылатой,
Твоею волею жива.
Звучат пророческим набатом
Твои нетленные слова.
Смотри:
уже видны приметы
Грядущей Красноярской ГЭС.
Сибирь
пред удивленным светом
Восстанет чудом из чудес.
Уже детали всей картины
Запечатлеть не в силах мозг.
Смотри:
на взгорьях этих дивных

М. Кривенко. В. И. ЛЕНИН В РАБОЧЕЙ СЕМЬЕ.

А. Кадушкин. В. И. ЛЕНИН НА ПАРАДЕ ВСЕВОБУЧА.

Растет, как в сказке, Дивногорск.
Сибирь
для мира и прогресса
Открыла кладовые недр
И все сомнения Уэллса
Свела, как говорят, на нет.
Мыслители и трудолюбы
Со всех концов страны пришли,
Чтоб газ и нефть струили трубы
И БАМ тайгу насквозь прошил.
Чтобы в предместье Минусинска
Шумел пшеничный океан,
Чтоб хлеб родил в земле
сибирской
От Красноярска до Саян...
Ты узнаешь меня?
На теле
Моем —
зарубки славных дней.
Ни этой стыни, ни метелям
Не погасить моих огней.
Несу свою судьбу сквозь годы,
С народом всюду и всегда.
Я — Ленинка, дитя свободы,
И этим именем горда!
...Гудок в тайге глухой гуляет.
Ильич к друзьям идет с кормы
И с Кржижановским размышляет:
— Россию выведем из тьмы!
А как вы думаете?
В небе
Необходимы два крыла.
Народ не только ищет хлеба —
Он света жаждет и тепла.
Пусть Шуша станет новой вехой.
Творим реальность, а не миф.
Ведь трудовому человеку
Для счастья нужен
целый мир...

IV

Всем вместе нам разгадывать
эпоху,
Которой мы и дети и творцы.
И вновь из дальних странствий
птицы-строфы
Летят, летят, как верные гонцы.
Я на утес всхожу над Енисеем
И тихо молвлю сердцем Ильичу:
— Обитель, что превыше всех
музеев,
Сегодня я впервые навещу.
Летим мы из Москвы и с Украины,
Калмык, грузин, литовец,
белорус...
И чувство братства и семьи единой
Сплотило нас в незыблемый союз.
Еще скажу:
— Мы — преданная смена.
В нас негасимо ваш огонь горит.
Работу по душе
мы больше ценим
И самый тяжкий труд нам
не претит.
Мы не во всем, быть может,
совершенны,
Еще не те, что представлялись
вам,
Но мы мужаем в битвах
и в движеньи,
Подвластном вашим думам
и словам.
И мы в труде, в делах
народ надежный,
Ваш стяг не дрогнет в преданных
руках.
Успехи наши трудовые множим,—
Так в половодье полнится река.

...Когда Земля вступает в август
щедрый,
Когда деревья небо голубят,
Идем к горе мы Думной
за советом,
Чтоб осознать и утвердить себя.
И я к ней сердцем прикипел
надолго.
Мне в думах к ней идти еще, идти.
И потому волнуют снова дома
Страницы строф, окрепшие в пути.

Авторизованный перевод с украинского Н. КОТЕНКО.

страницы минувшего

РУКОЮ ПУШКИНА

Лариса **КЕРЦЕЛЛИ**

Этот рисунок Пушкина и «открыт» и расшифрован был не совсем обычно. Он скорее был «вычислен», чем неожиданно обнаружен. Портрет Николая Киселева я специально разыскивала в пушкинских рукописях. Убеждена была, что не может его не быть в рабочих бумагах поэта 1828 года, когда Пушкин встречался с ним чуть ли не ежедневно в пору летнего своего пребывания в Петербурге.

Ворох фотокопий. Лица, росчерки, строки стихов, писем, прозы. Уже найдены были Мицкевич, Плетнев, декабристы Волконский, Одоевский; младший Раевский. Новые важные темы. Блистательные имена. Но подспудно томило желание все же найти того, кого хотелось, убедиться, что пушкинское перо (или карандаш) его не миновало, как не миновало почти никого, кто так или иначе привлекал когда-нибудь к себе творческое внимание поэта.

Уже давно в пушкинских рукописях этого времени не осталось такого листа, который не был бы специально — и . не единожды — просмотрен мною. И порою казалось, что надо оставить наконец фантазию найти то, чего, может, и не было вовсе.

Николай Киселев не оставил заметного следа в отечественной истории, литературе. Но он оставил след в биографии и даже в творчестве Пушкина...

Искать некое определенное лицо среди великого множества разбросанных по рукописям пушкинских рисунков — значит в первую очередь постепенно сужать «площадь» поиска, сосредоточивая внимание на тех листах рукописей, где наиболее высока вероятность встречи с тем, кого ищешь. И в данном случае способ этот, трудоемкий и небеспроигрышный, привел к удаче. Портрет найден на листе, где за несколькими черновыми строками из «Полтавы» следуют строки стихотворения «Рифма, звучная подруга...» (ПД 838, л. 24 об.)... Мягкий, внимательный взгляд умных глаз, выдающийся крупный мужской подбородок, характерно изогнутая линия рта. Оригинальное, привлекательное, значительное лицо.

Молодой дипломат Николай Дмитриевич Киселев (1802—1869) изображен Пушкиным в профиль, лицом к левому — более широкому — полю тетрадного листа. Рисунок сделан чернилами, по всей вероятности, раньше черновых «полтавских» строк о дочери Кочубея, которые его с трех сторон окружают. Строки эти вплотную подходят к портрету, тщательно его огибая, и это дает основание думать, что портрет появился до текста. А если это так, если портрет Киселева действительно был нарисован поэтом еще до стихов, среди которых мы его находим, то датировка его, очевидно, должна быть более ранней, чем датировка текста (предположительно вторая половина августа — сентябрь 1828 года), и это прекрасно увязывается с тем, что мы знаем о пребывании Н. Д. Киселева весною — летом 1828 года в Петербурге, куда он приехал ранней весною, после своей второй поездки в Персию.

Друг и родственник Грибоедова, друг московского приятеля Пушкина Сергея Дмитриевича Киселева, с которым поэт сблизился в доме Ушаковых на Пресне, где оба они в то время ухаживали за сестрами Ушаковыми — Елизаветой и Екатериной; брат хорошо знакомого Пушкину генерала Павла Дмитриевича Киселева; близкий товарищ Языкова по Дерптскому университету, мягкий, тактичный, общительный, превосходно образованный и отменно светский, Николай Киселев откровенно расположил к себе поэта. Он становится полноправным членом дружеской мужской компании — Пушкина, Грибоедова, Вяземского, Мицкевича, Алексея Оленина (сына), постоянно участвует в их беседах, их встречах, поездках, застольях. Так же, как Пушкин, Мицкевич и Вяземский, Киселев — непременный гость в доме Олениных, бывшем в то время одним из центров общения художественной и научной интеллигенции столицы. Имя его довольно часто упоминается в дневниковых записях Аннеты Олениной, которая признается в них, что охотно вышла бы за него замуж, хотя он и «не такая большая партия».

«Большой партией» Н. Д. Киселев действительно не был. Любопытен его рассказ о пребывании в Петербурге, записанный впоследствии с его слов А. О. Смирновой: «Я лишь раз был в Царском Селе и ничего не видел. Я был слишком беден, чтобы позволить себе прогулку в экипаже, и я пришел туда пешком с Пушкиным...»

Упоминается Киселев и в письмах П. А. Вяземского. В письме его к жене от 26 мая 1828 года говорится об участии Н. Д. Киселева в увеселительной поездке морем в Кронштадт 25 мая вместе с Олениными, Пушкиным, Грибоедовым, Шиллингом.

14 июня 1828 года Николай Дмитриевич Киселев покидал Петербург. Его назначили третьим секретарем русского посольства в Париже, но при этом разрешили ехать в Карлсбад для лечения тамошними водами.

В тот же день, 14 июня, Пушкин вписал в записную книжку Киселева стихотворное послание к нему:

Ищи в чужом краю здоровья и
свободы,
Но север забывать грешно,
Так слушай: поспешай
карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

И здесь же, на внутренней стороне переплета этой записной книжки, Пушкин карандашом нарисовал свой портрет — на память. Красноречивые знаки внимания и душевной расположенности, не правда ли?

И еще раз случилось помянуть в это лето Пушкину симпатичного ему Киселева — на этот раз в письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября из Петербурга в Пензу: «...Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом.

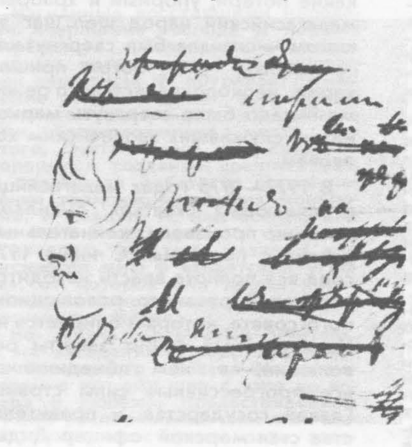
А в ненастные дни собирались
они часто...

Но теперь мы все разбрелись. Киселев, говорят, уже в армии; Junior (Алексей Оленин-сын.— Л. К.) в деревне...»

Николая Дмитриевича Киселева, молодые глаза которого и сегодня, как полтора века назад, задумчиво глядят куда-то вдаль с чернового листа пушкинской рукописи, еще долго носила по свету непростая дипломатическая судьба его — Лондон, Париж, Рим, Флоренция...

Умер он в 1869 году в Италии.

Н. Д. Киселев — рисунок Пушкина.

Н. Д. Киселев.

Юрий ЖУКОВ

ПУТЕШЕСТ
ИЗ ЗИМЫ В

Дальняя, очень дальняя дорога лежала перед нами. Со скоростью, близкой к скорости распространения звука, рассекал наш Ту-154 холодные просторы поднебесья, но завершился день, прошла ночь, и настало новое утро, пока мы добрались до цели. Четырежды усталый самолет касался колесами зарубежных бетонных дорожек, чтобы утолить свою жажду керосином,— в занесенной снегом зимней Варне, в угрюмом ночном Каире, в раскаленном, несмотря на предрассветный час, горячими ветрами из Аравийской пустыни Адене и в экзотическом аэропорту Дар-Эс-Салама, где цветут алыми и синими цветами неведомые деревья и стоят танзанийские самолеты с огромными изображениями жирафа на хвостах.

И все-таки, все-таки... Как смеем мы, избалованные комфортом реактивного века авиации, роптать на неудобства длящегося в общей сложности девятнадцать часов воздушного пути, ежели вспомнить, что удивительная страна, куда мы летели, до начала шестнадцатого века оставалась совершенно неведомой европейцам?

Только 10 августа 1500 года португальский мореход Диего Диас, случайно увидев эту землю на горизонте, обозначил ее на карте, назвав островом Святого Лаврентия. Не дни, не недели, не месяцы, а годы требовались, чтобы добраться сюда.

Самоуверенный португалец донес своему королю, что он открыл новую землю. Но ведь там с незапамятных времен жили люди, растили рис, ловили рыбу, выращивали скот, были у них свои обычаи, нравы, свое общественное и государственное устройство, и называли они свою землю Мадагаскар. И «открытие» это не сулило им ничего хорошего, как и всем людям сверхотдаленных по тем временам стран, которым было суждено стать колониями заморских метрополий...

В своей книге под названием «Мадагаскар — богатейший и плодороднейший остров в мире», изданной в Лондоне в 1643 году, англичанин Уолтер Хемонд, не стесняясь, писал: «Этот остров принесет самые большие прибыли колонистам, которые там поселятся, так как на нем производятся продукты, не встречающиеся более нигде. Прекрасный климат и плодородные почвы сулят плантатору здоровье и радость... Одним словом, этот остров можно сравнить с раем».

Мудрено ли, что искатели легкой жизни вскоре устремились к Мадагаскару со всех концов тогдашней Европы? Португальцы, французы, испанцы спешили воспользоваться богатствами этого баснословного рая, лежавшего «за тридевять земель, в тридесятом царстве», как гласила традиционная формула, употреблявшаяся в древних сказках.

Весть о диковинном заокеанском острове дошла и до только что сооруженной столицы России — Санкт-Петербурга, и царь Петр, человек весьма энергичный и охочий до редкостей, которые он собирал в своей кунсткамере, тут же, в ноябре 1723 года, вызвал вице-адмирала Вильстера и приказал ему снарядить два фрегата и незамедлительно отплыть с ними к этому самому Мадагаскару. В своем «Очерке русской морской истории», изданном в Петербурге в 1875 году, генерал-лейтенант Ф. Веселаго приводит текст письма, которое посланец Петра должен был вручить «высокопочтенному королю и владетелю славного острова Мадагаскарского». В нем, в частности, говорилось:

«Понеже мы заблагорассудили для некоторых дел отправить к вам нашего вице-адмирала Вильстера с некоторыми офицерами, того ради просим оных склонно к себе допустить, свободное пребывание дать и в том, что они именем нашим предлагать будут, полную и совершенную веру дать, и с таким склонным ответом их к нам паки отпустить изволили, какового мы от вас уповаем и пребываем вашим приятелем. Петр.»

Увы, экспедицию эту постигла неудача — фрегаты были потрепаны уже в Балтике зимним штормом, обнаружилась течь, и Вильстер был вынужден вернуться. Свидание России с Мадагаскаром откладывалось на несколько веков. А тем временем в этом «земном раю» все чаще появлялись соперничавшие между собой английские и французские лазутчики, выступавшие в обличье то купцов, то миссионеров, а то и просто в военной форме. Не церемонясь с «туземцами», как они презрительно именовали жителей этого острова, равного по размерам Франции и Швейцарии, вместе взятым, и далеко превосходящего их по своим природным богатствам, они захватывали их в рабство, силой забирали приглянувшиеся им бухты для устройства своих портов и лучшие земли для разбивки плантации. А дальше... дальше, в конце XIX века, Мадагаскар был полностью лишен независимости и превращен во французскую колонию. Сколько крови тогда пролилось!..

Все это вспоминается сегодня как тяжелый, дурной сон. Мы подлетаем сейчас к независимому суверенному государству, носящему гордое наименование Демократическая Республика Мадагаскар. Долог и труден был путь малагасийцев — так называет себя народ, населяющий остров,— к свободе. Дорогой ценой досталась она ему — только в 1947—1948 годах колонизаторы, по признанию генерала Горсе, истребили 89 тысяч человек, стремясь подавить национально - освободительную борьбу. К победе, невзирая ни на какие потери, упорный и храбрый малагасийский народ шел шаг за шагом — сначала был свергнут колониальный гнет, потом пришел черед неоколониалистского режима — надо было свергнуть марионеток, служивших заокеанским хозяевам.

В 1972—1975 годах малагасийцы в решающих схватках с силами реакции произвели окончательный расчет с прошлым. С июня 1975 года вся полнота власти находится в руках Верховного революционного совета, который опирается на Национальный фронт защиты революции,— в нем объединились все прогрессивные силы страны. Главой государства и правительства стал морской офицер Дидье Рацирака, энергичный, волевой человек, твердо верящий в лучшее будущее своего народа, добывавшего свою свободу с таким трудом. Это будущее, сказал он нам при встрече,— социализм.

Вот что записано в разработанной Верховным революционным советом и президентом программе деятельности правительства, названной Хартией малагасийской социалистической революции: «Выбор в пользу социализма логически вытекает из предшествующей непрерывной борьбы малагасийского народа против колониалистской агрессии и империалистической эксплуатации человеческих и материальных ресурсов Мадагаскара и является выражением классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, угнетателями и угнетенными, между имущими и неимущими».

О, конечно же, путь к социализму будет неимоверно труден и сложен, это прекрасно понимают малагасийцы, трезво отдающие себе отчет в тяжких, поистине трагических последствиях длительного угнетения, которому их подвергали колонизаторы, вконец разорившие эту действительно богатую природными ресурсами страну.

И не случайно для того, чтобы подкрепить этот выбор, Дидье Рацирака 21 декабря 1975 года вынес Хартию малагасийской социалистической революции и новую конституцию, основанную на ней, на всенародное голосование. Одновременно была поставлена на голосование его кандидатура на пост президента. И что же? Итог был внушительный и бесповоротный: за Хартию, за конституцию, за кандидатуру Рацирака проголосовало 94,6 процента всех малагасийцев...

Последний час полета. Под нами — от горизонта до горизонта — гряды красноватых холмов, словно застывшие океанские волны. Вьются полноводные реки. Дорог почти не видно: колонизаторы предпочитали, чтобы «туземцы» общались друг с другом поменьше, а для себя резервировали воздушное сообщение — на всем огромном Мадагаскаре лишь 36 800 километров асфальтированных дорог и 1020 — железнодорожного пути. Зато здесь 199 аэродромов, в том числе 59 пассажирских, и 5 международных аэропортов, способных принимать реактивные лайнеры.

Очень много пустующих, мы бы сказали — целинных, земель. Лишь поближе к столице пейзаж оживляется — прихотливо лепятся по склонам холмов ярко-зеленые террасы, это рис. Раскинулись поля, сады. Мелькают характерные, крохотные, но обязательно в два этажа с остроконечными крышами розовые домики из необожженного кирпича — это кирпич из краснозема, и его на первый взгляд не отличишь от прошедшего термическую обработку. Люди живут во втором этаже, в комнате с двумя окнами, а внизу помещается нехитрый крестьянский скарб.

И вот Ту-154 завершает свой рейс. В аэропорту столицы республики — Антананариву — необычайно людно: представители властей, общественных организаций, пионеры в красных галстуках, с большими букетами ярких цветов встречают прибывающие со всех концов планеты делегации — тут начинает свою работу бюро президиума Всемирного Совета Мира. Международная обстановка нынче сумрачная, Пентагон снова бряцает оружием, в Индийский океан направляются новые и новые военные корабли под звездно-полосатыми флагами, и эта напряженность особенно остро ощущается здесь — ведь Мадагаскар находится почти в центре этого океана.

Вокруг нас люди многих рас и национальностей — видные государственные и политические деятели Африки, Азии, Америки, Австралии. Слышна возбужденная и приподнятая разноязычная речь. Хозяева города во главе с нашим старым знакомым пастором Ришаром Андриамандзату, членом Верховного революционного совета, председателем Партии конгресса независимости Мадагаскара, членом национального комитета за мир и дружбу, находят для каждого гостя радушные, приветливые слова, быстро и расторопно направляют делегации в отели, снабжают их всеми необходимыми справочными данными.

Мы мчимся на машине в город, глядя во все глаза на окружающий нас совершенно необычный и поистине великолепный пейзаж. Сиреневые горы на горизонте, неправдоподобно яркая, нежная зелень рисовых полей, раскидистые пальмы, бамбуковые рощицы. Самое удивительное ощущение — дышишь полной грудью, с удовольствием глотая этот чистейший в мире воздух — в меру сухой и с оттенком живительной влаги, и поражаешься: позвольте, ведь мы находимся у самого тропика Козерога, а январь в южных широтах все равно что июль у нас. Почему же здесь не жарко?

— Все объясняется просто,— говорит с добродушной улыбкой наш спутник, сотрудник советского посольства.— Это верно, что вы прилетели из зимы в лето. Но не забывайте, что Антананариву расположен на горном плато, занимающем большую часть площади острова. Высота здесь — около полутора тысяч метров над уровнем моря, и среднегодовая температура невысокая — плюс 17,3 градуса. Жарче 30—31 градуса не бывает. Вот почему здесь, на Мадагаскаре, в разных его районах, растет буквально все, что может расти и в тропиках, и у экватора, и в умеренном климате. Завтра пятница, а по пятницам у нас в центре города бывает знаменитый пятничный базар — «Зума». Сходите туда до начала заседаний, и вы увидите много неожиданных для вас вещей...

Мы не преминули воспользоваться этим советом и действительно были ошеломлены увиденным. Широкий проспект Независимости, ведущий от вокзала к центру города, был превращен в огромную ярмарку. Здесь можно было увидеть все, чем богата эта страна: ее знаменитые пряности, на поиски которых еще в XV веке отправил своего морехода Пьера Ковалема португальский король Хуан II,— ваниль, гвоздика, мус-

ВИЕ ЛЕТО

катный орех, перец всех сортов. И рядом, словно снятые с подмосковной грядки, помидоры, огурцы, капуста. Связка бананов. Кофе и сизаль, из которого делают отличные веревки и канаты. Картофель и ананасы. Шевелящие огромными усами лангусты и самые обыкновенные речные карпы. Здесь же фантастические коллекции знаменитых на весь мир огромных мадагаскарских бабочек и красивейшие раковины, добытые из глубин океана.

И еще: словно живое напоминание о вещих словах академика Ферсмана о том, что «на Мадагаскаре сосредоточена вся таблица Менделеева»,— огромное количество драгоценных и полудрагоценных камней, потрясающие своей расцветкой мраморные плиты, тяжелые друзы кристаллов аметиста, топаза, горного хрусталя.

— Какая богатая палитра возможностей этой земли! — воскликнул один из гостей, прибывших вместе с нами на заседание бюро и не преминувший встать с зарею, чтобы успеть побывать на «Зуме» до начала работы.

— Вы правильно сказали: возможностей! — уточнил сопровождавший нас представитель властей.— Пока такое богатство плодов природы доступно немногим. Глядя на все это, вы можете представить себе всю глубину преступлений колонизаторов: какой жестокостью надо было обладать, чтобы даже здесь, в этом раю, как они сами называли Мадагаскар, довести населяющий его народ до голода! Сейчас наши люди живут немного лучше, чем жили раньше. Но знаете ли вы, что даже сейчас средний срок жизни на нашем благословенном Мадагаскаре для мужчин всего 37,5 лет, а для женщин 38,3?..

По улицам этого города, такого своеобычного и непохожего ни на какой другой, хочется бродить часами — так много интересного и удивительного видит твой глаз. И прежде всего поражает уличная толпа. Вглядываясь в лица прохожих, невольно вспоминаешь, что ученые до сих пор бьются над разгадкой тайны происхождения этого гигантского острова.

Одни говорят, что в незапамятные времена он откололся от африканского континента и судорогами планеты был отброшен в океан на 400 километров от материка. Допустим, возражают другие, но почему в таком случае на острове нельзя найти сколько-нибудь заметных следов африканской фауны, и даже археологические раскопки позволяют обнаруживать лишь останки существ, близких к азиатским видам? И почему Мадагаскар населен светлокожими людьми, которые говорят не на языках африканских народов,— речь их близка к малайским и полинезийским языкам? Быть может, когда-то в южной части нашей планеты существовал еще один гигантский материк, уничтоженный впоследствии страшной геологической катастрофой, и Мадагаскар, и острова Индонезии, и даже Австралия были единым целым?

Кто знает, будет ли когда-либо найден ответ на все эти вопросы, но факт остается фактом: люди, живущие здесь, ближе по своему внешнему виду, самобытной культуре, образу жизни к народам Малайи, Индонезии, Полинезии, чем к народам африканского континента. Быть может, предки их, промышлявшие рыбной ловлей, были занесены сюда морскими течениями и ветрами; быть может, они совершили великое переселение на плотах, бросая вызов бурному океану; быть может, они находятся здесь с момента зарождения жизни человека. Главное-то в том, что здесь уже давно сложилось сообщество разноликих, разноплеменных людей, говорящих на едином языке. Все они дети одной нации...

Сам город расположен на крутых холмах, и узенькие улочки прихотливо вьются по их склонам, причем иные из них представляют собой лестницы, по которым вверх и вниз шагают люди, неся свой скарб на головах. На вершине самого высокого холма — окруженный могучими многовековыми деревьями королевский дворец, превращенный ныне в музей революции. На другом высоком холме — мавзолей борцов и мучеников революции, он в земле, а над ним высятся символические обелиски.

А внизу, под холмами, лежит Нижний город, которому принадлежит будущее: широкие проспекты, ультрасовременные по своей архитектуре дома, торговый центр, кинотеатры, здания министерств, жилые кварталы, отели. У озера, в центре которого высится памятник малагасийцам, погибшим в первой мировой войне, куда их посылали умирать в боях за чуждое им дело колонизаторы,— парк; в центре его — большое здание, напоминающее западноевропейский замок. Здесь жил когда-то французский генерал-губернатор; потом, когда Мадагаскар получил независимость, в замке разместилось французское посольство, а после революции 1972—1975 годов его попросили переселиться в другое здание, а замок стал резиденцией президента Демократической Республики Мадагаскар.

Прогуливаясь по городу, вдруг встречаешь на табличках, обозначающих улицы, площади, парки, знакомые имена. Есть здесь улица России — она носит это имя с давних-давних времен. Есть улица имени Владимира Ильича Ленина — она получила это название уже после революции. А рядом — площадь имени Ленина. В центре ее — памятник, мраморная стела, в которую вделаны два медальона: знакомая нам всем фотография Владимира Ильича в детстве и его портрет, сделанный в те дни, когда он был уже главой государства.

Есть здесь и парк имени Хо Ши Мина. Имя этого борца за национальное освобождение дорого малагасийцам — ведь один из первых организаторов их трудной, но победоносной борьбы с колонизаторами — сын крестьянина, впоследствии учитель Жан Ралаймунгу, прах которого ныне покоится в мавзолее, проходил школу политического воспитания под руководством Хо Ши Мина в Париже, где он учился в начале двадцатых годов. Ралаймунгу сотрудничал в созданной Хо Ши Мином газете «Пария». Вместе они участвовали в работе знаменитого конгресса социалистической партии в Туре, где было решено, что партия вступает в Коммунистический Интернационал и становится коммунистической.

Вернувшись на родной остров, Ралаймунгу вступил в труднейшую, неимоверно сложную борьбу с колонизаторами. Его преследовали, бросали в тюрьмы, зверски избивали, но он снова и снова принимался за дело. Французские коммунисты, ведя политическую борьбу в своей стране, оказывали всю возможную помощь народам колоний, которые все громче требовали своего освобождения, и тогда еще молодой, но энергичный и талантливый вожак партии Морис Торез делал все, чтобы солидарность рабочего класса Франции с этими народами находила возможно более полное выражение. Вот уже более полувека дружба французских коммунистов с прогрессивными силами Мадагаскара живет и крепнет — чем дальше, тем больше.

Особое значение их солидарность приобрела в 1947—1948 годах, когда колонизаторы пытались утопить в крови национально-освободительное движение на Мадагаскаре. Разглядывая здесь, в музее революции, многочисленные документы и фотографии, изобличающие страшные зверства, я невольно вспоминал, как в ту, далекую уже пору, живя и работая в Париже, с восхищением наблюдал самоотверженную политическую борьбу французских коммунистов за прекращение этой невероятной бойни и за спасение схваченных колонизаторами и приговоренных к смертной казни руководителей прогрессивного движения мадагаскарцев. Их удалось тогда спасти. Но чего это стоило!

Мужественный пример сопротивления народа Мадагаскара колонизаторам, усилия которого в ту пору перекликались с борьбой народов Вьетнама и Алжира за свое освобождение, оказал огромное революционизирующее воздействие на все многомиллионное население французских колоний, и вскоре одна за другой они начали свергать вековое иго...

Изгнанные восставшими народами вчерашние господа и поныне скрежещут зубами: каких неимоверных возможностей обогащения они лишились! Их обуревает стремление любой ценой, под любым предлогом вернуться в оставленные ими благословенные места. Для этого, считают они, все средства хороши: и создание военных баз, и подрывная работа, и проникновение транснациональных монополий, и подкуп. И, как всегда, как это было и шестьдесят, и тридцать, и двадцать лет тому назад, в ход пускается миф о «советской угрозе», от которой они якобы хотят спасти слишком доверчивых по отношению к Москве.

Но жизнь — отличный учитель. И на заседаниях бюро президиума Всемирного Совета Мира, которые в эти дни шли с утра до вечера в любезно предоставленном в наше распоряжение властями Мадагаскара просторном зале заседаний министерства иностранных дел, звучали поистине страстные речи, опровергавшие этот злой миф.

Посланцы всех прибрежных и островных стран Индийского океана один за другим говорили: Соединенные Штаты и их союзники делают все, чтобы превратить наш «мирный регион в опасное предполье мировой войны; Советский Союз и другие социалистические страны твердо поддерживают требование о превращении Индийского океана в зону мира. Так кто же друг и кто враг? Откуда исходит опасность и кто идет на помощь? Мы — с Советским Союзом! И особенно горячо поддерживались при этом направленные на укрепление мира в этом регионе предложения товарища Л. И. Брежнева, внесенные им во время встречи с индийскими парламентариями в Дели.

Трудно было бы выбрать для проведения этих дискуссий более удачное место, чем столица Мадагаскара,— отсюда Индийский океан просматривается вдоль и поперек, океанские корабли идут вдоль его берегов, отсюда не так уж далеко и до Персидского залива и до американской базы Диего-Гарсия, и народ здесь остро реагирует на каждое событие, свидетельствующее об обострении обстановки по всем этим азимутам.

Вот почему так дружно собирались жители столицы республики на встречи с членами бюро президиума Всемирного Совета Мира — они проходили в эти дни трижды в помещении муниципального театра. Вот почему столичная пресса отводила ежедневно по нескольку полос под изложение наших дебатов. Вот почему с таким подъемом прошла встреча участников заседаний с президентом республики Дидье Рациракой, которому президент Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра вручил Золотую медаль Мира имени Жолио-Кюри в ознаменование его заслуг в борьбе за мир, и в частности за превращение Индийского океана в зону мира...

В Антананариву отлично понимают: судьбы Мадагаскара неразрывно связаны с успехами всех народов в борьбе за мир, а эти успехи будут тем прочнее, чем теснее будет единство миролюбивых сил. И добрым предзнаменованием на будущее явилось то, что все без исключения решения нашего бюро были приняты единогласно, под бурные аплодисменты.

В один из этих январских вечеров Ришар Андриамандзату пригласил нас, советских делегатов, к себе. С ним было несколько его коллег по комитету за мир и дружбу. Ришар хотел, чтобы мы немного отдохнули в этой дружеской среде, чувствуя себя как дома.

За ужином, однако, разговор пошел о серьезных вещах, да иначе и не могло быть: мы, естественно, искали любую возможность, чтобы пополнить свои знания об этой интереснейшей стране, где всем нам довелось побывать впервые. Естественно, что мы буквально засыпали своих хозяев вопросами о том, как идут дела сейчас в стране, с какими проблемами она сталкивается, каковы дальнейшие перспективы борьбы за развитие Мадагаскара по новому пути, смело избранному его руководством.

Ришару пришлось прочесть нам целую лекцию, и его друзья и соратники Жизель Рабесахала и Арсен Рацифехера, как могли, по-

могали ему отвечать на наши вопросы.

— Вы понимаете, конечно, какое это трудное дело — едва вырвавшись из колониального плена, оставаясь в реальной обстановке разоренной страны, к тому же все еще живущей во многом обычаями родового строя, ставить и решать задачи коренной перестройки экономики, культуры, социальных условий жизни, — говорил Андриамандзату.

Жизель тут же вставила:

— А ведь так хочется быстрее пойти вперед!

— Верно,— согласился Ришар.— Не потому ли иной раз наши планы превышают реальные возможности? После революции были разработаны перспективы развития страны до 2000 года. И был обнародован первый трехлетний план — на 1978—1980 годы. Что и говорить, за эти три года сделано много: национализирована бывшая иностранная собственность, в том числе банки, создан государственный сектор в промышленности, на транспорте. В 1980 году вступили в строй новая гидроэлектростанция в Намуруне, завод мочевины в Таматаве, мясокомбинат в Мадзунге. Строится семьдесят семь новых промышленных объектов — цементные заводы (ведь сейчас мы цемент покупаем за рубежом, на валюту!), завод сельскохозяйственного инвентаря и многие другие. Начато кооперирование деревни. Осуществляется народовластие — созданы народные комитеты, в каждой деревне образовано народное сообщество — фукунулуна, возглавляемое избираемым сельским народным советом, и эта система выборных органов осуществляется выше — снизу доверху...

Перспектива развития экономики Мадагаскара до 2000 года предусматривает доведение валового национального продукта на душу населения до 600—700 долларов в год (сейчас лишь 275 долларов), освоение 104 тысяч гектаров целинных земель, полное самообеспечение населения питанием — хотя страна производит сейчас два миллиона тонн риса в год, приходится прикупать за границей еще двести тысяч тонн, — развитие промышленности, расширение образования.

Замыслы большие, разумность их очевидна, — сказал Ришар, — и за эти три года сделано немало. Построен и реконструирован целый ряд заводов и фабрик, организовано несколько государственных сельских хозяйств, построены и открыты новые школы, медицинские пункты. Начальным образованием охвачено уже миллион триста тысяч детей, в школах второй ступени учится около ста тридцати двух тысяч человек, техническим обучением занято более десяти тысяч, в высших учебных заведениях — пятнадцать тысяч студентов (в провинции создаются шесть филиалов университета). Согласитесь, что для страны с населением немногим более девяти миллионов человек это для начала не так уж плохо.

Он помолчал, и вдруг по смуглому его лицу пробежала тень, и он продолжал голосом, в котором почувствовалось волнение:

— Конечно, трудностей еще немало, у нас нет опыта, не хватает квалифицированных специалистов, в казне не хватает средств, но мы справились бы со всем этим, если бы... Если бы нам не мешали внешние силы, которые никак не хотят примириться с тем, что мы теперь свободны и стали хозяевами в своем доме. Мы каждый день и каждый час ощущаем, как усиливается давление чудовищного пресса, у рычагов которого стоят эти внешние силы...

За счет чего Мадагаскар может развивать свою экономику? Прежде всего за счет экспорта своих природных богатств, которые весьма велики, и за счет продажи плодов земли, которые она может давать в изобилии в этом райском климате, позволяющем, например, сеять и собирать рис три раза в год. Но для того, чтобы в должной мере освоить эти возможности, нужны кредиты, а их господа капиталисты предоставляют, да и то в ничтожных размерах, народу, избравшему социалистическую ориентацию, только на кабальных условиях — на погашение долгов в 1979 году пошло 16 процентов поступлений от экспорта Мадагаскара, а в 1980-м — уже 28 процентов.

Но это еще не все. Стремясь взять освободившиеся страны измором и заставить их отказаться от нового пути развития, капитулировать перед транснациональными монополиями, империалисты весьма ловко манипулируют на мировом рынке ценами экспортируемых этими странами товаров. Больше того, они организуют форменный бойкот наиболее строптивых из них.

В Вашингтоне, например, никак не могут простить Мадагаскару, что он отказался проголосовать в ООН за резолюцию, осуждающую помощь, которую оказал Афганистану Советский Союз, и выступил в поддержку его законного правительства. Сразу же посыпались удар за ударом: закупочные цены на кофе и ваниль, экспортируемые Мадагаскаром, полетели вниз, к тому же Соединенные Штаты заявили, что ваниль им якобы не нужна.

После того, как Ирак, продававший ранее Мадагаскару нефть в кредит, прекратил ее поставки из-за войны с Ираном, арабские страны, где у власти стоят реакционные режимы, отказались их возместить, и теперь нефть приходится приобретать за наличные, по необычайно высоким ценам черного рынка, устанавливаемым в Роттердаме.

Была договоренность с Японией, что она продаст Мадагаскару недостающий ему рис, но под давлением из Вашингтона Япония вдруг заявила, что она резко сокращает продажу риса, хотя доподлинно известно, что на ее складах лежат пять миллионов тонн рисового зерна.

В результате всех этих махинаций страна в 1980 году потеряла 60 миллиардов малагасийских франков. Ее внешняя и внутренняя задолженность возросла до 240 миллиардов при бюджете страны на 1981 год в объеме 267 миллиардов малагасийских франков!

А тем временем в стране поднимает голову контрреволюционная агентура, поощряемая посольствами Соединенных Штатов и их союзников по НАТО, спекулируя на возникающих экономических трудностях, эта агентура провоцирует беспорядки и бунты.

— Делается это так,— говорили мне в Антананариву.— С одной стороны, некоторые связанные с колонизаторами реакционные профессора, которые пока из-за недостатка кадров все еще подвизаются в университете, натравливают на правительство студентов из богатых семей. С другой стороны, мобилизуют против правительства безработных — их в стране все еще около ста тысяч. Среди них — немало несознательных, не разбирающихся в политике людей, и когда подосланный иностранным посольством агент дает им на троих денежную купюру в тысячу малагасийских франков и говорит: «Идите на улицу, поджигайте автомобили, бейте витрины магазинов и берите там все, что вам нужно»,— охотники делать это находятся.

Перед лицом таких провокаций здоровые силы Мадагаскара проявляют выдержку и спокойствие. Как трудно им ни приходится, они убеждены: будущее принадлежит тому пути, на который народ Мадагаскара вступил в 1975 году, единодушно проголосовав за «Хартию малагасийской социалистической революции»...

На следующий день после памятной радушной встречи в доме Ришара Андриамандзату один из ее участников, Арсен Рацифихера, поднялся на трибуну нашей сессии бюро президиума Всемирного Совета Мира, чтобы заклеймить отвратительную подрывную деятельность империалистической агентуры против развивающихся стран. Он сказал, в частности:

— Они ведут кампанию отравления умов, и эта кампания — часть плана, задуманного силами тоскующей о прошлом реакции — плана дестабилизации нашего режима, возглавляемого президентом Дидье Рациракой. Почему именно Мадагаскар стал объектом атак империализма и его лакеев? Потому что мы избрали правильный путь — путь мира и прогресса, путь, ведущий к социализму. Конечно, у нас есть нерешенные проблемы, в особенности экономические, но, как бы то ни было, выбрав этот путь, мы убеждены, что преодолеем трудности, потому что малагасийский народ решил идти до конца, и он не одинок в этой борьбе, потому что с нами всемирные силы мира и прогресса, достойными представителями которых вы являетесь...

Ответом на эти слова были бурные аплодисменты членов бюро и присутствовавших на нашем заседании малагасийцев — членов Верховного революционного совета, членов правительства, представителей общественных организаций...

Работа в Антананариву подошла к концу. До отлета самолета в Москву оставались еще сутки, и наше гостеприимное посольство предоставило нам возможность совершить поездку в глубь страны — в город Анцирабе, который колонизаторы когда-то называли «мадагаскарским Виши»,— там бьют из земли ключи лечебной минеральной воды, прекрасный горный климат, и место это использовалось колониальной знатью для отдыха. Теперь Анцирабе — такой же рабочий город Мадагаскара, как и другие. Там, в частности, работает созданный советскими специалистами центр профессионально-технического обучения, и нам было небезынтересно познакомиться с ним.

В Анцирабе нас радушно встретили советские люди. В саду с тропическими фруктовыми деревьями рачительными хозяевами был накрыт стол с заботливо припасенными российскими закусками. Рядом под деревьями резвились ребятишки, дети советских специалистов. Хозяева, радовавшиеся встрече с нечастыми в этой мадагаскарской глубинке гостями из Москвы, рассказывали о своей жизни и работе.

Все единодушно отмечали гостеприимство и заботливое отношение к себе со стороны властей. «Конечно, у них не все еще ладится — не хватает опыта. Но ведь опыт — дело наживное»,— говорил Виктор Петрович Гусев, начальник профтехцентра, светловолосый уральский богатырь из Перми, где он руководил профессионально-техническим училищем.

Здесь работают одиннадцать наших специалистов, посланных со всех концов Советского Союза — из Российской Федерации, из Армении, с Украины, из Белоруссии. Все они — и Геворг Гегамович Абрамян, и Александр Петрович Деркаченко, и Олег Николаевич Смирнов, и все остальные — живут дружной семьей, по раз навсегда заведенному советскому укладу. Следят за международными событиями по «Правде», которая доходит сюда, хотя и с опозданием, раз в неделю. Проводят свои собрания, учатся в политкружке. И главное, учат мадагаскарцев работать — водить тракторы, ремонтировать их, слесарить, работать на станках.

Показали нам наши товарищи свою школу, созданную в помещении бывшей фермы. Здесь им пришлось немало потрудиться: сами делали столы, скамьи, приводили в порядок оборудование. А сейчас образцовый порядок, чистота, на стенах висят аккуратно выполненные чертежи — это лучшие работы воспитанников профтехцентра.

Повидались мы и с этими воспитанниками — нас дружески встретили хорошие молодые ребята в аккуратно сшитых комбинезонах. Это ребята образованные, окончившие школу и с большой охотой берущиеся за новое для них дело — они станут механиками, и от их работы в большой мере будет зависеть успешное решение большой задачи, поставленной президентом перед работниками сельского хозяйства Мадагаскара,— выиграть «битву за рис». Эта задача может и должна быть решена с помощью приобретенных правительством в СССР, Корейской Народно-Демократической Республике и Алжире полутора тысяч тракторов...

Нам рассказали, что на Мадагаскаре работают и другие советские специалисты. В университете и его филиалах ведут преподавание различных дисциплин двадцать семь посланцев советской науки. Наши геологи помогают мадагаскарцам разведать природные богатства острова. Советские специалисты уже завершили работы первой очереди по разработке системы орошения в бассейне реки Мандраре. Вступило в завершающую стадию осуществляемое с нашей помощью строительство средневолновой радиостанции. На аэродроме в Антананариву мы видели закупленные у нас Мадагаскаром советские пассажирские самолеты Як-40, Ан-26 и вертолеты...

Расширяются наши культурные связи — начал работать Дом советско-малагасийской дружбы, при нем действуют курсы русского языка, на которых учатся триста человек. С большим успехом прошла неделя советских фильмов — десять тысяч зрителей увидели семь наших кинокартин. Событием явились дни Советской Армении — ее культура была показана широко и всесторонне. С живейшим интересом встретили малагасийцы советскую футбольную команду «Нефтчи». В прошлом году 264 малагасийца уехали в СССР учиться в наших учебных заведениях.

Далек, далек от нас остров Мадагаскар — за тридевять земель, в тридесятом царстве. Но с каждым годом, с каждым месяцем все теснее становятся наши связи с этой интереснейшей и многообещающей страной. И можно ли удивляться тому, что и на обратном нашем, таком дальнем пути в Москву вместительный самолет Ту-154 был полностью загружен пассажирами, багажом и почтой?

Мы возвращались из лета в зиму. Под крыльями нашего воздушного корабля уплывала назад большая страна с ее городами, селениями, полями. И где-то там, внизу, стояли, подняв голову и глядя на самолет с изображением красного флага на киле, многие люди, связавшие свое будущее с мечтой о новой, пусть еще далекой жизни, имя которой — социализм.

Антананариву — Москва.

ЧЕТЫРЕ СЕРДИТЫХ МОНОЛОГА

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ

На часах 9 часов 26 минут. Вы влетаете в кабинет в растерзанном пальто без пуговиц, с авоськой, полной смятых пакетов молока, стекающего тонкой струйкой на служебный пол. Ваш начальник, конечно, на месте, внимательно рассматривает старые, ничем не примечательные часы на стене. Катастрофа. Автобус не пришел вовремя, такси по утрам едут только в парк, пешком не дойти и до обеда. Счастье, что хороший человек помог, подбросил прямо до подъезда. Цепь объективных причин, цепляющихся одна за другую. Рабочий день начат с непростительным опозданием, испорченными отношениями с начальством и соответствующим настроением.

Конечно, не каждый день начинается так неудачно, но тем не менее, что греха таить, не всегда наша сфера обслуживания работает четко и быстро. Что вы думаете по этому поводу? Расскажите нам в своих письмах о том, как вас обслуживают, о том, что вам мешает жить и работать. В сфере обслуживания в последние годы появилось очень много хорошего, много прогрессивных нововведений, облегчающих наш быт. Расскажите и об этом, дорогие читатели. Редакция ждет ваших сообщений и писем.

А сегодня мы публикуем несколько интервью с жителями Москвы, которые провела наш корреспондент В. Морозова.

* * *

Авангардная улица близ станции метро Водный стадион. Продовольственный магазин № 5 Ленинградского райпищеторга (директор И. Р. Богатырева) типа «универсам». Вечер. Покупателей немного. Один из них, **Т. АЛЕКСАНДРОВ:**

— В этот магазин захожу часто не потому, что он мне нравится, а потому, что живу рядом. Я холостяк и вынужден покупать продукты сам. Работаю у Сокола, но везти сумки из города не хочется, да и не всегда удобно. Что сказать о работе этого универсама? Начнем с дверей. Их две, и обе двойные, стеклянные, но открыто всегда только по одной, по диагонали, так что, если отвлечешься и пойдешь прямо, а не зигзагом, как задумали хозяева магазина, обязательно вышибешь стекло. Что и сделал в прошлом году мой друг. Не подумайте — в совершенно трезвом виде. Стекло здесь бьют часто, а система не меняется. И еще вот что. Тут самообслуживание, и спросить, что есть и чего нет, и вообще что-нибудь спросить не у кого. Правда, при выходе продавец или проверяющий, не знаю, как назвать, тут как тут. Осмотрит и сумку и портфель, все прощупает, все прокомментирует в доступных ему выражениях. Хотя, говорят, двойной контроль запрещен. Грубость, надо сказать, среди продавцов магазина процветает, а в мясном отделе так и кажется, что он как-то невидимо совмещен с винно-водочным. Есть здесь хлебный отдел, но количество хлеба для продажи берется, судя по всему, произвольно. Едешь домой и не знаешь, застанешь ли к вечеру хоть четвертушку черного.

* * *

9 февраля. Понедельник — день тяжелый, все же решаю попытать счастья, починить прохудившиеся сапожки. Неприятности начались у дома. Троллейбус № 47 подошел, не открыв заднюю дверь, пришлось бежать через сугробы к передней. В салоне споткнулась о торчащую в полу железку и ободрала кожу на ботинке. Окно не закрывалось, и в него валил мокрый снег. Касса не выдавала билеты... На Новослободской, в мастерской по ремонту обуви № 3, приемщица, взглянув на дыру в моем сапоге, лаконично сообщила:

— Она (догадывайся: мастер) будет в среду.

В следующей мастерской (Новослободская, 11) меня сразу направили к мастеру.

— Надо ставить заплатку и строчить. Получится грубо,— откровенно сообщила мне женщина, сидящая за швейной машинкой. — Видите, на чем мы работаем.

Взглянув на швейную иглу толщиной с хороший гвоздь, я убедилась в ее правоте.

Ни с чем ушла и другая заказчица. У нее на зимних сапожках сломался каблук, а срок починки— два месяца,— как видно, ее не устроил.

Довольные сидели только заказчики, которым меняли набойки на туфлях. Срок ремонта — три минуты. Но, к несчастью, скорость в иных случаях может и подвести. Дело в том, что для облегчения обуви каблуки делают полыми, и, чтобы набойка не отлетела, хороший мастер забивает каблук кусочком дерева — березы, бука или дуба. В мастерских же просто вгоняют длинный гвоздь, который лишь слегка прихватывает набойку.

Не стали в мастерских и прошивать подметки. А клей или обойные гвозди удерживают ее на неделю. На мой взгляд, главная беда нашей сферы обслуживания в том, что исчез непосредственный контакт мастера и заказчика. Мастер видит перед собой лишь бездушную квитанцию и выполняет работу строго по квитанции.

В. МАКСИМОВА, кассир

* * *

Это было не вчера, но все равно было. Мой сосед получил новую однокомнатную квартиру. Радость огромная, но, как выяснилось, разделяли ее не все. Во всяком случае, нельзя сказать, что оформление ее происходило без сучка и без задоринки.

Казалось бы, когда ордер на руках, прописка — дело элементарно простое, если ты много лет живешь и работаешь в Москве. Не тут-то было. В паспортном столе жэка № 16 по Полтавской улице паспортистка оказалась на редкость «крепким орешком» — никак с одного раза не называла весь перечень необходимых для прописки документов.

Только с трех заходов моему соседу наконец удалось выведать эту тайну. Причем каждый раз, требуя еще одну новую справку, эта милая рассеянная девушка, а точнее, должностное лицо, умело поворачивала дело так, что виноватым чувствовал себя, конечно, новосел. А на работе у новосела охотно разделяли его веселые заботы, с одной стороны, а с другой — в планы администрации вряд ли входили столь частые отлучки, хоть и по уважительной причине. Наконец, в четвертый раз паспорт был заполнен по всем правилам и вручен владельцу. Но когда он внимательно прочел запись, оказалось, что прописан он вовсе не на Бутырской улице, где уже полным ходом шла циклевка полов, а на Тихвинской, тоже в доме-новостройке, но не в однокомнатной квартире, а в трехкомнатной. Можно было бы и промолчать, чтобы не выглядеть мстительным человеком (мол, вы меня погоняли, теперь побегайте сами), но сосед решил, что еще, чего доброго, потеряется один в трехкомнатной квартире, и вернул свой паспорт на исправление. Новый паспорт он получил без проволочки.

Н. ДАНИЛОВ, художник

* * *

— Вы интересуетесь работой городского транспорта? Хочу сразу оговориться, по характеру я солдат, человек твердый и не очень эмоциональный. Могу выдержать все, но вот неточных людей воспринимаю плохо. В этом отношении мне нравится работа московского метро. Там хоть и тесно порой, многолюдно, но надежно. Спросите, и любой житель Свиблова, Чертанова, Конькова-Деревлева и Теплого Стана с точностью до минуты сообщит вам, сколько времени он тратит ежедневно на проезд в метро. Зато на вопрос о том, долго ли он добирается до ближайшей станции от дома, можно только пожать плечами. Как ни странно, самые легкие в Москве — часы пик. Автобусы, троллейбусы идут переполненные до предела, но главное — идут, и ты чувствуешь, что тебя уважают как пассажира, спешащего на работу или обратно домой после трудового дня. Все машины на линии.

Зато днем и особенно поздно вечером темп жизни городского транспорта замирает. Можешь поминутно смотреть на часы, выскакивать на проезжую часть, все равно не узнаешь, когда придет твой долгожданный автобус. Особенно знаком мне маршрут 27-го трамвая от метро «Войковская» до улицы 8 Марта.

В субботу 6 февраля договорились с другом встретиться на остановке 27-го Бутырский рынок. Когда я подошел к месту встречи без восьми минут девять, появился первый трамвай. В 8 часов 55 минут прибыл второй, через минуту — третий. Затем любопытства ради стал записывать номера: 1804, 1919, 1849, 859, 830 и так вплоть до № 917-го, тринадцатого по счету, когда пришел мой товарищ. Сели мы в трамвай в 9 часов 15 минут, а следом уже показался четырнадцатый — и все в одну сторону. Надо сказать, что на этом маршруте вообще очень спаянный коллектив водителей и ходят они таким манером довольно часто, не отставая друг от друга. Беда только в том, что этот дружный коллектив нередко наблюдаешь с противоположной остановки, стоя в толпе нервных пассажиров. Хорошо, что у меня характер солдатский и я точно знаю, что нервничать бесполезно: пока весь этот длинный поезд не доедет до конечной остановки, обратно не повернет.

Так было и 9 февраля. С 15 часов до 15 часов 40 минут прошло 32 трамвая в одну сторону и ни одного в другую.

В такие дни я на всякий случай чаще пью кофе и принимаю успокоительные таблетки.

М. ТОРОБОВ, линотипист

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

СЛОВО О ПЕСНЕ

— В русской народной песне таится неисчерпаемая красота. Если тысяча исполнителей будут петь, например, «Вниз по Волге-реке», каждый будет находить свою краску, свою интонацию, но все они смогут лишь зачерпнуть из бездонного колодца, имя которому — народная песня.

Надо радоваться тому, что народная песня сейчас необычайно популярна и среди людей старшего поколения, знающих Русланову, Мордасову, и среди молодежи. Но не секрет, что излишняя популярность рождает моду. Ведь тиражирование темы в тысячах образцов, не всегда достойных бессмертного оригинала, не может не тревожить. Поэтому необходимо бороться за чистоту народной традиции да и сохранность ее. Прекрасное нужно беречь — по-моему, это не ново...— так думает заслуженная артистка РСФСР Нина Татьянченко.

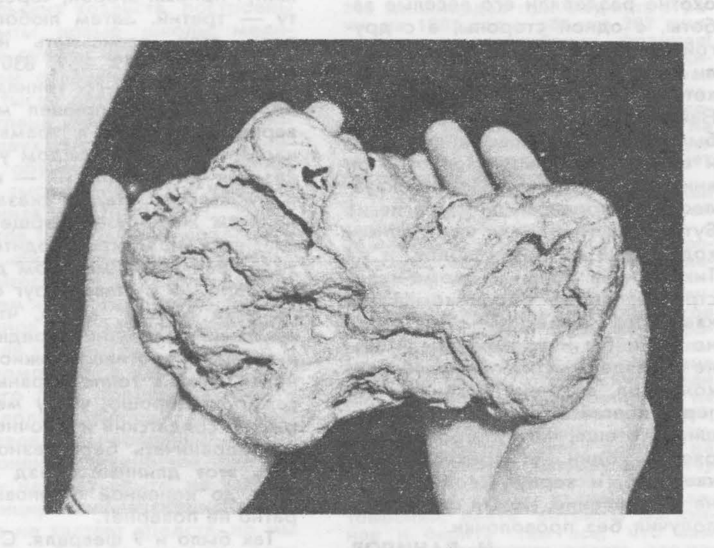
На вопрос, как она пришла к народной песне, певица растерянно улыбается:

— Я не пришла — я родилась и выросла среди песен! У нас на Ставрополье сохранились и казачьи песни, и русские, и украинские. Но главное, в чем мне повезло,— моим учителем на протяжении многих лет была Ирма Петровна Яунзем. Обладая огромным опытом, исключительным талантом и эрудицией, Ирма Петровна никогда не навязывала ученику своих суждений. Над песней «Ехал на ярмарку ухарь-купец» я работала с Яунзем. День пою, Ирма Петровна говорит: «Скучно». Два пою — скучно. Три дня пою, душу вынула, а Ирма Петровна молчит, только смотрит на меня. Потом говорит: «Слова прекрасные, мелодия — чудо, а я тебя не слышу, не понимаю». Долго мы друг друга мучили, пока не нашли новую интонацию. Ирма Петровна научила меня всему в песне — доброте, искренности, щедрости. Сейчас любят спорить, нужен ли исполнителю режиссер. А по-моему, спорить-то не о чем. Конечно, необходим рядом умный, знающий человек, который научит главному — культуре. Очень важно это качество на эстраде.

...Когда в 1960 году никому не известная певица из Грозного стала лауреатом Всероссийского конкурса артистов эстрады, на нее сразу обрушилось множество лестных предложений из самых авторитетных коллективов. Нина Татьянченко спокойно их выслушала и... уехала в Грозный. Это мы сейчас можем гадать, что было бы, если бы... А Нина Осиповна считает, что все было правильно. Она очень многому научилась за эти годы. Голос ее, поражавший мощностью и глубиной, приобрел новые краски. Стремление к острой характерности, которая делает песенный образ выпуклым, убедительным, стало отличительной чертой стиля актрисы. Постепенно сложился репертуар. И так тесно в дарованиии Татьянченко переплелись черты ее характера с широтой, силой любимых песенных героев, что не определишь сейчас — то ли песни сформировали человека, то ли человек сделал песни частью своей души. Яркость, необычность таланта певицы неразрывно связаны с ее беспокойным, порой крутым, но неизменно искренним и прямым нравом. Сейчас редки такие люди — ведь мы порой бережем себя от эмоций и стрессов. А герои любимых песен Нины Татьянченко всегда напоминают о силе, удали и доброте русского характера, о способности человеческой души тратить себя без оглядки, щедро одаривая других...

Л. ЛУКЬЯНОВА

ВОТ ЭТО НАХОДКА!

На фотографии, присланной в редакцию нашим читателем Алексеем Сергеевичем Скалацким, вы видите золотой самородок. Он весит 6575 граммов и в длину достигает 18 сантиметров.

Этот неожиданный и тем более приятный сюрприз был обнаружен машинистом бульдозера Билибинского горно-обогатительного комбината Дмитрием Лысенко во время оперативного опробования золотоносных песков. Подойдя к опробщикам, Д. Лысенко пошутил, что, мол, вы, ребята, ищете, вот же оно, золото, и показал на самородок, который, поблескивая своим гладким боком, лежал среди обломочного материала золотоносного пласта.

Что называется, снайперский глаз у Д. Лысенко. Он и до этого неоднократно находил самородки весом 250 граммов, 320 граммов, 470 граммов. И вот теперь такой гигант.

А. СКАЛАЦКИЙ,
фото автора

8 000 000 моторных лодок и катеров будет насчитываться у населения к концу одиннадцатой пятилетки. Как решить вытекающие отсюда многочисленные проблемы, связанные с охраной окружающей среды, безопасностью людей на воде, наконец, собственно юридического статуса маломерного флота!

ФЛОТ БЕ

К маломерному флоту относятся катера и моторные лодки, яхты, гребные и парусные шлюпки, находящиеся в частном, общественном и государственном пользовании, имеющие размеры до десяти метров в длину и мощность двигателя, как правило, до 50 лошадиных сил. Все, что больше, подчиняется строгой и ясной морской или речной юрисдикции и к нашей теме отношения не имеет.

По приблизительным, явно заниженным данным (никто точного счета не ведет), сегодня в стране плавает по рекам и озерам, водохранилищам и морским прибрежным акваториям, готовится в походы, стоит в больших и малых гаванях, у «официальных» и самодельных причалов, а то и просто во дворах более пяти миллионов катеров и моторок.

История маломерного флота насчитывает от силы три десятилетия. В довоенный период и первые послевоенные годы личный моторный катер, личная моторная лодка были редкостью. В тот период маломерный флот составляли в основном суда, принадлежавшие спортобществам, государственным организациям и колхозникам — жителям прибрежных сел и деревень. Это были те самые двести тысяч единиц, которые насчитывались к 1960 году. При громадности наших водных путей и акваторий они никакого влияния на окружающую жизнь не оказывали.

Фанатики — парусники и водномоторники составляли тогда хотя и небольшой коллектив, но весьма действенный и энергичный, влюбленный в свое занятие, ставшее для них второй жизнью. Мы хорошо знали, что это увлечение способствует формированию многих нужных и важных черт характера, не говоря уже о сохранении и укреплении здоровья.

В те годы юности маломерного флота мы входили группами, секциями, подразделениями в различные известные и авторитетные спортивные общества. Наш флот размещался на водноспортивных базах «Спартака», ЦСКА, «Динамо», «Буревестника», «Труда». Наибольшее число водномоторников-любителей было объединено «под рукой» ДОСААФа.

Чаще всего мы строили сами свои кораблики или перестраивали, восстанавливали их из числа списанных на дрова почтенных ветеранов флота, с огромным трудом доставали или опять же собирали из металлолома двигатели. А нередко вместо моторов у нас были паруса или просто весла.

Создавая свои «плавсредства» от нуля, мы относились к ним, можно сказать, с благоговением. Увы, нынешняя «маломернолюбительская» молодежь в большинстве своем относится к ним уже иначе. Жесткий закон психологии: чем легче достается, тем меньше ценится.

В наших небольших коллективах кипела учебно-спортивная и воспитательная работа. Мы были членами огромной армии спортсменов страны, мы это твердо знали и соответственно с этим строили свою жизнь на воде. Устраивали соревнования, занимались конструированием новых типов катеров, лодок, яхт, моторов, разрабатывали новые спортивные и туристские программы и нормативы.

Вся работа, проводимая в наших коллективах, имела не только «академически спортивное», но и чисто прикладное, практическое значение. Дело в том, что есть немало параметров, по которым капитан большого судна и капитан моторки абсолютно равны. Это, например, ответственность за безопасность плавания, за жизнь пассажиров и невредимость судна. Это также ответственность за безопасность общей обстановки на водных путях при встречах, расхождениях и иных случаях «общения» с другими судами. Это, наконец, ответственность за чистоту и сохранность природной среды, с которой судно и экипаж взаимодействуют в плавании и на стоянках. Ответственность, ответственность, ответственность... Всему этому речников и моряков испокон веков долго и терпеливо учат. Воспитывают. Всему этому и нас учили наши опытные и строгие учителя и наставники. Это была большая, настоящая школа капитанов малого флота.

Второй этап истории маломерного флота можно обозначить следующим образом: промышленность выбрасывает ежегодно на рынок сотни тысяч «казанок», «прогрессов», складных и надувных лодок, «вихрей», «нептунов», «ветерков» и так далее и так далее. Конструкторы не дремлют, качество продукции повышается.

З АДМИРАЛА

Эскадры индивидуального флота растут со скоростью звука. Увеличивается разобщенность владельцев малых кораблей и, как следствие, происходит резкое падение того, что на флоте называется морской культурой (для водномоторников аналогичное определение как-то не придумалось). Спросите: почему?

Думается, объяснение простое и ясное. Во-первых, в магазине с вас спрашивают только деньги. И за эти деньги вы получаете корабль с мощным двигателем. Владей, капитан! Гоняй, как умеешь! А если не умеешь, все равно гоняй! Никаких капитанских дипломов, никаких удостоверений, никаких технических паспортов или иных регистрационных документов никто с тебя не спросит. А если к твоему катеру подойдет инспектор, так ведь это же общественник или инспектор ОСВОДа — организации не административной, не государственной. Такому инспектору можно подчиняться, а можно и не подчиняться — дело добровольное.

Во-вторых, перед внезапным наплывом этой армады закрыли свои двери, свои гавани все спортобщества. Жестоко, но справедливо. Потому что «капитаны из магазинов» были весьма далеки от спортивных интересов. Моторлодка превратилась из спортивного аппарата в многоцелевое транспортное средство. Многомиллионная армия «частников»-водномоторников просто захлестнула бы, уничтожила всю спортивную работу обществ. Последним отказался от водномоторников-индивидуалистов ДОСААФ. Так возникла огромная бесхозная флотилия, оснащенная вполне современными судами и моторами, ведомая малограмотными (в большинстве своем) «капитанами», далекими от чувства ответственности за себя, за свое судно, за пассажиров. Тут и браконьерство, и гибель людей на водоемах, и пьяные за штурвалами моторок, и разрушение берегов, и захламление прибрежных лесов, и уродование берегового фасада городов самодельными сараями-эллингами и причалами, и многие другие безобразия.

Справедливости ради надо сказать и о том, поистине отчаянном положении, в котором оказались сами новоявленные судовладельцы. Нет баз, нет стоянок, нет станций ремонта и обслуживания, нет сети станций заправки горючим, нет ничего адекватного мотелям на автодорогах. Вообще же для того, чтобы ярче представить себе положение маломерщиков, вполне резонно расширить сравнение мотолодок с индивидуальными автомашинами, ибо назначение и применение и тех и других довольно схоже. Тут нелишне будет заметить, что маломерный флот наш почти в полтора раза превышает численность автомобилей частного владения. Так вот, если можете, представьте себе автотранспорт сегодняшнего дня без всей широкой сети автосервиса и других видов обеспечения. Как говорится, такое можно увидеть только в страшном сне.

Сейчас спохватились многие. И сами водномоторники и различные ведомства, министерства, органы Советской власти на местах. Минрыбхоз, например, жалуется, что на многих водоемах страны браконьеры-водномоторники добывают рыбы больше, чем государственные организации. Минречфлот бьет тревогу по поводу непрерывного нарушения маломерщиками «Правил плавания по внутренним водным путям», в результате чего десятки (если не сотни!) раз создавалась аварийная ситуация на водных трассах. Органы прокуратуры всех степеней тоже хорошо знакомы с печальными случаями на воде. Жалуются медики, жалуются экологи, очень много жалоб и претензий от самих судоводителей-любителей. Словом, с маломерным флотом неладно. Проблем множество, претензии друг другу предъявляют обе стороны. Можно ли выделить главную проблему, ключ ко всем остальным? Да, можно.

Эта главная проблема определяется так: флоту нужен хозяин.

Вернемся к автомобильной аналогии. Кто хозяин у беспокойного племени автомобилистов? Ответ известен: ГАИ. Уважаемая, облеченная всей полнотой власти государственная организация.

А кто хозяин маломерного флота?

После того, как ДОСААФ отказался от маломерщиков, в начале семидесятых годов принято было далеко не лучшее решение: контроль за всеми аспектами деятельности маломерного флота возлагается на навигационно-технические инспекции при органах ОСВОДа. Инспекции были укомплектованы опытными людьми, преданными делу, готовыми принять на себя тяжкое бремя забот о маломерном флоте. За последние годы НТИ во многих областях Российской Федерации и других союзных республик сумели сделать немало: во многих центрах они проводят аттестацию судоводителей-любителей и регистрацию принадлежащих им судов, патрулируют с целью пресечения нарушений режима плавания маломерного флота. Сделаны первые, но очень важные шаги. Значит, все в порядке? Нет! Совсем не в порядке.

Фокус в том, что навигационно-технические инспекции функционируют при ОСВОДе — организации общественной, и никаких административных прав не имеют. А что это значит? Что те люди, которые зарегистрировали свои суда, получили удостоверения на право вождения, сами, добровольно захотели подчиниться НТИ. По сути дела, положение такое, как если бы половина всех автомобилистов страны подчинялась правилам ГАИ, а другая — игнорировала бы их. Совершенно очевидно, что та половина, которая вступила в подчинение НТИ,— наиболее сознательные, дисциплинированные судоводители. А те, кто уклоняется от всяких отношений с инспекциями, и есть нарушители правил, законов, традиций на воде.

На них-то и нужна управа, но... руки коротки. Именно против них хозяин маломерного флота бессилен. Это нелепое положение с подчиненностью НТИ было сразу замечено и отмечено и общественностью, и органами прессы, и заинтересованными ведомствами еще десять лет тому назад, как только были созданы инспекции.

«Сейчас НТИ существуют при ОСВОДе. Довольно странная принадлежность! Это равносильно тому, как если бы органы ГАИ существовали при дружинах общественного порядка...» Так писала газета «Водный транспорт» еще в 1973 году. Точно такое же положение сохраняется и сегодня, хотя с каждым годом все больше и больше наглядных и опасных примеров демонстрируют всем, что это такое — флот без адмирала.

Что же дальше?

Маломерный флот возник и существует, представляя собой «обоюдоострое оружие». Он, несомненно, приносит радость людям, любящим природу, имеющим склонность к путешествиям, радость, какую не может дать даже автомобиль. Он же, несомненно, может стать и нарушителем спокойствия, разрушителем природы, средством противозаконной деятельности. И только сильный хозяин — государственная организация типа ГАИ — сумеет открыть возможности для первого и не допустит второго.

Кому же быть хозяином маломерного флота? Логика жизни предлагает два оптимальных варианта: либо Министерству речного флота — хозяину наших внутренних водных путей, либо МВД СССР. Третьего, как говорится, не дано.

Однако сегодня во всех этих рассуждениях главным становятся сроки и темпы. Ведь к концу одиннадцатой пятилетки маломерный флот будет уже насчитывать 8 000 000 единиц! Затягивать решение о создании службы государственной водной инспекции, по нашему мнению, больше нельзя. Дело слишком серьезно, опасность и потери в общегосударственном масштабе слишком очевидны.

Флот ждет своего адмирала!

А. ГУСЕВ, профессор, доктор физико-математических наук, зав. кафедрой физики моря и вод суши МГУ, стаж спортивных плаваний на судах маломерного флота—50 лет; В. ПЕТРОВ, юрист, член Московской городской коллегии адвокатов, стаж плаваний—14 лет; Р. КРЮКОВ, доктор технических наук, зам. директора института ЦНИИЭП жилища, стаж плаваний — 20 лет; М. БАРИНОВ, журналист, яхтенный капитан, стаж плаваний — 39 лет.

Публикуя это письмо, редакция надеется, что заинтересованные организации выскажутся по этой волнующей многих читателей «Огонька» проблеме.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ЕЩЕ РАЗ О КЕМЕРИ

В десятой пятилетке в здравницах профсоюзов лечилось и отдыхало около пятидесяти миллионов человек, то есть каждый пятый житель страны. На новое строительство, благоустройство и оснащение санаториев, пансионатов и домов отдыха было израсходовано за пятилетие около миллиарда рублей... Эти цифры привел недавно на заседании Центрального совета по управлению курортами профсоюзов его председатель И. И. Козлов.

Участники заседания обсудили задачи по развитию курортной системы, вытекающие из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXVI съезде партии, решений съезда и XII пленума ВЦСПС.

— Однако, — подчеркивал И. И. Козлов, — успехи были бы еще более ощутимы, если бы подрядные организации полностью выполняли установленные им ежегодные планы по курортному строительству и вводу объектов. На XXVI съезде партии отмечалось, что плохо выполняются планы строительства больниц и здравниц. Только по нашей отрасли недоосвоено за годы десятой пятилетки 147 миллионов рублей, недодано около 10 тысяч мест. Длительные сроки строительства стали хронической болезнью.

В числе таких закоренелых долгостроев, как Аршан в Бурятии, Новое Усолье в Иркутской области, Ходжа-Обигарм в Таджикистане, Джермук и Арзни в Армении, докладчик назвал и Кемери в Латвии. Журнал «Огонек» не раз писал о причинах срыва сроков строительства этого крайне нужного людям санатория («Бесславный юбилей», № 36 за 1979 год, «Продолжение бесславного юбилея» № 9 и «Как дела в Кемери?» № 27 за 1980 год). Министр строительства Латвийской ССР И. Улманис в последнем своем письме заверял редакцию, что первая очередь здравницы будет сдана в эксплуатацию в конце 1980 года. Сегодня на календаре апрель, как говорят, все сроки прошли...

Вот что сообщил В. И. Климов, главный врач санатория «Латвия»,— такое имя уже получила все еще не достроенная здравница:

— Качество работ, особенно столярных, потолочных и укладки линолеума в палатах, низкое. Оборудование кухни и других объектов было давно доставлено, но оно без присмотра, ржавеет и растаскивается. Из-за отсутствия акмиграновой и древесноволокнистой плиты может быть сорван пуск пищеблока. Акмигран выпускает одно из предприятий в Белорусской ССР, но в поставках отказано. Не выдержала сильных дождей кровля. Скоро год как она ждет ремонта. Словом, чувствуется, что нет должного оперативного и постоянного руководства. Окончательный срок сдачи первой очереди (чтоб без всяких доделок!) перенесен на июнь. Но намеченные и утвержденные графики вновь не выполняются.

Одно время на стройке работал штаб. возглавляемый В. Н. Стреляевой, начальником производственного отдела Минстроя республики. Тогда дела шли энергичнее. Надо полагать, что министерство усилит в остающееся время контроль за ходом работ и приложит все усилия, чтобы здравница наконец вступила в строй.

В три наката

Сергей СОЛОДОВНИКОВ

Житель небольшого городка Ухтянска Семен Тихоедов, будучи по натуре мнительным пессимистом, был твердо уверен, что с его «Жигуленком», выигранным полгода назад в лотерею «Спринт», обязательно что-нибудь да случится, но чтобы такое...

В автомобиль Тихоедова попал метеорит. И довольно приличных размеров. Пробив капот, небесное тело превратило почти новенький двигатель в кучу оплавленного металлолома и кануло в недра.

Придя в себя от потрясения, Семен прикинул сумму, в которую ему обойдутся последствия столь необычайного явления, и помчался в местное отделение Госстраха. Ему удалось убедить тамошних агентов в том, что падение метеорита можно считать стихийным бедствием, за что полагалась выплата страховки, но те, в свою очередь, потребовали от Тихоедова вещественного доказательства — метеорита.

Семен взял неделю за свой счет, вооружился лопатой и с кротиным энтузиазмом углубился в грунт. На третий день Тихоедов наткнулся на останки древнего поселения, но метеорита в нем не обнаружил. Побив в сердцах всю гончарную посуду, найденную на откопанном пятачке, Семен устремился вглубь. Однако на пятый день в лицо ему ударил фонтан минеральной воды, и копку пришлось приостановить.

Прибывшие из центра специалисты дали неутешительное для Тихоедова заключение: фонтанировавшая вода не уступала по качеству «Боржоми», и ее было много. Перед Ухтянском замаячила перспектива стать городом-курортом.

Тихоедов не стал ждать, пока будущие толпы отдыхающих выпьют всю местную минералку, а решил прокопаться в обход, прикинув, что так будет быстрее. Взяв очередной отпуск, Семен целиком посвятил себя земляным работам. Однако на пятнадцатый день Тихоедова вместе с лопатой стремительно вынесло на поверхность мощным напором маслянисто-бурой жидкости, от которой подозрительно попахивало мазутом.

Десантировавшиеся на место геологи подтвердили худшие опасения Семена: местная нефть не уступала по качеству бакинской, и ее было много. Об Ухтянске заговорила мировая пресса.

Тихоедов прикинул, что прокопаться в обход нефтяных пластов ему вряд ли удастся, и решил было прекратить поиски, но его осенила смелая догадка. Семен смекнул, что метеорит мог, подобно нейтрино, пробить земной шар насквозь и выпасть на поверхность с противоположной стороны.

Тихоедов одолжил у соседа глобус, проткнул его вязальной спицей в точке, соответствующей координатам Ухтянска, и увидел, что спица вышла наружу в районе Тихого океана, пронзив изнутри небольшой коралловый атолл под названием Кснят-Ху. Семен срочно навел справки у своих друзей и приятелей, нет ли у кого родственников или просто знакомых на Кснят-Ху, с которыми можно было бы списаться и разузнать, не видел ли кто-нибудь случайно выброса на поверхность ухтянского метеорита. Однако таковых не оказалось.

К тому же местный географ рассказал Тихоедову, что атолл Кснят-Ху до сих пор необитаем, поэтому единственная возможность выяснить все насчет метеорита — это съездить туда самому. Семен прикинул и решил, что ехать в такую даль все-таки не стоит.

...Прошли годы. Старый Ухтянск неузнаваемо преобразился. На месте падения злосчастного метеорита выросли по соседству санаторий «Звездопад» и крупный нефтеперегонный завод «Мазутовец». За ухтянской минеральной в столичных городах выстраиваются очереди, а на другом конце планеты мимо небольшого атолла Кснят-Ху проплывают супертанкеры, груженые ухтянской нефтью.

Тихоедов почти закончил ремонт своего автомобиля, сумев достать все, кроме распредвала и крышки трамблера. С идеей поисков метеорита и получения страховки Семен окончательно распростился. Сейчас он занят другим: хлопочет о гараже с бронированной крышей. В три наката.

НАДЕЖНАЯ СТРАЖА

Живет в соседней квартире болонка Муха. Ее хозяева Николай Иванович и жена его Фаина Ермолаевна купили перед дачным сезоном цыплят. И не стало больше Мухе ни сна, ни покоя. Ходит кругами вокруг пищащей коробки и воет. Не могут взять в толк хозяева, чего собачья душа просит. Вспомнили, как гоняет Муха на даче и птицу залетную и кур соседских. Поэтому и не подпускали ее к цыплятам.

Да не углядели. Смотрят, а Муха уже в коробке. Улеглась и не шевелится. Николай Иванович попытался было силой отлучить собаку от цыплячьего общества, но та злобно зарычала.

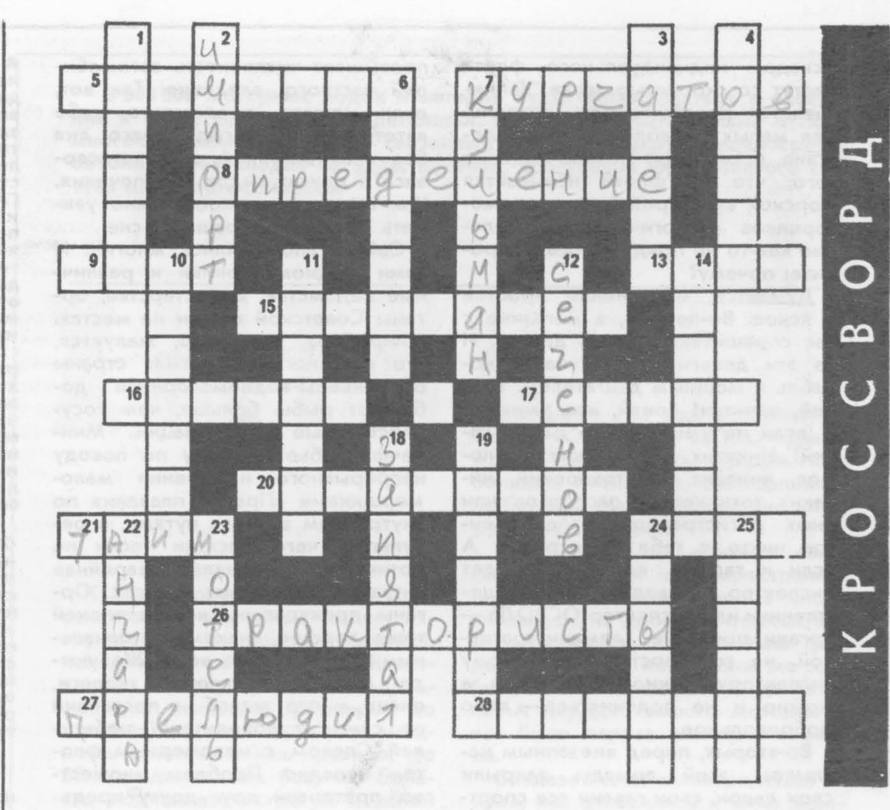
— Ладно уж, лежи,— сказал Николай Иванович.— Только не обижай.

Но Муха об этом и не помышляла. Одного цыпленка облизала, другого. Третий залез ей на голову, да вдруг вывалился на пол. Муха бережно взяла его зубами за крылышко и водворила на место.

Так и живут цыплята под строгим надзором болонки. Никого она к ним не подпускает. Надежная стража.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ.
Фото автора

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка». 7. Физик, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 8. Член предложения. 9. Гоночный микролитражный автомобиль. 13. Один из основоположников жанра научно-фантастического романа. 15. Декоративное вечнозеленое растение рода цитрус. 16. Устное изложение учебного материала в вузе. 17. Режиссер и актер, выступавший во МХАТе, народный артист СССР. 20. Советский летчик-космонавт. 21. Период игрового времени в футболе. 24. Приток Камы. 26. Фильм, снятый кинорежиссером И. А. Пырьевым. 27. Вступление в музыкальное произведение, небольшая пьеса. 28. Областной центр в РСФСР.

По вертикали: 1. Гимнастический снаряд. 2. Вид внешней торговли. 3. Русский композитор, пианист. 4. Роман из трилогии К. А. Федина. 6. Зодиакальное созвездие. 7. Чертежный прибор. 10. Химический элемент, металл. 11. Денежная единица Венесуэлы. 12. Основоположник русской физиологической школы. 14. Герой рассказа из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 18. Знак препинания. 19. Вулканический массив в Африке. 22. Приток Енисея. 23. Гостиница для автотуристов. 24. Поэт, друг А. С. Пушкина. 25. Русская мера длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 7. «Трубадур». 8. Интеграф. 9. Удыль. 10. Ибсен. 11. Анкер. 12. Василистник. 16. Кучинг. 17. Прерия. 18. Цитата. 19. Подвиг. 23. Чертокуцкий. 26. Ложки. 27. Финал. 28. Гелий. 29. Разведка. 30. Открытие.

По вертикали: 1. Прудовик. 2. Пальма. 3. Врубель. 4. Витебск. 5. Пекари. 6. Каденция. 12. Вучетич. 13. Санитар. 14. Норфолк. 15. Каравай. 18. Целлофан. 20. Гербицид. 21. Номинал. 22. Куратов. 24. Елисей. 25. Ингури.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Д. Налбандян. В. И. ЛЕНИН.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Здесь работает бюро президиума Всемирного Совета Мира. * В окрестностях Антананариву. * Школьники возвращаются домой. * Новые дома столицы страны. * Мавзолей мучеников и героев революции в Антананариву. * Вдоль дороги высятся гигантские деревья. (См. в номере материал «Путешествие из зимы в лето».)

Фото Ю. Жукова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30. 03.81. Подписано к печати 14.04.81. А 00360. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1042. Заказ № 328.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Комментарии излишни

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

